МИРОВАЯ КЛАССИКА

Грейс Ливингстон Хилл

ДЕВУШКА ИЗ МОНТАНЫ

перевод НАТАЛИИ РУДНИЦКОЙ

Девушка из Монтаны
Грейс Ливингстон Хилл

Аннотация
Грейс Ливингстон Хилл. Девушка из Монтаны
Грейс Ливингстон Хилл: история личности как история автора
Глава 1. Девушка и великая скорбь
Глава 2. Побег
Глава 3. Погоня
Глава 4. Пара беглецов
Глава 5. Ночная скачка
Глава 6. Дикий Запад и Общество христианских усилий
Глава 7. Плохие новости
Глава 8. Разлука
Глава 9. В западне
Глава 10. Наконец-то Филадельфия
Глава 11. И снова в бега
Глава 12. Декларация независимости Элизабет
Глава 13. Другая бабушка
Глава 14. В новом мире
Глава 15. Знаменательный пикник
Глава 16. Опять в одиночестве
Глава 17. Последний побег и последняя погоня

Аннотация

«Девушка из Монтаны» – романтическая история в декорациях вестерна. Жизнь в дикой Монтане – крайне опасная, особенно для девушки, потерявшей родителей. Чтобы спастись от жестокого преследователя, убившего ее брата, Элизабет отправляется верхом на Восток. Вдруг ей повезет и она найдет семью? К тому же на ее невероятно трудном пути находится мужчина, готовый прийти на помощь. И вот уже американские прерии сменяются городскими джунглями и аристократической обстановкой Филадельфии. Ведь в конце концов дело не в том, откуда вы родом, а в том, кем вы сможете стать, не растеряв самое главное – умение отличать добро от зла и делать правильный выбор.

Грейс Ливингстон Хилл
Девушка из Монтаны

Дизайн обложки Виктории Лебедевой
В оформлении обложки использованы материалы Shutterstock

© Наталия Рудницкая, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. Livebook Publishing LTD, 2026

* * *

Посвящается мисс Вирджинии Коуэн из Коуэна, Монтана, чьи душевные и живые письма помогли мне описать приключения Элизабет на Западе

Грейс Ливингстон Хилл: история личности как история автора

Судьба американской писательницы Грейс Ливингстон Хилл в целом не отличалась от многих других сложных женских судеб. В ней были и бесконечные переезды, и финансовые трудности, и вдовство, и развод, и бессонные ночи, проведенные в работе, чтобы прокормить семью, и борьба с раком на исходе жизни. Однако Грейс выросла в атмосфере сплоченности и поддержки, благодаря чему ей хватило сил и смелости пережить все, что выпало на ее долю, и стать одной из самых известных писательниц романтической литературы.

Грейс родилась в 1856 году в крошечном поселке Уэллсвилл, штат Нью-Йорк. Ее отца, пресвитерианского священника, преподобного Чарльза М. Ливингстона, дела церкви вели из города в город, а семья переезжала вместе с ним. Его жена, Марсия Макдональд Ливингстон, писала статьи для христианских журналов и романтические рассказы о периоде Гражданской войны. Именно мать привила Грейс литературное мировоззре-

ние, а отец сформировал религиозное. Девочке дали разностороннее образование — она играла в шахматы, занималась спортом и верховой ездой, замечательно рисовала, помогала отцу в церкви и воскресной школе; вся семья не только изучала Библию, но и активно читала книги светского содержания, в том числе мировую классику. Это предопределило жанровое направление творчества Грейс.

В мир большой литературы девочку привела ее тетя, писательница Изабелла Макдональд Алден, — именно она первой опубликовала рассказ племянницы в своем журнале «Пэнси» в 1870 году. Уже через семь лет повесть Грейс вошла в цикл изданий для детских библиотек, а через год была издана первая полноценная книга «Идиллия Чаутоквы». Ее выход приурочили к ежегодным «сборам Чаутоквы», тогда еще молодого религиозно-образовательного проекта для взрослых. Первые шаги на писательском поприще оказались успешными — и на протяжении всего своего длинного творческого пути Грейс Ливингстон Хилл написала более сотни романов и множество рассказов.

В ее книгах часто поднимается тема поиска теплого семейного круга и верности идеалам —

она писала о том, чем была полна ее собственная жизнь. Отец сам обвенчал ее с первым мужем, Томасом Франклином Хиллом. Когда Франклин заболел, родители перебрались поближе к Грейс и были рядом после его смерти. Когда вскоре скончался и сам преподобный Чарльз, мать осталась с дочерью и внучками, Рут и Маргарет. Второй муж Грейс, Флавий Джозеф Лутц, оказался бездельником, грубияном и гулякой. Христианское воспитание и убеждения Грейс взывали к терпению и смирению, а не к разводу, но терпеть человека, поддающегося искушениям, было выше ее сил, и она решилась аннулировать брак. Грейс продолжала писать — еще при жизни первого супруга она поняла, что только литература поможет ей зарабатывать деньги, находясь при этом рядом с детьми. Ее жизнь закончилась раньше творчества — последнюю книгу, «Мэри Арден», дописывала после смерти матери ее младшая дочь, Рут. Преемственность поколений семьи Ливингстон обеспечивали талантливые и решительные женщины.

Все обширное литературное наследие Грейс Ливингстон Хилл — это гимн христианской морали. Что ее первый вестерн «Девушка из Монтаны», что романтическая история скитаний «Тайна

Мэри», что написанная в соавторстве с Элизабет Бут книга о подвигах женщин из Армии спасения призывают читателя следовать простым законам бытия: твори добро, не твори зла, работай над собой.

Ее книги могут показаться немного наивными — их герои неизменно религиозны и добродетельны (либо становятся таковыми), их преследуют соблазны и перипетии судьбы, а в конце добродетельность обязательно вознаграждается, и читатель наслаждается счастливой — или хотя бы вселяющей надежду — концовкой истории. Однако эти книги — зеркало эпохи, периода, когда после Гражданской войны людям хотелось верить в некую высшую справедливость и хорошую жизнь не только в перспективе обретения Царствия Небесного, но и здесь, на земле.

Ее душещипательные сюжеты показывают, как искренне, как уверенно и как ровно может сложиться писательская карьеры женщины, выросшей в небогатой, но здоровой и сплоченной семье. Ее истории и персонажи разительно отличаются от историй и персонажей тех авторов, которые жили с душевным надломом, с семейной травмой, с одиночеством ребенка в мире взрослых, и на примере Грейс Ливингстон Хилл замечательно видно, как среда формирует автора. Ее истории драматичны, но ее злодеи не страшны. Ее праведники непоколебимы, но полны обычных человеческих чувств. Романы Хилл наполнены той простотой, которой не хватает в наше динамичное время, в эпоху высоких технологий и доступной психотерапии, в творческой реальности, сформировавшейся после Джойса и Достоевского, Абэ и Кафки. Нам, за спиной у которых постмодерн и акционизм, освоение космоса и телемедицина, не помешает иногда мысленно оказаться в незатейливой истории со счастливым концом, где вечные ценности десяти заповедей поданы в простой форме, где нет неоднозначных выводов о моральном облике героев, а есть только добро, которое в конце концов обязательно побеждает зло.

Дарья Ивановская, редактор

Глава 1. Девушка и великая скорбь

Девушка осторожно вышла из-за угла и заглянула в открытую дверь убогого домишки, залитого ярким послеполуденным светом.

На лице ее были написаны и отвага, и страх. Перед ней стояла задача, и она намеревалась выполнить ее. Прикрыв глаза от солнца ладошкой, она решительно ступила на порог и, одним быстрым взглядом убедившись в том, что здесь ничего не изменилось со времени ее ухода, вошла в свой дом. На какое-то мгновение остановилась, дрожа,

посреди комнаты.

Перед ее внутренним взором возникла череда похоронных процессий, начинавшихся от этого порога, и она вгляделась в следы последней, недавней, той, которая не была освящена ни одной молитвой.

Девушка зажмурилась и даже прижала к сухим, горячим векам холодные пальцы, но от этого картина стала еще отчетливее.

Она видела свою крошечную сестренку, как та лежит посреди этой комнаты, такая маленькая, бледненькая бедняжечка, она видела красавца-отца — по такому случаю трезвого, — сидевшего в изголовье грубо сколоченного гробика, видела рядом с ним измученную, состарившуюся раньше срока, утратившую всякие надежды мать, которая даже не могла плакать. Но это было давно — в самом начале всей этой истории.

Были другие похороны — маленького братика, который утонул, играя в реке, к которой детей обычно не подпускали, старшего брата, который отправился на поиски богатства или, может, своего собственного пути, а потом, истерзанный лихорадкой, вернулся умирать на материнских руках. Но все эти похороны казались девушке, боязливо озиравшейся посреди опустевшей лачу-

ги, давними, далекими. Память о них вытеснили похороны недавние: на этот год пришлись три смерти. Похороны отца, у которого даже в самые худшие его моменты находилось доброе слово для нее и для матери: его, покалеченного — он упал с лошади, столкнувшись в опасном, нехорошем месте с дикой отарой, — в беспамятстве принесли домой, и он так и не пришел в себя.

Всех их торжественно сопровождал в последний путь какой-нибудь случившийся поблизости странствующий проповедник, а если таковых не оказывалось, то молитву читала смертельно бледная мать, проговаривала дрожащими, непривычными к такому делу, но упрямыми губами. Мать всегда настаивала на священнике, ну и, конечно, на молитве, которая служила чем-то вроде заклинания, которое поможет усопшим обязательно попасть в пусть и убогий, но все же рай.

А когда через несколько месяцев после отцовской смерти мать, постепенно слабеющая и бледнеющая, вдруг схватилась за сердце, легла, задыхаясь, еле-еле проговорила: «Прощай, Бесс! Девочка моя любимая. Помни меня», и навсегда покинула свою тяжкую, полную разочарований жизнь, готовить похороны девушке помогал

единственный оставшийся в живых брат. И уже ее губы шептали молитву. «Отче наш», — повторяла она слова, которым научила ее мать, потому что кроме нее произнести эти слова было некому: она побоялась отправлять непутевого братца на поиски священника, ибо он наверняка не поспел бы в срок.

Прошло полгода с тех пор, как печальная процессия пронесла гроб матери по зарослям шалфея и полыни к месту последнего упокоения — рядом с мужем. Все эти полгода девушка следила за порядком в их домишке и за тем, чтобы непутевый братец ходил на работу и с работы домой. Но в последние несколько недель он все чаще и чаще оставлял ее одну на весь день, а то и на несколько дней, и возвращался пьяным с компанией таких же развеселых молодцев, которые внушали ей настоящий ужас. И вот два дня назад эти же приятели привезли на его же собственном верном коне тело брата: на месте сердца у брата были две дырки от пуль. Все из-за пьяной ссоры, сказали они, жаль, конечно. Кто именно стрелял, они не сказали.

По-своему они были добры, эти приятели. Они остались с ней, сделали все, что положено, вырыли могилу и в некоем подобии печального

ритуала обошли кругом гроба, заглядывая в лицо почившего, но когда она попыталась прочесть молитву, которую прочла бы мать, то не смогла выдавить ни звука, язык словно присох к небу. Она убежала в свою каморку и оставалась там, пока лихие приятели выносили неподвижное тело того, кто был последним членом ее семьи.

Процессия проделала путь к тому месту, где были похоронены остальные. Они уважили ее бесслезное горе, эти обычно шумные, бесшабашные парни. Они приберегли для себя грубые шуточки, которые обычно помогали им в требовавшие почтения моменты, шли медленно, молча, время от времени восхищенно оглядываясь на тоненькую фигурку, которая шла за ними словно сомнамбула — с каменным лицом, с сухими немигающими глазами. Они чувствовали, что надо что-то предпринять, но что именно, никто не знал, и потому молчали.

И только один, самый смелый и решительный, явный лидер их компании, приотстал и спросил, могут ли они что-то еще для нее сделать — все что угодно, но она оборвала его холодным и резким «Нет!». Вот ведь, а он-то правильно поступил, хорошо, он-то с ней по-доброму! И он резко отвернулся со злобным огоньком в глазах, но она

этого не видела.

Когда это подобие похоронной церемонии было завершено, последний ком земли упал на невысокий холмик, непременное «прах к праху» произнесено самым из них решительным, они все повернулись к девушке, которая все это время стояла возле свежего холмика и молча смотрела на них, словно статуя Скорби, молчаливо взирающая на мир. Они никак не могли ее разгадать, эту молчащую, будто высеченную из мрамора девушку. Они думали, что уж теперь она как-то изменится. Все ведь позади! Сами они чувствовали облегчение оттого, что их развеселый дружок уже не лежит перед ними холодный и бессловесный. Ну все с ним, все! Последний долг они отдали, пора забыть. Теперь ему самому платить по небесным счетам, а у них и своих забот хватает.

И вдруг по лицу девушки пробежал огонек жизни, сделавший это лицо на мгновение прекрасным, и она медленно, почти неохотно поклонилась им — наклонила голову и простерла руки словно пытаясь благословить их, но не осмеливаясь, и четко произнесла: «Спасибо вам… всем». Она как бы слегка дрогнула перед «всем», при этом с сомнением и неприязнью глядя на

вожака, но все же произнесла это слово, поступив как до́лжно, и, повернувшись, быстрым шагом направилась обратно к дому.

Их, этих мужчин, не боявшихся ничего и никого на Диком Западе, захватили врасплох. Затем послышались слова, не все из которых ласкали слух: если б девушка услыхала хоть что-то, она бы еще больше ускорила шаг, а щеки ее раскраснелись бы еще сильнее.

Но один из них, самый смелый, вожак, промолчал. Он нахмурился, в глазах его вспыхнул злобный зеленый огонь. Он отделился от остальных и сначала спокойно, затем все быстрее направился к месту, где они оставили лошадей. Вскочил на свою и тронулся в сторону домика с таким видом, что остальные не посмели за ним последовать. Их голоса затихли вдали, а в его глазах по мере приближения к цели уже загоралось коварство.

Девушка действовала быстро. Один за другим она вышвырнула из дома ящики, на которых стоял грубо сколоченный гроб брата. С силой растолкала по привычным местам сдвинутую мебель — как будто старалась уничтожить, стереть из памяти то, что здесь недавно происходило. Взяла висевшее на крючке братнино пальто, его

лежавшую на каминной полке трубку и спрятала в своей комнате. Затем огляделась: все ли сделано или еще что-то осталось?

В залитом солнцем дверном проеме возникла тень. Она повернулась — это был тот, кого она считала убийцей брата.

— Я вернулся, Бесс, посмотреть, чем могу быть тебе полезен.

Говорил он по-доброму, но у девушки перехватило дыхание, и она непроизвольно прижала руку к горлу. Как бы ей хотелось высказать все, что думает, но она не посмела. Не позволила даже мысли об этом отразиться в ее глазах. Она снова напустила на себя тот непроницаемый вид, с которым стояла возле могилы. Он решил, что она окаменела от горя.

— Я же уже сказала, что помощь не нужна, — проговорила она, стараясь, чтобы голос ее звучал так же безжизненно-ровно, как и когда она благодарила друзей брата.

— Я понял, но ты осталась совсем одна, — произнес он вкрадчиво, и ей стало страшно от этих слов. — Мне просто жалко тебя.

Он подошел ближе — лицо ее сохраняло холодное спокойствие. Она инстинктивно глянула на дверь кладовки, где лежал ремень брата с двумя

пистолетами в кобуре.

— Вы очень добры, — сказала она, сделав над собой усилие, — но сейчас мне лучше побыть одной.

Как же трудно было ей говорить вот так ровно и отстраненно — больше всего на свете ей хотелось наброситься на него с проклятиями, но она просто смотрела в это лицо, лицо зла, и страх куда больший, чем страх смерти, подкрался к ней.

Ее мягкое достоинство только подхлестнуло его. Откуда она набралась этих царственных манер, она, рожденная в горной лачуге, выросшая в глуши? Почему ее произношение так отличалось от говора тех, кто ее окружал? Братец у нее был совсем не такой, мать была женщиной простой и тихой. Отца он не знал, потому что появился здесь недавно — скрывался в этом штате, поскольку был в розыске в другом. Человек с большим опытом, он дивился ее дикой, надменной красоте — и злорадствовал: ему нравилось думать, что она в его воле, что он может воспользоваться ее беззащитностью.

— Ничего хорошего в том, что ты совсем одна, нет, сама знаешь, и я пришел тебе на защиту. Кроме того, тебя нужно подбодрить, малышка. — Он придвинулся ближе. — Ты же знаешь, Бесс, ты

мне нравишься, и я намерен позаботиться о тебе. Ты совсем одна, бедняжка!

Он стоял так близко, что она почувствовала на щеке его дыхание. Смертельно побледнев, она прямо смотрела на него. Неужели не найдется ничего на земле и в небесах, чтобы спасти ее? Мать! Отец! Брат! Никого не осталось! Ах! Если б она знала, что ссора, закончившаяся гибелью брата, вспыхнула из-за нее, возможно, гордость за брата умерила бы ее скорбь и отчаяние.

Глядя в зеленый огонь, полыхавший в его адском взоре, она собрала все свои юные силы и заставила себя хранить спокойствие. Она не отпрянула в ужасе от этого человека, а сделала лишь небольшой, спокойный шажок назад — так могла бы вести себя женщина много опытнее и получившая куда более светское воспитание.

— Напомню, — сказала она, — что мой покойный брат лежал вот здесь совсем недавно, — и она указала на середину комнаты. Это напоминание прозвучало будто обвинение стоявшему перед ней мужчине. Он отступил, как если бы в этот момент в комнату вошел шериф, непроизвольно глянул туда, где совсем недавно стоял гроб, нервно рассмеялся, затем снова собрался.

Девушка набралась смелости. Ей удалось сдер-

жать его сейчас, но сможет ли она удерживать его и дальше?

— Подумайте сами! — сказала она. — Его только что похоронили, и разве можно говорить о любви в той же комнате, откуда вынесли его гроб? Пожалуйста, дайте мне побыть какое-то время одной. Я не могу сейчас ни говорить, ни думать. Вы же знаете, мертвых следует уважать, — она с мольбой смотрела на него: отчаяние придавало ее игре достоверность. Она словно пыталась усмирить льва или безумца.

Он был восхищен — ох, умна! Он уж было собрался возразить ей, высмеять ее, потому что вспомнил, какой взгляд был у ее брата за мгновение до того, как он выстрелил в него, однако в ее просьбе ему послышалось и обещание. Да, эта не из тех девиц, которых легко завоевать. Будет стоять на своем, и, может, даже и лучше дать ей время поупрямиться. Такая игра куда интереснее.

Она увидела, что ее трюк срабатывает, и задышала свободнее.

— Уходите, — произнесла она с намеком на улыбку. — Уходите. На время, — и снова попыталась улыбнуться.

Он шагнул вперед с намерением обнять и по-

целовать ее, но она резко отступила и вытянула вперед руки, отстраняясь.

— Я же сказала, сейчас вам лучше уйти. Ступайте, ступайте, а то я никогда больше не стану с вами разговаривать.

Он глянул в ее глаза и почувствовал в ней силу, которой не мог не повиноваться. Он угрюмо отошел к двери.

— Однако, Бесс, так с друзьями не поступают, — сказал он с укоризной. — Я пришел, чтобы позаботиться о тебе, сказал, что люблю тебя, что хочу быть с тобой. У тебя никого другого нет…

— Замолчите! — вскричала она трагическим голосом. — Неужели вы не понимаете, что так нельзя? Брат только что умер. Мне нужно время, чтобы его оплакать. Этого требуют приличия!

Теперь она стояла, прислонившись к двери кладовки, в которой лежали два пистолета, и за спиной нашаривала деревянную щеколду.

— Вы совсем не уважаете мое горе. — У нее перехватило дыхание, она прикрыла рукой глаза. — Как я могу вам верить, если вы совсем меня не слушаете?

Это остановило мужчину. Он был покорен тем, что она вот-вот расплачется — надо же, что-то новенькое, трогательная слабость. Очаровательно!

— И как долго прикажешь ждать? — сдался он.

Она почувствовала такое отчаяние, что не могла вымолвить ни слова. О если б она осмелилась выкрикнуть ему прямо в лицо: «Вечность!» Если б она могла добраться до пистолетов и выстрелить — это был бы самый меткий выстрел на всем Тихоокеанском побережье. И самый безумный.

Она прижала пальцы к вискам в попытке что-то придумать. Наконец и она сдалась:

— Три дня.

Он тихо выругался и грозно сдвинул брови. Она вздрогнула, поняв, каково это будет — оказаться всецело в его власти. Он натешится ею и выбросит прочь. Или просто убьет, когда она ему надоест! Жизнь в горах научила ее распознавать зло.

Он снова приблизился к ней, и ей показалось, что земля уходит у нее из-под ног. Выпрямившись, она холодно произнесла:

— А сейчас вам следует уйти, и не думайте возвращаться по крайней мере до завтрашнего вечера. Идите!

И она улыбнулась ему — открыто, смело. Как ни странно, он отступил и уже в дверях повернулся и спросил:

— Можно поцеловать тебя на прощание?

Она непроизвольно вздрогнула, но протестую-

ще выставила руки и, покачав головой, опять с улыбкой произнесла:

— Нет, не сегодня!

Он ушел, вроде бы поняв ее, но явно недовольный. Она уже было решила, что все кончено, но услышала его шаги со двора — он снова направлялся к дому. Она метнулась к порогу, чтобы встретить его: нельзя позволять ему снова войти! Ну почему она сразу не заперла за ним дверь? Она застыла на пороге, а он уже было занес ногу, чтобы этот порог переступить. Сейчас, в ярком солнечном свете, она ясно видела, какое коварное у него лицо.

— Ты сегодня ночью будешь совсем одна.

— Я не боюсь, — спокойно ответила она. — Никто меня не потревожит. Разве вы не знаете, что в первую ночь после похорон дух человека является в свой дом? — она чуть было не произнесла «убитого человека».

Это была ее последняя отчаянная попытка.

Стоявший перед ней вздрогнул и нервно оглянулся.

— Тебе лучше сегодня уйти отсюда со мной, — сказал он, отступая от входа.

— Солнце садится. Вам пора, — произнесла она величественно, и он взобрался на свою резвую

лошадь и ускакал по горной дороге.

Она глядела вслед его силуэту, четко вырисовывавшемуся на фоне кроваво-алого солнечного диска, который опускался все ниже и ниже. Она видела обвислые поля его шляпы, видела мускулистый торс, когда он обернулся посмотреть на нее, все еще стоявшую на пороге. Он и сам не мог понять, почему вот так уехал, однако уехал — и хмурился всю дорогу. Ну ничего, злобно подумалось ему, он еще вернется.

Наконец он исчез вдали, а девушка подняла глаза к небу, на котором уже показалась призрачная бледная луна. Она осталась одна.

Глава 2. Побег

Страх отступил, когда девушка поняла, что будет одна и по крайней мере на несколько ближайших часов свободна. Спаслась! Но все равно она слышала отзвук его последних слов, видела мерзкую улыбочку, когда он помахал ей на прощание и пообещал завтра вернуться.

Она была уверена, что дожидаться ночи он не станет. Да он и сейчас еще может вернуться. Она снова вгляделась в темнеющую дорогу, прислушалась — топот копыт затих вдали. Надо спешить. Он дрогнул, когда она заговорила о при-

зраке, но вполне может набраться смелости. Ее передернуло при мысли, что он может вернуться ночью. Бежать, бежать!

Все ее замершие было чувства обострились. Перед мысленным взором проносились самые невероятные планы. Она вошла в дом, заперла на засов дверь. Она двигалась быстро, ни минутки терять было нельзя. Кто знает? Он может вернуться до того, как окончательно стемнеет. Его трудно провести, он опасен. Единственный шанс — убраться отсюда как можно скорее, сбежать, спрятаться.

Первым делом она взяла из кладовки ремень и закрепила его на талии. Достала и зарядила пистолеты — у нее даже дыхание перехватило, когда она увидела, что пистолеты не были заряжены и что, если б даже ей и удалось до них добраться, никакой пользы они бы ей не принесли.

Она вставила в прикрепленные к ремню ножны острый нож брата и начала собирать провизию. Запасы вышли скромными — немного вяленой говядины, кусок сыра, кукурузная крупа, шмат солонины, горсть дешевых кофейных зерен, черствый кукурузный хлеб. Помедлила возле котелка с вареными бобами — тащить его с собой будет, конечно, неудобно, но взять все-таки

стоит. Больше ничего такого в доме не было — их припасы истощились, потому что в последние несколько дней ей было не до хозяйства. В эти дни она о еде и не думала, но сейчас вспомнила, что за весь день у нее маковой росинки во рту не было. Она заставила себя съесть несколько кукурузных сухарей, запить кофе, который еще оставался в кофейнике — ела она на ходу, не теряя времени.

В доме нашлось несколько старых мешков из-под муки. Она уложила припасы в два мешка, котелок с бобами поставила на самый верх, надежно все завязала. Затем направилась в свою комнатушку и оделась еще в несколько дополнительных одежек — гардероб у нее и так был небогатый, а это был самый удобный способ его транспортировки. Надела на палец материнское обручальное кольцо, которое хранила в шкатулке как святыню, перед этим склонив голову и словно попросив у матери разрешения. Это была символическая точка, означающая конец ее жизни в этом доме, а само кольцо будет охранять ее в жизни будущей.

Еще обнаружилось несколько бумаг и пожелтевших от времени писем — мать тщательно их оберегала. Одно было свидетельством о браке, а что лежало во втором, девушка не знала. Она

никогда в него не заглядывала, но знала, что мать очень берегла его. Все это она приколола булавкой к лифу ситцевого платья, с изнанки. Теперь она была полностью готова.

Она окинула последним быстрым взглядом дом, в котором провела всю жизнь, взяла оба мешка, сняла с крючка старое отцовское пальто; вспомнив в последнюю минуту, сунула в его карман несколько спичек и единственную остававшуюся в доме свечку, вышла из дома и прикрыла за собой дверь.

Постояла, глядя на дорогу, снова прислушалась — все было тихо, только где-то в отдалении раздавался волчий вой. К этому времени луна поднялась высоко, светила ярко, и в этом мягком серебряном свете ей было не так одиноко, как в домике, где неровно горела лишь одна свеча.

Девушка торопливо проскользнула через освещенный луной двор в тень полуразрушенного амбара, где переминался с ноги на ногу тощий верный конь, на котором брат совсем недавно отправился навстречу погибели. Девушка двигалась неслышно, как кошка.

Она уложила старое пальто на лошадиную спину, накинула принадлежавшее брату седло — своего собственного у нее не было, но она мог-

ла скакать и в его седле, да и вообще без седла, в любом случае верхом она чувствовала себя очень уверенно, — и ледяными от волнения, дрожащими пальцами закрепила подпруги. На луку седла повесила мешки с провизией. Затем с превеликой осторожностью обмотала рогожей лошадиные копыта: добираться до большого мира ей предстоит бесшумно и не оставляя следов.

Конь тихо заржал, когда она принялась неловко закутывать его копыта: ему явно не понравились новые аксессуары, но в ее руках он был готов терпеть все что угодно.

— Тихо, — прошептала девушка и погладила лошадиную морду. Конь ткнулся носом ей в ладонь: кажется, понял.

Она вывела коня на залитое лунным светом пространство, снова вгляделась в лежавшую впереди дорогу — ты была совершенно пуста, хотя сердце девушки колотилось как бешеное: в каждом шорохе ей слышался топот копыт.

От дома шли три пути, и каждый из них вряд ли бы удостоился чести носить звание дороги. Одна тропа шла вниз по склону, по ней они добирались до лежавшего в пяти-шести милях к западу участка, а оттуда еще три мили до склада, где они закупали припасы. Другая шла на восток; по ней,

ведущей в большой мир, ездили редко. И третья тропа, начинавшаяся у задней стены домика, тропа одинокая, заросшая, заканчивалась на пустыре, где не было ничего, кроме пяти могил. По этой тропе они шли сегодня днем.

На мгновение она помедлила, решая, какую тропу выбрать. Точно не на запад — ну уж нет! На восток? Да, безусловно, именно этим путем ей и предстоит идти, но у нее остался еще один долг, и она его исполнит. Молитва все еще не прочитана, и, прежде чем она отправится на поиски безопасного места — как если бы где-то в этом огромном мире для нее нашлось безопасное место, — она должна снова пройти по одинокой тропе. Она шла, ведя в поводу коня, конь ступал неслышно, низко склонив голову, словно отдавал дань умершим. Медленно, в полнейшей тишине она шагала по лунной дорожке, и свет казался таким же холодным, как залитые им камни, и девушке казалось, будто она видит странные туманные фигуры, скользившие вслед за ней в ночи.

Когда они уже вышли к могилам, мимо проскочило что-то пушистое, хвостатое и скрылось в темноте, слившись с местностью. Девушка помедлила мгновение, набираясь храбрости, и конь тоже остановился, фыркнул, уши его встали

торчком, в глазах плескался страх.

Она успокаивающе потрепала его по холке и, зарывшись лицом в лошадиную гриву, наконец-то — впервые с того момента, как ее настигла ужасная весть, — дала волю слезам, а затем прошла впереди встала у свеженасыпанного холмика. Конь с любопытством следил за ней. Она собралась было встать на колени, но дрогнула — ей показалось, что так она сама спустится в царство мертвых, поэтому она осталась стоять, глядя в белую от лунного света ночь и на высокую далекую луну.

«Отче наш», — произнесла она, и ей показалось, будто ее собственный голос звучит откуда-то издалека. Да есть ли он, этот Отец, и если есть, то слышит ли Он ее? И есть ли Ему до нее дело? «Сущий на небесах…» — но небеса так далеки, взирают на ее одиночество и страх так невозмутимо-жестоко. «Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое…» — что бы это Царствие ни означало. «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе». Молитва длинная, а она совсем одна здесь, под бледной луной, среди могил, где-то воет волк, но такова была материнская воля. Эту волю надлежит исполнить ради мертвых — но такова ли воля Отца нашего там, на небесах? Ее непривыч-

ный к подобным размышлениям ум все время отвлекался от возвышенного, она возвращалась к мыслям о своем жалком положении, о страхе и старалась как можно скорее завершить молитву.

Конь встрепенулся и тихонько заржал в знак протеста: он не мог понять, почему это они задержались в этом пустынном месте. Он смотрел на бесформенный холмик, перед которым стояла девушка — где же его хозяин, почему он не идет? Инстинкты предупреждали его: здесь кругом дикие звери. Во всяком случае, это не то место, где могут заночевать конь и дева.

Под копытами коня зашуршали камешки. Девушка испуганно огляделась, прислушалась — неужели их кто-то преследует? Но залитая лунным светом округа была пустынной. Наконец она произнесла последнее «Аминь», бросила прощальный взгляд на могилы и повернулась к коню: теперь они могут отправляться в путь, она выполнила свой долг, и времени больше терять нельзя.

Где-то к востоку от залитой бледным светом пустоши шла тропа, связывавшая покинутую ею хижину с большим миром. Она побоялась возвращаться к дому: вдруг ее уже ищут? Ни она, ни конь не знали дороги через эту пустошь, да ее и

не существовало, этой дороги: сюда редко кто забредал, настолько бесплодной из-за постоянной суши была эта местность, настолько обширной, что можно было блуждать по ней часами, но так никуда и не добраться.

Взглянув в последний раз на тропу, по которой они пришли сюда, девушка вскочила на коня и направила его в долину. Конь ступал по песку осторожно, нащупывая путь, словно переходил вброд реку. Ему все здесь не нравилось, но он терпеливо и неторопливо нес свою ношу. Девушка была легонькой, против нее он ничего не имел, но место было таким жутким, что он время от времени срывался на бег — так ему хотелось поскорее добраться до чего-то более знакомого. Он привык к высокогорным тропам, по ним он ступал твердо, он привык к цокоту копыт по камням, а не к этим приглушенным звукам, не к этому бархатистому песку, на который затрачивается столько сил с таким ничтожным результатом.

Девушка в отчаянии смотрела на песчаную пустошь: песок казался глубоким, он словно бы двигался, перемещался. Время уходило. Предстоящий путь виделся ей бесконечным, песок был позади, песок был впереди. Она двигалась по долине мертвых и отчаянно жаждала выбраться

из нее. Ее охватил новый, еще более глубокий страх: луна скоро зайдет, и она останется в этой долине посреди кромешной тьмы. Она решила, что им следует взобраться повыше. Она повернула коня правее, приостановилась, пытаясь вглядеться вперед и оценить новое направление. Конь пошел резвее, явно в надежде на лучшее. И они были вознаграждены: песок стал не таким вязким, время от времени конь чувствовал под копытами твердую породу.

Юная наездница спешилась, отвязала ветошь с копыт. Конь поблагодарил, ткнувшись мордой ей в шею. Наверное, подумал, что миссия окончена и они могут наконец-то вернуться домой.

Путь шел вверх, временами подъем был довольно крутым, но конь пока не чувствовал усталости и шел резво, наездница тоже привыкла к нехоженым тропам. Страх перед преследователем сменился страхом заблудиться, она уже не прислушивалось к тому, что могло происходить сзади, но напряженно вглядывалась вперед. Заросли полыни становились все гуще, впереди виднелись очертания деревьев.

Подъем стал еще круче, и наездница испугалась, что ей не удастся выехать на дорогу, которая — как она знала, хотя сама там не бывала никогда

— пролегала где-то в этой стороне. Ей было точно известно, что дорога приведет ее прямо на восток, туда, к большим городам, ей необходимо найти этот путь, пока не поймали. Тот тип очень, очень разозлится, когда увидит, что она сбежала! Ему ничего не стоит пристрелить ее за обман.

Чем больше она об этом думала, тем страшнее ей становилось и тем ужаснее ей казалось каждое возникавшее на пути препятствие. Вдруг на дорогу выскочила рысь, глаза ее сверкнули зеленым огнем — кто это посмел вторгнуться в ее охотничьи угодья? — девушка схватилась за пистолет, но рысь исчезла.

Они уже долго карабкались вверх — девушке показалось, что прошло несколько часов, — когда наконец выехали на открытое место, с которого хорошо просматривалось все вокруг. Теперь, в ясной ночи, она видела очертания горы вдалеке, видела, что спуститься отсюда можно на три стороны. Она не узнавала местность — значит, заблудилась. Где-то здесь должна быть дорога, по которой можно было бы вернуться домой, но все вокруг было ей совершенно незнакомо, никаких привычных ориентиров. Путь, который она выбрала и который казался ей единственно верным, вел через гору, а перебраться через нее

было наверняка невозможно — ну или очень-очень трудно.

Совершенно очевидно, ей следовало сменить направление. Но куда, куда теперь? Она совершенно растерялась. В конце концов, какая разница? Любой путь сгодится, лишь бы не привел ее обратно к дому, который больше никогда домом уже не будет. Почему бы тогда не положиться на коня, пусть сам выберет безопасную дорогу. Но что, если он выберет тот самый путь к дому? Лошади так порой поступают. Но, по крайней мере, он вывезет ее отсюда, ведь сама она сделать выбор не в состоянии. Она тронула коня, и он зашагал, осторожно ступая копытами.

Они въехали в подлесок. Лунный свет мелькал среди ветвей, пятнами ложился на стволы, казалось, за каждым деревом их поджидала какая-то страшная фигура. Девушке было так жутко, что временами она закрывала глаза и ехала, крепко вцепившись в луку седла, — лишь бы не видеть эти ужасные очертания душ то ли живых, то ли мертвых. Время от времени перед ними мелькала какая-то реальная тварь, с шуршанием скрывалась в зарослях и следила потом за ними желтыми глазами.

Но лес наконец-то закончился, и луна еще не

зашла, когда они выехали к склону горы. Девушка поглядела на луну, поняла, что они все-таки движутся в верном направлении. Это ее несколько успокоило: слава богу, они удаляются от дома, а не возвращаются к нему.

Какая ужасная ночь! На каждом шагу ей рисовались все новые и новые страхи. Однажды ей пришлось пересечь бурную речушку с каменистым дном и скользкими обрывистыми берегами, дважды крутой склон, по которому они поднимались, резко обрывался скалистым ущельем, поросшим темными деревьями, казалось, отталкивавшими лунный свет. Из глубины ущелья доносился шум горного потока. Как-то раз ей послышался звук выстрела, конь тоже навострил уши и рванул вперед.

Ночь подошла к концу, на востоке показалась розовая полоска рассвета. Внизу, в долине, заклубился белым облаком туман, скрыл все, и ей тоже захотелось закутаться в туман, стать невидимой. И как бы ни жаждала она рассвета, с рассветом пришел и новый страх, может, даже худший, чем в ночи: теперь она ясно видела, как опасны пропасти, как яростны горные потоки.

И с новой силой вспыхнул ужас перед преследователем. Он-то не побоится заявиться к

ней поутру, потому что с первыми проблесками солнца призраки убитых исчезают, а убийцы бесстрашно возвращаются на место преступления. Он обнаружит, что она скрылась, и бросится в погоню, потому что он не из тех, кто легко сдается: это она видела по его злому лицу.

Становилось все светлее, теперь она видела округу. Местность выглядела пустынной, без малейших признаков того, что здесь кто-либо когда-либо бывал, — но вдруг конь фыркнул и остановился. На камнях перед ними валялась продырявленная пулей мужская шляпа. Девушка огляделась и увидела то, что заставило ее буквально заледенеть от ужаса: впереди, чуть ниже по склону, лежал человек — лицом вниз, как будто свалился с лошади и покатился по камням.

На мгновение она замерла от страха, конь тоже стоял неподвижно, они слились воедино, превратились в статую — девушка и животное, но в следующее мгновение она запаниковала. Жив этот человек или мертв — надо бежать отсюда. Он может прийти в себя и броситься за нею — но что-то в том, как он лежал, подсказывало ей, что этот человек мертв уже какое-то время. Но как, почему? Вряд ли это самоубийца. Кто убил его? Неужели в горных зарослях над ее головой таится

что-то ужасное?

Она осторожно послала коня вперед, и на протяжении многих миль, пока лошадь, пыхтя, спускалась по склону, девушка сидела с закрытыми глазами, не решаясь смотреть ни вперед — от страха увидеть что-то еще более ужасное, ни назад — от страха неизвестности.

Наконец склон закончился и они добрались до более-менее ровного участка — широкой низины, поросшей полынью и кустарником.

До того как наткнуться на мертвеца, она чувствовала голод, но теперь есть расхотелось, голод уступил место легкой слабости. Однако она не осмеливалась остановиться и перекусить. Открытое пространство, где ее было видно издалека, следовало преодолеть как можно быстрее.

Конь же твердо решил, что ему пора позавтракать. В горах он пару раз попил воды, но времени на еду у него не было. Он проголодался, а пустошь не предлагала ничего такого, что могло бы сгодиться на завтрак. Он дернулся и остановился, оглядываясь на хозяйку. Она очнулась от ступора, в который вверг ее страх, и поняла, что ей следует считаться с его потребностями — если уж не с ее собственными.

Придется пожертвовать своими припасами: со

временем они доберутся до места, где он сможет пастись, но сейчас другого выхода не было.

Лучшее, что она может предложить коню — кукуруза. Ее-то у нее имелось больше, чем чего-либо остального. Она насыпала скромную порцию зерен на кусок бумаги, конь, причмокивая от удовольствия, тщательно все подобрал — девушка следила за тем, чтобы животное своим дыханием не сдувало драгоценные зерна. Он недовольно потыкался носом в опустевшую бумажку, и она подсыпала еще, а сама, жуя холодные бобы, озабоченно оглядела горизонт. Перед ней простиралась покрытая полынью равнина, вдалеке виднелись поросшие деревьями горы. Надо бы подняться повыше, может, там окажется какой-нибудь уступ с травой, где они найдут прибежище.

Отдых был совсем недолгим, она быстро упаковала свои припасы и, засунув в карманы кусок черствого кукурузного хлеба и немного бобов, вскочила на коня.

Становилось жарко, путь был неблизким. Они снова начали подниматься наверх по каменистой, заросшей кактусами почве. Девушкой овладела тоска и отчаяние. Бегство от преследователя казалось бесконечным: он не отступит, пока не получит свое.

Солнце стояло уже совсем высоко, когда она заметила еще одно живое существо. Поначалу она не была уверена, что это человек — было слишком далеко, однако существо это неумолимо приближалось, хотя пока что их разделяли мили долины. Движущаяся фигура виднелась на фоне неба на высокой террасе на другой стороне долины, в то время как она подгоняла своего усталого коня на другую сторону, в надежде найти покрытый травой участок и место для отдыха.

Точка становилась все ближе. У нее перехватило дыхание: кто это? Дикий зверь? Нет, похоже, всадник на лошади. Через мгновение показалось облако дыма, как если бы кто-то разрядил ружье, и до нее донеслось эхо выстрела. Да, это человек, но он еще далеко. Что ей делать? Повернуть и ускакать, пока ее не заметили? Но в какую сторону? Назад? Нет, тысячу раз нет! Неужели ее враг, тот, от которого она бежала, уже здесь? И пусть всадник едет не с той стороны, но от этого не легче. Опыт научил ее, что лучше держаться подальше от всех мужчин. Полагаться нельзя ни на кого, даже на отцов и братьев, от мужчин одна беда.

Она не может вернуться назад, туда, где нашла мертвеца. Назад вообще нельзя. И вперед есть

только один путь — кругом сплошные препятствия. Она припала к седлу и послала терпеливого коня вскачь. Может, ей удастся добраться до террасы, пока незнакомец ее не заметил.

Но путь к вершине оказался длиннее и круче, чем она предполагала, а конь уже очень устал. Порой он останавливался, поворачивал к ней голову и фыркал, словно спрашивая, сколько еще будет продолжаться эта странная гонка. А тот человек, судя по всему, припустил быстрее. В этом месте долина сужалась, теперь она ясно видела, что это мужчина и что лошадь под ним резва. В какой-то момент ей показалось, что он машет ей рукой, но она отвернулась — они были уже почти у вершины. Она спешилась и стала карабкаться вверх, ведя за собой усталого коня. Она задыхалась, чувствовала на щеке горячее дыхание коня.

Наконец! Они на вершине! Еще десяток футов — и они окажутся на уровне, где можно будет укрыться. Она оглянулась. Человек был еще на другой стороне долины, как раз напротив, он скакал, чтобы скорее добраться до нее. О ужас! Он размахивал руками и что-то кричал. Она четко слышала его крики! Ее охватил чудовищный страх. Наверняка этот человек как-то связан с

тем, от кого она бежала. Наверняка это кто-то, кого он послал захватить ее.

Она вцепилась в поводья и отчаянно, в последней попытке послала коня вперед и здесь, на самой высокой точке, отчетливо услышала далекое «Эй! Эй!» и еще что-то, вроде «помогать», но она не разобрала. Он пытается ее провести? Притвориться, что хочет помочь?

Она взлетела в седло, пришпорила коня и, когда животное помчалось вскачь, в отчаянии оглянулась. Человек скакал за ней на огромной скорости, он уже пересекал долину! Путь ему преграждал ручей, но это вряд ли могло служить для него препятствием: всем своим видом он излучал решимость. Его крики следовали за ней, он словно пытался захватить ее своим голосом. Теперь преследователей стало трое: ее враг, мертвец там, на горе, и этот голос.

Глава 3. Погоня

Она неслась во весь опор по прерии, а голос следовал за ней. Казалось, этот голос уже давно звучит у нее в голове, и даже когда она ускакала так далеко, что не могла на самом деле его слышать, ей все равно слышался слабый отзвук этого «Эй!» — словно крик какой-то странной птицы, разрывавший тишину мира.

На террасе паслись коровы и овцы, и конь с радостью бы остался здесь подкормиться, но де-

вушка не позволила, и конь как будто понял, что их преследует опасность.

Через несколько часов она решилась остановиться на такой необходимый им отдых. От страха и усталости в голове у нее все перемешалось. Она больше не могла оставаться в седле, а то уснула бы прямо на скаку. Полуденное солнце скоро скроется за горами. Где и когда осмелится она отдохнуть? Не ночью же, потому что это означало бы верную гибель: кругом полно всякого зверья.

Заросли кустарника предлагали хоть и жалкое, но все же убежище. Конь, словно прочитав ее мысли, остановился и оглянулся на нее. Она внимательно оглядела окрестности. Кругом паслись стада. Коровы поглядывали на проносившуюся мимо всадницу, но затем возвращались к своему занятию. Они заслонят ее от любого преследователя: один конь, затесавшийся среди другого домашнего скота, будет не так бросаться в глаза. А кустарник растет недалеко от склона, по которому ей будет легче убежать при приближении опасности.

Конь уже припал к мягкой траве — животное умирало от голода. Девушка достала немного бобов из своего мешка и механически сжевала

их: есть ей совсем не хотелось, да и глотать было трудно — в горле пересохло. Глаза у нее слипались, она сдалась: подложила под голову пальто, закрепила уздечку коня у себя на поясе и легла.

Солнце скрылось за горами, конь наконец насытился, девушка спала. Конь тоже подремывал, где-то вдалеке блеяли овцы, мычали коровы, запели ночные птицы — девушка спала. Поднялась круглая луна, свет ее лился сквозь ветки, девушка пошевелилась — ей снилась погоня, но не проснулась. Вдруг ночную тишину разорвал человеческий голос, он звал: «Эй! Эй!», конь стряхнул дремоту, нервно переступил, дергая закрепленную на девушкином ремне уздечку, но она не просыпалась. Конь прислушался и решил, что услышанный им крик даже приятен, он издал тихое ржание, потом заржал еще раз — девушка спала.

Первые лучи восходящего солнца разорвали предрассветную тьму, скользнули под ветви, под которыми укрывалась девушка, упали на лицо. Она резко очнулась. И перед тем как открыть глаза, осознала все, что могло произойти, пока она отдыхала. Глаза ее открылись — не то чтобы она этого хотела, просто словно сработала какая-то пружинка.

Она вся сжалась в предвкушении нового дня и от воспоминаний о дне прошедшем. И увидела перед собой то, от чего кровь застыла у нее в жилах. Она не могла шевельнуться и даже дышать — на мгновение все мысли ее парализовало. Всего в нескольких футах от нее стоял человек! И его конь стоял недалеко от ее коня. Чтобы увидеть это, ей не пришлось даже головы повернуть — да она бы и не посмела, она ясно слышала сопение двух коней, слышала, как две лошади переступают копытами. Чувства ее были до такой степени обострены, что она, не шевельнув ни одной мышцей, могла представить себе всю эту картину. Она прекрасно сознавала, где у нее спрятан пистолет, понимала, какое движение ей надо совершить, чтобы достать его, однако не двигалась.

Наконец она успокоилась и смогла разглядеть оказавшегося перед ней человека. Он стоял вполоборота, и она видела только одну щеку и часть брови. Широкоплечий, хорошо сложенный, сильный с виду. Она понимала, что ему ничего не стоит ее одолеть. Одна надежда, что ей удастся застичь его врасплох, и все же она не сдвинулась ни на миллиметр.

На нем была коричневая фланелевая рубашка с расстегнутым воротом, коричневый кожаный

ремень и сапоги — весь его наряд был выдержан в коричневых тонах и казался новым, хотя он явно не снимал его уже несколько дней. Мягкое фетровое сомбреро было сдвинуто назад, и рассветное солнце золотило его коротко остриженные каштановые кудри. Он стоял и смотрел, как поднималось солнце, и солнечные лучи, отразившись от заткнутых за ремень пистолетов, ударили ей в глаза. И вдруг человек резко повернулся и глянул на нее.

Девушка мгновенно вскочила, рука ее метнулась к пистолету, испуганный взгляд встретился со спокойным, уверенным взглядом обращенных к ней голубых глаз. Она прижалась к дереву, инстинктивно измеряя расстояние между собой и ее конем — можно ли рассчитывать на спасение?

— Доброе утро, — вежливо поздоровался человек. — Надеюсь, я вас не разбудил.

Девушка молча разглядывала его. Таких, как он, она еще не встречала: он ничем не походил ни на того, от которого она бежала, ни на остальных знакомых ей мужчин, и все же он мог быть во сто раз хуже. Она знала, что мир полон зла.

— Понимаете ли, — продолжал этот человек, во взгляде его показалась улыбка: он словно бы извинялся, — вчера мне пришлось так долго за

вами гнаться, что когда я наконец нашел вас, то предпочел не упускать из виду.

Он явно надеялся, что и она улыбнется в ответ, но глаза девушки расширились и потемнели от страха. Это был тот самый тип, которого она видела накануне, и голос был голосом, что ее окликал, — это он за ней гнался. Наверняка это враг, его подослал тот, от которого она убегала. Дрожащей рукой она стиснула пистолет — что же делать, что говорить?

Молодого человека удивили манеры прерий. Неужели все эти девы Запада столь немногословны?

— Почему вы ехали за мной? За кого вы меня приняли? — наконец промолвила она, еле дыша от страха.

— Ну, прежде всего я подумал, что вы — мужчина, — ответил он. — По крайней мере, человеческое существо, а не какой-то дикий зверь. Я на протяжении шести часов не видел никого, кроме зверей, да и тех немного, поэтому-то и поскакал за вами.

Девушка ничего не ответила: его слова ее не убедили. Ну разве такое сойдет за ответ? Этот тип просто насмехается.

— А какое вы имели право преследовать ме-

ня? — требовательно вопросила она.

— Что ж, если вы так ставите вопрос, то у меня действительно вряд ли было на то какое-либо право, разве только, что и вы, и я — оба божьи создания.

Он сложил руки на широкой груди, заткнутые за поясной ремень пистолеты сверкали, словно дивные украшения. Он разглядывал свою собеседницу с философским видом, словно она была каким-то прежде неизвестным для него существом — спокойно, отстраненно, но не без интереса. Этот его взгляд почему-то ужасно разозлил девушку.

— Что вам нужно? — Она никогда раньше не слыхала подобных рассуждений о правах божьих созданий. Да и не до рассуждений ей было, настолько она испугалась.

— Конечно, если подумать, то вряд ли это может служить оправданием, — и он пожал широкими плечами. — Я просто заблудился, хотел осведомиться, где нахожусь и куда дальше двигаться. Не предполагал, что это превратится в такую серьезную проблему.

Девушка растерялась. Она никогда не видела таких вот мужчин, нисколько не похожих ни на ее необузданного и невоспитанного брата, ни на

его приятелей.

— Это Монтана, — сказала девушка, — или была Монтаной там, откуда я еду, — добавила она задумчиво.

— Неужели? Я тоже отправился в путь из Монтаны, но эти места вполне могли бы быть пустыней Сахара — я преодолел уже довольно большое расстояние и не встретил никаких признаков жилья.

— Никогда не слыхала о таком месте, — серьезно ответила девушка. — Это в Канаде?

— Полагаю, что нет, насколько мне известно. — Молодой человек почему-то помрачнел. — Когда я учился в школе, Сахара располагалась где-то в Африке.

— А я никогда нигде не училась, — грустно произнесла девушка и с неожиданной решительностью добавила: — Но теперь я пойду в школу!

— Отлично! — объявил молодой человек. — И я с вами. В путь! Поскольку я ничего не ел целый день, полагаю, мы найдем возле школы место, где можно раздобыть еду. Вы знаете дорогу?

— Нет, — сказала девушка, разглядывая его: она начала подозревать, что над нею смеются. — Но могу дать вам немного еды.

— Благодарю вас! — воскликнул молодой че-

ловек. — Поверьте, сгодится все, от сухарей до мороженого с бисквитом.

— Ничего такого у меня нет, — сказала девушка, — но еще бобы остались, а если вы разведете костер, то я сварю кофе.

— Договорились! Лучшее предложение, которое я слышал за последние сорок восемь часов!

Он отправился на поиски хвороста, она хмуро смотрела ему вслед. Что ж, он казался достаточно безопасным, и она занялась завтраком. Страхи ее немного улеглись. По крайне мере, непохоже, чтобы он намеревался сразу же причинить ей какой-то вред. Конечно, теперь, когда он повернулся спиной, она могла бы попытаться снова от него убежать, но он снова бы пустился следом, так что шансы у нее невелики. Кроме того, он был голоден, а она не могла оставить его без еды.

— Мы не можем сварить кофе без воды, — объявила она, когда он вернулся с охапкой хвороста.

Он присвистнул.

— Не будете ли вы так любезны сообщить, где можно набрать воды? — осведомился он.

Она глянула ему в лицо, увидела темные тени под глазами и неожиданно для себя прониклась сочувствием.

— Вам лучше сначала поесть, а потом поищем

воду. Наверняка в долине найдем. И тогда приготовим мясо.

Она забрала у него хворост и деловито развела огонь. Он наблюдал за ней, дивясь тому, с какой грацией она двигалась. Кто же она такая и как попала сюда, в это пустынное место? Лицо у нее было не просто красивым — оно было интересным. Любопытно было бы узнать ее получше — если б он только не устал до чертиков от всех людей, в особенности женщин. Вспомнив о своем, он тяжело вздохнул.

Девушка услышала этот вздох и, мгновенно, словно дикое животное, повернувшись, увидела на его лице печаль. Эта печаль почти успокоила ее страхи и настороженность. Их взгляды встретились, и она едва не улыбнулась. Похоже, она встретила собрата по несчастью. Но тут же снова напустила на себя строгий вид.

Он почувствовал разочарование. Девушка опять принялась хлопотать у костра, а он спросил:

— Почему вы так на меня посмотрели? Вы хотите, чтобы я вам чем-то помог? Я знаю, толку от меня немного, но, если вы скажете, что делать, сделаю.

Девушку, казалось, немало удивили его слова,

и она мрачно ответила:

— Больше ничего не надо делать. Еда готова.

Она дала ему жестяную миску с куском мяса и остатками кукурузного хлеба, поставила рядом с ним котелок с бобами, сама же и не притронулась к еде.

Он с жадностью проглотил пару кусков, а потом искоса глянул на нее:

— И все-таки, почему вы так на меня посмотрели? Почему вообще так смотрите? Да, я голоден, но я не волк и не собираюсь вас съесть.

Девушка нахмурилась еще сильнее. Молодой человек, как бы ни был голоден, продолжал смотреть на нее в упор. А ее, казалось, заинтересовала стая птиц в небе. Она положила руки на ремень. Птицы снижались, теперь они кружили почти у них над головами.

Вдруг рука девушки совершила молниеносное движение вверх, что-то блеснуло на солнце. Раздался громкий хлопок, и одна из птиц замертво упала к его ногам. Это был тетерев. А девушка повернулась и направилась к нему с таким надменным видом, каким не могла похвастаться ни одна светская красавица.

— Вы надо мной потешаетесь, — спокойно произнесла она.

Все это произошло так быстро, что он не успел ничего сообразить. Он совершенно растерялся, а когда до него дошло, что она сделала и в чем именно она его упрекает, его симпатичное загорелое лицо покраснело. Он поставил миску, положил на ее край кусок хлеба и встал.

— Прошу прощения, — сказал он. — Такое больше не повторится. И я бы никогда в жизни не смог вот так подстрелить птицу, — и он коснулся носком коричневого кожаного сапога лежавшей на земле тушки, как если бы хотел увериться, что это действительно птица.

Девушка сидела на земле и спокойно, молча ела мясо. Почему-то молодой человек почувствовал неловкость. Он снова сел, взял миску и продолжил завтрак. Однако, похоже, аппетит у него пропал.

— Всю прошлую неделю я учился стрелять, — торжественно начал он, — но единственное, что мне удалось подстрелить — стенку амбара. Мне интересно, вот если б я попытался выстрелить в этих птиц и промахнулся, разве вы бы не посмеялись бы надо мной — пусть и про себя?

Девушка чуть ли не минуту молча смотрела на него и наконец медленно произнесла:

— А что, я перед этим сказала что-то смешное?

— Боюсь, что да, но я был бы полным идиотом, если б посмел потешаться над вами. Девушка, которая так стреляет, имеет полное право располагать пустыню Сахара где угодно, хоть в Канаде, и Канаде следует гордиться такой честью.

Она взглянула ему прямо в лицо, увидела, что говорит он вполне серьезно, и рассмеялась. Молодой человек снова был поражен: она поняла его, и ей самой стало смешно. Похоже, она весьма сообразительна, эта леди пустыни.

— Что ж, если я сказала что-то ужасное, — произнесла она уже совсем другим тоном, — тогда вы можете смеяться.

Они поглядели друг на друга с пониманием и вернулись к трапезе. Вдруг он сказал:

— Я ем еду, которую вы припасли для себя, и даже еще не сказал вам «спасибо» и не осведомился, хватит ли вам теперь провизии на путешествие. Куда вы направляетесь?

Девушка ответила не сразу, а когда заговорила, то слова ее звучали так, будто она лишь только что поняла, куда держит путь.

— Я направляюсь в школу, — медленно произнесла она, — чтобы узнать, где искать пустыню Сахара.

Он глянул на нее с уважением, вполне искрен-

ним, но промолчал. Да, девушка явно не робкого десятка, и все же как она сюда попала, в эти дикие места? Откуда она, почему путешествует в одиночку? Он слыхал, что женщины Запада пользуются невероятной свободой, но все же в этой огромной пустынной местности вряд ли можно встретить множество подобных девушек — уж об этом он мог судить по собственному опыту. Он молча разглядывал ее.

Красивые ровные брови, пытливый взгляд. Твердо очерченный, хотя и не без изящества, рот. Простое ситцевое платье, лишенное всякого намека на моду и прочую суету, служащее простой цели: быть одеждой. Однако по тому, как легко и непринужденно она двигалась, можно было догадаться, что она хорошо сложена. Также он пришел к выводу, что глаза у нее определенно хороши.

Вдруг она вскочила на ноги и принялась внимательно куда-то всматриваться. Он проследил за ее взглядом и увидел несколько темных фигур, двигавшихся на фоне неба.

— Стадо антилоп, — пояснила она с облегчением. — Однако нам пора в дорогу.

Она упаковала все свои вещи с такой скоростью, что он даже и не попытался ей помочь, и

без единого слова вскочила на коня.

Около часа он скакал за ней по пересеченной местности, она время от времени беспокойно оглядывалась, при этом не на него: казалось, ей было достаточно знать, что он следует за нею.

Молодой человек был одновременно изумлен — и польщен. Большинство известных ему женщин просто ехали бы рядом, пытаясь вовлечь его в беседу. А эта девушка мчалась вперед так стремительно, будто от этого зависела ее жизнь. Ей, похоже, не о чем было с ним разговаривать, она не горела желанием ни поведать ему о себе, ни услышать его историю.

Что ж, это вполне его устраивало. Он отправился сюда, в эту глушь, чтобы подумать и постараться забыть. Здешние места предлагали для этого большие возможности. Вчера, когда он ускакал подальше от своей охотничьей компании, ему на какой-то миг подумалось, что, наверное, стоило бы вернуться в город, к вкусному завтраку и всем поджидавшим его неприятностям, а не скитаться в одиночку по бездорожью. Но теперь он не один, и, вполне возможно, они в конце концов куда-нибудь доберутся. Так что он больше не нервничал.

Тоненькая, изящная фигурка девушки, казалось, составляла с конем единое целое. Он

попытался было вообразить, что впереди скачет та, другая женщина, но у него ничего не получилось. Прежде всего, это было маловероятно, а склад ума у молодого человека был весьма практический. Ну разве представимо, чтобы надменная красавица неслась во весь опор по прерии? Будь она здесь, то с царственным и равнодушным видом спокойно ехала бы перед ним — такое у нее теперь было настроение, а он бы отчаянно хотел, чтобы она ехала рядом… Но какой смысл фантазировать? Он же потому и ускакал, чтобы забыть.

Над ним раскинулось невероятно яркое и просторное небо. Почему дома он никогда не замечал эту широту небес? А вот еще одна птичья стая. Что, если он тоже попытается подстрелить птицу? Глупости. Вот уж в птицу он точно не попадет. А кстати, почему девушка вообще стреляла в тетерева? Только ли для еды? Она просто молча подобрала его вместе со всеми другими своими пожитками и привязала к луке седла. Он понятия не имел, съедобна ли птица или нет, может, эта птица призвана служить свидетельством ее необыкновенных способностей.

А вообще, кто она такая? Может, беглая преступница? Вчера она удирала от него, пока усталость

ее не свалила. Испугалась, заметив вдали стадо антилоп. Что, если пребывание в ее обществе совсем не безопасно? И все же ему так интересно, что он готов рискнуть.

Конечно, он мог бы сдержать бег своего коня, дать ей ускакать вперед, скрыться из виду. Он уже наездился по этим необитаемым местам, наверняка где-нибудь да встретит какое-нибудь жилье — теперь, когда он подкрепился, наверное, будет разумнее расстаться с этой странной особой. Раздумывая, он инстинктивно попридержал коня, и скакавшая впереди девушка скрылась за зарослями полыни. Она исчезла, и он на мгновение приостановился. Огляделся кругом, и его накрыло одиночество. Так что он обрадовался, когда увидел, что девушка повернула назад и скачет к нему с дружелюбной улыбкой.

— В чем дело? — крикнула она — Давайте, вперед! Там, в долине, есть вода.

Он услышал журчанье воды, и жизнь вдруг показалась прекрасной — безо всякой причины, просто потому, что утро ясное, небо широкое, а в долине вода. Он пришпорил коня и ехал теперь рядом с ней: ручей сверкал на ярком солнце.

Он почувствовал, что пора объясниться.

— Вы, похоже, от кого-то убегаете. Я подумал,

что вы хотите от меня избавиться, вот я и решил дать вам шанс…

Она удивилась.

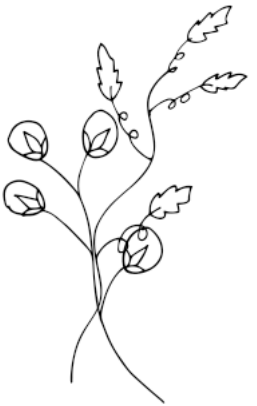
— Да, убегаю. Но не от вас.

— Можно ли осведомиться, от кого? Если уж мы путешествуем сообща, было бы уместно знать, от кого именно.

Она впилась в него взглядом.

— А вы кто? И откуда?

Глава 4. Пара беглецов



— В общем-то, никто, — ответил он. — И с уверенностью сказать, где живу, тоже не могу. До сих пор жил в Пенсильвании, но сейчас я ведь не там, не так ли? Вчера, по крайней мере пока не встретил вас, я вообще не понимал, где нахожусь, и подозреваю, что я тоже бегу, спасаюсь. Да, вот именно, я убегаю от женщины.

Ей понравился искренний взгляд его светло-карих глаз. Она почувствовала, что он говорит

правду, но что понял он это для себя только сейчас, говоря с ней.

— Но почему вы убегаете от женщины? Как женщина может навредить вам? Она что, хорошо стреляет?

В его глазах появилось веселое изумление, тут же сменившееся страданием.

— Она пользуется другим оружием. Слова — ее стрелы, а взгляды — меч.

— Какая странная женщина… Она хорошая наездница?

— Да, правит она хорошо, но только автомобилем.

— А что это такое? — смущенно спросила она, словно опасаясь, что он снова поднимет ее на смех, но он пропустил вопрос мимо ушей — он говорил скорее не с нею, а с самим собой.

Он испытывал горькое удовольствие, рассказывая о своей потерянной даме с этим неискушенным существом, более схожим с говорящей птичкой или цветком.

— Автомобиль — это экипаж, который двигается без лошадей, — мрачно ответил он. — У него есть мотор.

— Мне бы этот экипаж не понравился, — решительно заключила она. — Лошади лучше машин.

Я как-то раз видела машину — она жала пшеницу. Грохот стоял ужасный, двигалась она медленно. Но я все равно испугалась.

— Но автомобили двигаются очень быстро, быстрее лошадей. И не так уж сильно грохочут.

Девушка оценивающе огляделась

— Мой конь способен скакать очень быстро. Вы даже не представляете, как быстро. Если она будет вас догонять, мы поменяемся лошадьми. Вы доскачете до ближайшего уступа, пересидите за ним, а потом вернетесь обратно по своим же следам, и она вас тогда ни за что не найдет. А я женщин не боюсь.

Молодой человек расхохотался. Он смеялся так громко и так искренне, что по щекам у него покатились слезы, а девушка обиженно кружила вокруг него. И вдруг в одно мгновение он стал очень серьезным.

— Простите, я сейчас смеялся не над вами, как могло бы показаться. Я просто представил себе эту невероятную картину. Нет, леди, от которой я убегаю, не станет преследовать меня в своем автомобиле. Я ей не нужен.

— Как — вы ей не нужны? И все равно вы от нее убегаете?

— Именно так. Видите ли, это мне нужна она.

— Ох! — тихонько воскликнула девушка, поняв, о чем он говорит, и умолкла. С минуту она ехала рядом с ним, потом положила руку на гриву его лошади.

— Очень жаль, — просто сказала она.

— Спасибо. Не знаю, почему я вам все это рассказываю. Я не признавался никогда и никому.

Дальше они ехали молча. Молодой человек, казалось, забыл о ее существовании, он ехал, опустив взгляд, мысли его где-то блуждали.

Наконец девушка мягко, словно в благодарность за оказанное ей доверие, произнесла:

— А я убегаю от одного человека.

Молодой человек вопросительно посмотрел на ее.

— Он высокий, смуглый, красивый. Стреляет наповал. Он убил моего брата. Я его ненавижу. Он хочет меня, и я убежала. Но при этом он трус. У меня получилось его напугать. Он боится тех, кого убил.

Молодой человек переключил все внимание на невероятную историю девушки, но слушал ее с таким видом, будто это было обычное дело.

— Но что ваши близкие? Семья, друзья? Почему они не прогнали этого человека?

— Все они глубоко в земле, — сказала она с

печальной улыбкой, слегка взмахнув рукой, но этот жест лучше всего сказал о постигшей ее трагедии. — Я помолилась над ними. Мама всегда произносила эту молитву, когда кто-то из наших умирал. Но теперь, кроме меня, никого больше не осталось. Я помолилась перед тем, как ускакать. Светила холодная луна, раздавались какие-то звуки. Мой конь испугался. Но я произнесла молитву. Как вы считаете, это принесет успокоение их душам?

Она, зардевшись, смотрела на молодого человека так, будто от его ответа зависело все. А он смутился от такого вопроса.

— Ну, полагаю, так должно быть, — пробормотал он и добавил уже более твердо: — Конечно, это помогло.

— А вы когда-нибудь возносили молитву?

— Ну… Я… Да, кажется да, — неуверенно сказал он.

— И это помогло? — Она с явным нетерпением ждала его ответа.

— Ну… Полагаю, что помогло… Во всяком случае, молитва — хорошее дело. По правде говоря, я давно не молился. Но, конечно же, молиться — это хорошо и правильно.

Довольно странная тема для беседы между

мужчиной и женщиной, путешествующими по безлюдной местности… Молодой человек еще никогда в жизни не посвящал столько минут подряд размышлениям о пользе молитв, по крайней мере, с тех пор, как няня пыталась научить его молитве на сон грядущий.

— Так почему вы не попробовали помолиться о той леди? — спросила вдруг девушка.

— На самом деле, я об этом и не подумал

— Вы не верите, что это поможет?

— Наверное, можно попробовать…

— Тогда попробуйте. Давайте вот прямо сейчас и помолимся, вместе. Может, поможет нам обоим. Вы хорошо знаете молитву? Сможете прочитать целиком? — встревоженно спросила она, поскольку он явно растерялся.

Молодой человек покраснел. Да, в глазах девушки он выглядит весьма сомнительно: мало того, что не умеет стрелять, так еще и не умеет молиться. Что она о нем подумает?

— Что ж, наверное, можно попытаться, но мне нужна помощь, — неуверенно произнес он. — Но что, если тот человек вдруг все-таки объявится?

— Значит, вы не считаете, что молитва помогает, а то бы вы так не говорили, — голос девушки звучал печально и безнадежно.

— О, что вы, — торопливо промолвил молодой человек, — я только подумал, что, может, сейчас не самый удачный момент, но если вы считаете, что это надо сделать прямо здесь, то давайте остановимся.

Он соскочил с коня и собрался было протянуть ей руку, но она очутилась на земле куда раньше, чем он успел обойти лошадь.

Она опустилась на колени, совсем по-детски сложила в молитвенном жесте руки и закрыла глаза.

— «Отче наш, сущий на небесах». — Она повторяла слова молитвы медленно, отчетливо, как если бы это было заклинание, которое не сработает, если его не произнести со всей точностью. Ее голосу вторило бормотание стоявшего позади на нее на коленях молодого человека. Он подумал о том, какое странное зрелище представляли бы они для случайного прохожего — если бы в пустыне случались прохожие. В этом их одиночестве было что-то странное, чуждое. И все же молиться в этом огромном открытом пространстве казалось куда более естественным, чем в стенах дома.

Без привычки молитва продвигалась медленно, а когда завершилась, девушка с деловым видом

снова запрыгнула в седло.

— Вот теперь я чувствую себя гораздо лучше, — объявила она с победным видом. — А вы? Как думаете, Он нас услышал?

— Кто?

— Ну, Отец наш Небесный.

— О, разумеется! По крайне мере, меня всегда учили, что Он слышит. По этой части личный опыт у меня невелик, но смею сказать, что какая-то польза наверняка имеется. А теперь не кажется ли вам, что мы могли бы испробовать этой сверкающей водицы? Очень хочется пить.

Они пришпорили лошадей и вскоре оказались возле замечательного, освежающего ручья.

— Вы скакали всю ночь? — осведомилась девушка.

— Почти. Один раз остановился на несколько минут, но вдали послышались какие-то звуки, к тому же я боялся упустить вас из виду, а то заблудился бы окончательно. Видите ли, мы с друзьями отправились на охоту, но я отстал от них. Они стали взбираться на крутой склон, а я решил его объехать и встретить их на спуске или в крайнем случае вернуться в лагерь, но лагеря на том месте, где я пытался его найти, не оказалось.

— Тогда вам надо немного поспать, — реши-

тельно объявила девушка. — Вы не можете вот так продолжать, это вас погубит. Ложитесь, а я посторожу и займусь обедом. Приготовлю эту птицу.

Он попытался было возражать, но она настояла на своем: она видела, что он ужасно устал. Поэтому он позволил ей постелить для него старое пальто, пока собирал хворост для костра, улегся, наблюдая, как она занимается стряпней, и незаметно для себя уснул.

Проснувшись, он поначалу не мог отличить сон от яви. Ему казалось, что его леди примчалась за ним через прерии в автомобиле, причем у авто были серые крылья, совсем как у птицы, которую подстрелила девушка, и призвала ее именно молитва, произнесенная им, коленопреклоненным, а в небе над головой было полно странных птиц, которые хлопали крыльями, звали его и пели красивую песню. Но когда автомобиль остановился, сидевшая в нем леди превратилась в какое-то маленькое, старое существо, которое рассыпалось в прах, а на ее месте оказалась девушка прерий, сияющая и прекрасная.

Он открыл глаза, увидел по-походному накрытый обед и почувствовал восхитительный запах жареной птицы. Девушка стояла по другую

сторону костра, насвистывая очень необычную мелодию, похожую на птичье пение.

Она даже испекла маленький пирог из кукурузной муки, и они пообедали совсем по-королевски.

— Я поймала в заводи две рыбины. Оставим их на ужин, — сообщила она, пока они паковали вещи. Он попытался было уговорить ее тоже отдохнуть немного, пока он посторожит, но она отказалась: надо ехать, ближе к вечеру она передохнет.

— Потому что, вы сами понимаете, нам придется скакать всю ночь, — бесстрашно объявила она.

Он подробнее расспросил ее о мужчине, который может ее преследовать, и проникся ее страхами.

— Мерзавец! — пробормотал он, глядя на ее четкий, милый профиль. И испытал сильное желание свернуть мерзавцу шею.

Он расспрашивал о ее жизни, и его поразило, как могла такая девушка вырасти и превратиться в настоящий цветок в этой глуши, рядом с неглупым, но ленивым и вечно пьяным отцом и доброй, но невежественной матерью. Как она сама не огрубела в таком окружении? Как при

своих братьях она осталась такой милой? Он начал чувствовать ответственность за ее будущее и проникся желанием ее защитить. Но пока что они скакали по этим пустынным краям, и он был готов при необходимости взять ее под защиту и здесь.

К вечеру они добрались до укромного, поросшего травой оврага. Здесь они спешились, и девушка, подложив под голову старое пальто, прилегла отдохнуть в тени деревьев, а он сторожил ее, собирая хворост для костра и поглядывая на горизонт. Приближалась ночь, и этот выросший в большом городе человек почувствовал необходимость в крыше над головой. Нет, он не был трусом в обычном понимании, однако перспектива оказаться в совершенно диких местах, где велика вероятность встречи с дикими животными и пьяными бродягами, вряд ли могла порадовать. Он не понимал, почему им до сих пор не встретилась никакая человеческая обитель. До этого он никогда не осознавал, насколько необъятен этот край. Путешествуя на Запад по железной дороге, он не обращал внимания на то, какие расстояния разделяли островки цивилизации — конечно же, поезд мчался куда быстрее лошади, так что ему трудно было судить

о реальности. Кроме того, они двигались наугад и, вполне возможно, каким-то кружным путем. На самом деле, они действительно сделали круг в пять миль и потому ушли в сторону от ручья. Если б они чуть раньше взяли на милю правее, дорога была бы и легче, и короче, но они об этом не знали.

Девушка дремала недолго. Наступала ночь, и она, решив, что им надо продолжать путь, обеспокоенно посмотрела на небо.

— Нам надо двигаться на луну, — сказала она, указывая на встающее на востоке ночное светило.

Они с аппетитом, свойственным всем всадникам, поужинали рыбой и кукурузным хлебом, а луна уже проложила перед ними серебряную дорожку. Они тронулись в путь, как давние друзья, объединенные общими страхами и надеждами.

А тем временем некий всадник поднимался по крутому склону к маленькому, покинутому девушкой домику. Он был хорош собой, смугл и силен, на шее у него был повязан алый платок, ехал он медленно, настороженно оглядывая окрестности. Он был вооружен до зубов, в лунном свете поблескивали пистолеты, в укромном месте таился острый нож.

Лицо у него было злое, неприятное, и был он труслив — он дернулся, заслышав хлопанье крыльев птицы, устраивавшейся на ночлег в своем затерянном среди скал гнезде. Пугал его также поднимавшийся из долины туман, и, повернув к домику, он остановился и вытащил кинжал — на мгновение ему показалось, что привидение, которого он так боялся, уже здесь. Глоток из бутылки, которую он держал в кармане, на время успокоил его, но страхи вспыхнули с новой силой, когда он увидел, что перед домом привязана чья-то лошадь, а в дверях маячит какая-то фигура! Он выругался, выхватил пистолет и выстрелил.

В ответ донесся залп ругани. Это оказался один из его вчерашних приятелей. Он с двумя другими заявился с визитом к хорошенькой девушке. Они побились о заклад, кому она достанется, и прибыли за ответом. Но ее дома не оказалось, дверь на запоре, они ее взломали — и не нашли внутри тоже никаких признаков ее присутствия. Двое других отправились на кладбище — вдруг она на могиле брата, женщины же такие сентиментальные! Наверняка и она тоже. Он согласился остаться ждать ее здесь, но, наверное, зря. Если те двое найдут ее, они уж точно дожидаться его не станут.

Вновь прибывший, проклиная все и всех, пояснил, что девушка принадлежит ему и что больше никто никаких прав на нее не имеет. Он потребовал, чтобы поджидавший в доме тип отправился вместе с ним на кладбище посмотреть, что там с девушкой, а потом они все вместе поедут куда-нибудь выпить, но девушка его — и точка.

Они двинулись в сторону могилы и встретили двоих возвращавшихся с кладбища: девушки не оказалось и там. Тогда трое прибывших первыми принялись насмехаться над четвертым: девушка-то его провела! Так, бранясь и споря, где девушка может находиться и кому достанется, они двинулись обратно. По дороге, чтобы успокоить нервы, они передавали из рук в руки бутылку. Добравшись до дома, они остановились и принялись обсуждать дальнейшие действия.

Наконец они договорились отправиться на поиски и, продолжая пить, размахивать кулаками и проклинать все на свете, отправились туда, куда — кружным путем — направлялась и девушка.

Глава 5. Ночная скачка

Ночь стояла чудесная. Лунный свет заливал равнину, перед их взорами открывалась практически неземная красота. Одиночество, владевшее ими в прошлую ночь, миновало, и они открывали для себя радость совместного пути.

В самом начале пути они наткнулись на колонию луговых собачек, молодой человек принялся с любопытством их разглядывать, но девушка

поторопила его. Вчера она отправилась в путь примерно в это же время, и сейчас она снова почувствовала те же страхи. Ей не терпелось как можно скорее выбраться из мест, где ее мог настичь тот человек. Да она лучше похоронит себя заживо, чем достанется этому злодею! Они ехали рядом, и она рассказывала ему о том, как живут встреченные ими маленькие грызуны, время от времени указывала на каких-то других созданий, убегавших с их пути или взиравших на них из темноты сверкающими зелеными глазами.

Поначалу молодого человека пробирала дрожь при мысли о том, что здесь, в зарослях полыни, таятся те самые дикие звери, о которых он читал и на которых приехал охотиться. Он держал руку на своем револьвере, все время был настороже, постоянно оглядывался, полагая, что за ними неслышно крадется стая койотов или волков. Но поскольку девушка говорила о них с таким же бесстрашием, как рассказывала бы о злобной соседской собаке, он постепенно успокоился и мог уже без боязни смотреть на разбегавшиеся от них на мягких лапах тени.

Он же то и дело указывал на небо и рассказывал о звездах. Что она знает о созвездиях? Ничего? И он объяснял. Такая-то и такая-то звезда находится

в огромном количестве миль от Земли. Он называл имена звезд и созвездий, излагал связанные с ними легенды и мифы, говорил о Луне и о том, что когда-то, возможно, она была обитаемой.

Девушка завороженно слушала. Она знала некоторые звезды — те были для нее ориентирами, по которым она отличала восток от запада и север от юга. Она часто наблюдала их восход на небе и даже сдружилась с ними, но о том, что обитатели Земли знали нечто особенное об этих небесных телах, даже не подозревала. Задавая ему вопрос за вопросом, она демонстрировала как незаурядную способность к мышлению, так и совершенно детское невежество.

Его удивление росло. А вместе с удивлением росло и восхищение ее красотой — наблюдая чистый, нежный профиль при свете луны, он вспоминал своего друга, художника. Какой замечательный сюжет для картины: залитая серебряным светом равнина и скачущая по ней с небрежной грацией прекрасная наездница в мягкой фетровой шляпе…

А еще он поражался тому, что у девушки, выросшей в этой глуши, такая грамотная речь. Да, она совершенно невежественна, но очень редко допускает речевые ошибки. Как так могло по-

лучиться?

Он принялся расспрашивать ее о жизни, но не обнаружил никаких ее контактов с образованными и грамотными людьми. Она ведь жила даже не в каком-то из тех жалких городишек, что были разбросаны по всему Дикому Западу, а в месте, откуда до ближайшего большого города — сотни миль. Она обмолвилась, что от их дома до одного из ближайших соседей было сорок миль, и сказала это так, как будто это было обычным делом.

А как насчет почты? Однажды, когда она была еще маленькой, в дом пришло письмо. В нескольких нацарапанных карандашом строчках извещалось о кончине маминого отца. Он работал в большом городе и его убили в какой-то заварушке. Мать плакала над письмом и перечитывала его, пока карандашные строчки не стерлись совсем.

Нет, в их домик на горе почта не приходила.

Отец забрался сюда, поскольку решил, что нашел золото, но он ошибся, а денег на переезд не было, так что они здесь и остались; отец и братья работали погонщиками скота, ковбоями, а они с матерью почти никогда не уезжали из дома. Сначала из-за того, что в семье постоянно появлялись новые детишки, о которых надо было

заботиться, детишки умирали, и матери уже никуда не хотелось трогаться, да и ее она одну далеко не отпускала.

О да, она много ездила верхом, иногда с братьями, но не так чтобы часто. Они якшались со всяким сбродом, и мать боялась отпускать ее с ними. Все мужчины кругом много пили. Братья пили. И отец пил. Она сказала об этом так, как будто пьянство присуще всем мужчинам на свете и добавила: «Наверное, вы тоже пьете», — она произнесла это как утверждение, а не вопрос.

— Бывает, — смутившись, ответил молодой человек. — Но не так чтобы много. Время от времени бокал вина в компании, ну, вы понимаете…

— Еще как понимаю, — вздохнула девушка. — Мужчины все такие. Так мама говорила. Она говорила, что мужчины отличаются от женщин. Они должны пить. Однако ее отец, говорила она, вовсе не пил, он был очень хороший, хотя ему и приходилось тяжело работать.

— На самом деле, — сказал молодой человек, и даже в лунном свете было видно, как он покраснел, — на самом деле, вы ошибаетесь. Я вообще не пью, особенно так, как вы говорите. Я не такой, как они. Я… Ну, я только… Меня вообще выпивка не интересует, не думайте, что я такой, как

они. Если хотите, я больше никогда не выпью ни капли.

Говорил он это совершенно серьезно. Почему именно, он не знал, но ему было очень важно реабилитироваться в глазах девушки, он чувствовал, что это совершенно необходимо — доказать ей, что он отличается от других известных ей мужчин.

— Правда? — спросила она, повернувшись к нему. — Вы обещаете?

— Обещаю! — ответил он, хотя и почувствовал легкую неловкость из-за того, что она поймала его на слове. — Конечно, обещаю. Я же сказал, что выпивка для меня ничего не значит. Я мог выпить бокал вина в клубе за компанию или там на банкете в годовщину выпуска, ну, вы понимаете, на званом обеде…

Девушка никогда не слыхала о банкетах в честь годовщины выпуска, однако ее братья тоже «пропускали стаканчик-другой за компанию» — как они это называли, поэтому горестно вздохнула и сказала:

— Ну да, обещать-то вы можете, но только это ничего не значит. Отец тоже все время обещал, а когда встречался с другими, от обещаний не было никакого толка. Все мужчины одинаковые.

— Но я не такой! — заупрямился он. — Я же сказал, что не пью и не буду пить. Здесь, под божьим небом, торжественно клянусь, что за всю свою жизнь больше не выпью ни капли крепкого спиртного!

Он протянул к ней руку, она тоже протянула руку и на мгновение удержала его ладонь в своей.

— Получается, вы совсем не похожи на других мужчин. — В голосе ее звучала радость. — Наверное, поэтому я и не испугалась, когда проснулась и увидела вас.

Эти ее слова доставили ему огромное удовольствие. Но почему он так обрадовался, услышав, что она не испугалась, впервые увидев его в этих безлюдных прериях? Этого он понять не мог, однако на радостях совершенно забыл о собственных заботах. О леди в автомобиле. Он вообще о ней почти уже не вспоминал — так, только на мгновение. Что-то стерло ее из его памяти. Он бежал от нее, и бегство оказалось куда более успешным, чем он мог предположить.

И вот он посреди бесплодной пустыни вдруг дал зарок воздержания от спиртного, а побудила его к тому девушка, которая о подобных зароках и слыхом не слыхивала, не говоря уж о дамских обществах трезвости и женских крестовых походах.

Собственное сердце и горькая судьба научили ее, как использовать богом данное влияние.

Они добрались до длинного ровного участка с твердой почвой и, словно сговорившись, пустили лошадей галопом. Беседовать во время этой дикой, захватывающей скачки было невозможно. Молодой человек отметил про себя, что в этой глуши он быстро обретает новый опыт — сначала молитва, потом обет воздержания. Если б кто-то сказал ему, что он отправится на Запад ради обретения этого опыта, он бы смеялся до упаду.

Ближе к утру лошади устали и замедлили бег. Поглядывая на восток, спутники снова разговорились — негромко, словно боясь кого-то разбудить. В этом приближении нового дня было что-то пугающее, особенно после плавания по серебряному морю ночи. Словно возвращение из нереального мира в реальный, но грустный мир. Им обоим было почти жаль, что ночь на исходе. Новый день принесет как трудности, так и радости, как заботы, так и сюрпризы, а ночь была прекрасна, она навсегда останется в их памяти как нечто драгоценное. Им не хотелось возвращаться к реальности после пережитого единения душ.

Вдруг до них донеслись отголоски выстрелов и крики. Они инстинктивно направили своих

коней ближе друг к другу, и молодой человек покровительственно положил руку на гриву коня девушки, но не дотронулся до ее руки. Леди его мечты иногда позволяла ему взять свою унизанную кольцами руку, поглядывая на него из-под опущенных ресниц, пока он нежно эту руку пожимал, а когда уставала от него, передоверяла эту честь другому воздыхателю. Но эта обитательница прерий — ему бы и в голову не пришло коснуться ее маленькой, смуглой, крепкой руки. Каким-то образом она с первой минуты — еще до того как подстрелить птицу — завоевала его почтение.

В какой-то миг их путь пересекла рысь, затем к ним кинулась, рыча, карликовая лисица, мех ее стоял дыбом, но меткий выстрел девушки отогнал хищника, и они беспрепятственно въезжали в рассвет первого для девушки настоящего воскресного дня — до того она не знала воскресений.

— Дома сейчас все собираются на воскресную службу, — мрачно заметил молодой человек, наблюдая, как первые солнечные лучи разгоняют в лежавшей перед ними долине туман. — А вы посещаете воскресную службу?

Девушка плотно сжала губы.

— По воскресеньям всегда случаются всякие

неприятности, — сказала она, передернув плечами.

Он почувствовал, как в душе его поднимается волна сочувствия, и постарался перевести разговор на другое. Совершенно очевидно, что с выходными днями у нее связаны неприятные воспоминания.

— Вы устали, — заявил он. — Лошади тоже утомились. Послушайте, надо остановиться и передохнуть. При свете дня нам ничего не угрожает. Вот хорошее место, укромное. Можем спрятать лошадей в кустах, и никто нас не заметит.

Она согласилась, они спешились. Молодой человек прорубил ножом проход в густой растительности, они привязали лошадей — вряд ли бы какой-то всадник, если б таковой и случился, их заметил. Девушка улеглась среди зарослей полыни, такой высокой, что спрятаться в ней было легко. Молодой человек тоже расположился на душистой полынной подложке у входа в их естественный шатер. Но сначала он устроил ложе из полыни для девушки, накрыл его старым пальто, и она сразу же уснула. И все же, хотя его собственное полынное лежбище было вполне сносным — даже для того, кто привык к самым комфортабельным пружинным матрасам,

которые только можно купить за деньги, — и хотя девушка настаивала на том, чтобы он тоже поспал и что сторожить никакой необходимости нет, сон все не шел.

Он размышлял о происходящем. Какой странный опыт он теперь получает! И имеется ли подобный опыт у любого другого богатого, образованного, светского человека? Сначала потерял дорогу, потом блуждал целый день, потом девушка, бегство, молитва под открытым небом, и эта ночь, и скачка бок о бок в великолепном лунном свете. Все это было похоже на волшебную сказку.

А девушка! Куда она направляется? Что с ней будет? В том мире, из которого он пришел, она сразу же превратится в ничто. Ее жизненный статус был настолько ниже его положения, что даже сам факт их общения несомненно ее опозорит. Да окружающие всплеснут руками от ужаса, узнав, что они путешествовали вдвоем. Как, молодая девушка без сопровождения дамы? Это ужасно! И все же все происходящее было хорошим и правильным, и девушка, несомненно, была глубоко порядочна, потому что как иначе ей до сих пор удавалось избежать морального упадка?

Вот-вот, а почему он в этом так уверен? Он улыбнулся: любой, взглянув в это чистое, невин-

ное лицо не усомнился бы в том, что и в душе она столь же прекрасна. Ну а если это не так, что ж, остается надеяться, что он об этом никогда не узнает. Она казалась совершенно неиспорченной, и он содрогнулся при мысли о том, что этот мир может с ней сделать — мир с его обычаями, которые были ей совершенно чужды: у нее не было ни друзей, ни средств, ни дома. Этот мир не может ей предложить ничего, кроме изнурительного труда и жалкого существования.

Куда она направлялась, чем намеревалась заниматься? Разве он не должен попытаться как-то помочь ей? И разве он не обязан ей помочь, поскольку она спасла ему жизнь? Если бы он не встретился с ней, он бы точно обессилел от голода, пытаясь выбраться из этих необитаемых мест. Да и сейчас призрак голода не отступил, им надо бы поскорее добраться до какого-то жилища, потому что у них остался лишь кусочек кукурузной лепешки и немножечко кофе. И еще только две спички, а птиц, которых можно было бы подстрелить, что-то не видно, как и ручья с рыбой.

Короче говоря, тревоги не давали молодому человеку уснуть, хоть он и утомился изрядно после непривычной физической нагрузки и новых впечатлений.

Девушка, рассказывая о себе, почти ничего не говорила о своих планах. Надо будет ее расспросить. Жаль, что он так мало знает о ее семье. Вот если бы он был намного старше, а она намного младше или если бы он знал какую-нибудь женщину, к которой можно бы отвезти или послать девушку! Ужасно, что этот мерзавец ее преследует! Такие люди — совсем не люди, а дикие звери, их стрелять надо!

Откуда-то издалека — то ли на самом деле, то ли ему показалось — донеслись чьи-то голоса или крики, он вслушался, но все было тихо. Лошади тяжело вздыхали в своем полынном стойле, солнце поднималось все выше, становилось жарко. Наконец пришел сон, тяжелый, беспокойный, но все же сон, желанное забытье. На этот раз обошлось без леди в автомобиле.

Проснулся он, когда солнце стояло уже совсем высоко и било прямо ему в лицо. Он ощутил какое-то чуждое присутствие, ему вроде как послышался как-то странный, низкий, свистящий звук. То ли ему показалось, то ли действительно что-то прошмыгнуло мимо.

Он протер глаза, помахал себе в лицо шляпой, как веером. Да нет, кругом стояла тишина, разве что где-то высоко в небе кричал ястреб и вздыха-

ли кони. Он подошел к ним поближе, убедился, что с лошадьми все в порядке, вернулся на свое место. Интересно, девушка уже проснулась? Стоит ли ее окликнуть? Но как? Он же даже не знает ее имени. А окликать ее «мадам» или «мадмуазель» здесь, посреди дикой природы, показалось ему нелепым.

Может, это она прошла мимо него в поисках воды или хвороста для костра? Он огляделся, но заросли полыни заслоняли все. Он прошел вправо, затем влево от ее укрытия, но не заметил никаких признаков жизни.

Наконец он решил, что уже больше не может молчать.

— Вы уже проснулись? — неловко осведомился он, чувствуя, как слова застревают в горле. Он откашлялся, повторил вопрос, но голос, казалось, не проникал через заросли. Он и правда уловил какое-то легкое движение? Он ее испугал?

По спине пробежали мурашки, и он разозлился на самого себя, что стоит на месте и боится непонятно чего. И все же он чувствовал какую-то опасность. Что это? Он никогда не верил ни в какие предчувствия и предрассудки. Но не мог не подумать, что, наверное, злодей прокрался тихо, пока он спал, и выкрал девушку. Эта мысль

заставила его переступить через все внутренние запреты и подойти.

Глава 6. Дикий Запад и Общество христианских усилий

Он смело шагнул за зеленый барьер, сразу увидел, что она все еще спит, и тут же понял, что она не одна. Неподалеку от нее свернулась кольцами гремучая змея со смертоносными клыками и блестящими, словно драгоценные камни, глазами.

Секунду он смотрел на змею, окаменев от ужаса, разум его отказывался работать. И все же он понимал, что надо что-то делать, причем немедленно. Он что-то читал о встречах путешественников со змеями, но никак не мог припомнить, как имен-

но следует в таких случаях поступать. Стрелять? Он не решался. Во-первых, он мог попасть не в змею, а в девушку, да и в любом случае, он только усугубил бы ситуацию. Не мог он и разбудить девушку и как-то вытащить ее оттуда, ибо малейшее ее движение заставило бы змею броситься.

Он поискал глазами какое-нибудь орудие, но поблизости не было ни камня, ни палки. Он неплохо играл в гольф, и будь под рукой что-то вроде клюшки, мог бы легко отбить змее голову, но клюшки не имелось. Оставалась лишь одна возможность — отвлечь внимание змеи на себя, но он едва ли смел двинуться, опасаясь, что змея все же бросится на сладко спавшую жертву, не подозревавшую о новой грозящей ей беде.

И вдруг он сообразил, что надо сделать. Он неслышно отодвинулся назад, сорвал с себя куртку и осторожно приблизился к змее, держа куртку перед собой. На секунду помедлил, просчитывая, как надо бросить куртку, чтобы она попала точно, создав преграду между смертоносными клыками и маленькой смуглой ручкой, а затем смело кинулся вперед, держа куртку за края и отчаянно вопя, чтобы девушка проснулась и бросилась наутек.

В какой-то немыслимо ужасный момент он

понял, что девушка вне опасности — в отличие от него. Змея развернулась и уставилась на него злобным взором. Он замер: куртка выпала из ослабевших рук, колени подогнулись, он вряд ли сумел бы убежать, опередить змею — и вдруг все закончилось. Они с девушкой стояли снаружи, перед зарослями полыни, вдалеке таяло эхо пистолетного выстрела, а рука его саднила в том месте, за которое девушка схватила его, оттаскивая от опасности.

Змея была мертва. Она ее подстрелила. Так же легко и спокойно, как птицу в полете. При этом она смотрела на него огромными благодарными глазами, а он смотрел на нее, все еще недоумевая, почему они оба живы.

Молчание нарушила девушка:

— Все понятно, вы из тех, кого зовут неженками.

— Вы правы, — покорно согласился он. — Наверное, я такой и есть. Если б выстрелил, ни за что бы не попал.

— Вы неженка и не умеете стрелять, — торжественно повторила она, как будто это было нечто, что должно было быть сформулировано со всей четкостью. — Однако вы из тех, кого мой брат называл «благородным человеком». Вы не

умеете стрелять, но способны рискнуть жизнью. Вы схватили куртку и смотрели смерти в лицо. Вы — не неженка.

В голосе ее звучали слезы. Она отвернулась, чтобы скрыть их. Но он взял ее уверенную смуглую ручку и смотрел на нее сверху вниз, не стесняясь своего увлажнившегося взора.

— И как мне благодарить вас за то, что вы спасли мне жизнь?

— О, это было легко, — ответила девушка, возвращаясь к будничному тону. — Стрелять у меня всегда хорошо получалось. Что было трудно, так это оттащить вас в сторону. Вы там стояли насмерть с этой своей курткой.

— А они все смеялись надо мной из-за куртки, говорили, что охотник никогда не берет с собой лишней одежды, — заметил он.

Они отошли подальше от ужасного места.

— Как вы думаете, это молитва помогла? — спросила вдруг девушка.

— Возможно, — задумчиво проговорил молодой человек.

Тихо, размышляя каждый о своем, они оседлали лошадей и двинулись дальше.

Путь на восток лежал через холм. Он был не очень крутым, однако ехать приходилось гусь-

ком, так что особенно не побеседуешь.

Где-то уже после полудня снизу, от подножия холма, до них вдруг донеслись испугавшие их странные звуки. Они осадили лошадей и посмотрели друг на друга. Тихий ветерок доносил чье-то пение. Пение то замирало, то становилось громче, в зависимости от дыхания ветра. Они осторожно направили лошадей вокруг холма, стараясь держаться близко друг к другу. Понятно, что они приближались к какому-то человеку или группе людей. Птицы так петь не могли — слов они не различали, но слова были.

Они обогнули холм и замерли бок о бок. Под холмом пролегла дорога, та самая, которую они искали, а прямо под ними, прижавшись к склону, стояло маленькое бревенчатое школьное здание с открытыми настежь окнами. Перед зданием и за ним стояли фургоны с запряженными лошадьми, но большинство лошадей были под седлами.

Теперь они ясно слышали пение и могли разобрать слова: «О, да будет мне слава, мне слава, мне слава …»

— Что это? — прошептала девушка.

— Полагаю, воскресная школа или что-то в этом роде.

— Ой, школа! А можно туда зайти?

— Как вам будет угодно, — сказал молодой человек, радуясь ее простоте и наивности. — Можно привязать лошадей за домом, пусть отдохнут. Видите, там в тени свежая трава?

Он провел ее за здание, туда, где их коней не было видно с дороги. Девушка с любопытством заглянула в ближайшее к углу окно. Под ним сидели две молодые девушки, приблизительно ее ровесницы, одна из них ей улыбнулась. Это выглядело как приглашение. Девушка улыбнулась в ответ и уже смело направилась к двери. Они вошли в помещение, девушки указали ей на место возле окна, за маленьким столом.

По всей комнате на равном расстоянии стояли столы, а перед ними — еще один стол, побольше. Почти все места за столами были заняты.

Перед большим столом стоял странный деревянный ящик, за ним сидела еще одна девушка, она нажимала на похожие на палочки белые и черные полоски, странно двигала ногами и распевала во все горло. Из ящика лилась мелодия, такая же, как та, что пели люди. «Это пианино?» — подумала девушка. Она слыхала про пианино. Отец, бывало, о нем рассказывал. О, это, наверное, то, чего так хотела мама? «Камерный орган». Возможно, это и есть камерный орган.

Как бы эта штуковина ни называлась, ее музыка завораживала.

За спиной сидевшего за большим столом мужчины висела большая черная доска с какими-то белыми пометками. Поначалу прямые солнечные лучи не давали ей рассмотреть, что это, но она сдвинулась немного в сторону и увидела, что это большой крест с написанными под ним словами «Он укроет меня».

Странное это было место. Девушка робко осмотрелась. Ее словно поглотила, затянула в себя эта песня, исполняемая голосами, возможно, к пению и непривычными, но зато от всего сердца. Для нее это звучало как музыка небес, хотя она вряд ли имела представление о том, что это такое — небесная музыка. «Славься, славься, славься!» Слова как нельзя лучше подходили этому дню, лившемуся с неба солнечному свету, избавлению, пришедшему к ней так недавно. Она поискала взглядом своего товарища, чтобы поделиться с ним радостью, но он еще не входил.

Те две девушки протягивали ей книгу и указывали на определенное в ней место. Читать она умела. Мама успела научить ее до того, как стали рождаться другие дети, но ей мало пришлось сталкиваться с тем, что можно было бы

назвать литературой. Она жадно схватила книгу и посмотрела на то место, на которое указывали девушки. Там были слова: «Слава мне!», «Слава мне!». Кому слава, ей? Но разве могут ее как-нибудь славить? И за что? Она радостно вздохнула, а песня «Славься» все звучала, подпитываемая энтузиазмом того, кто недавно слышал ее в большом городе на грандиозной службе. Чья-то добрая душа доставила этой небольшой группе христиан буклеты, в которых была напечатана и эта песня, и другие новые песни, и они пели так, как если бы это был тысячный хор.

Пение прекратилось, и человек за большим столом произнес:

— А теперь обратимся к стихам.

— Господь наш вечный есть наше прибежище, вечны длани Его, нас укрывающие, — произнесла сидевшая в первом ряду усталая женщина.

— Он покроет тебя перьями Своими, и под крыльями Его будешь уповать, — сказал сидевший рядом с ней молодой человек.

— Во время бед укроет меня в шатре Своем; в тайне скинии Своей укроет меня, — прочитала девушка, которая дала книгу.

Клочок бумаги, на котором были написаны эти слова, упал на пол, к ногам вновь прибывшей,

наша девушка подняла его и протянула той, которая его уронила, но та покачала головой, и девушка принялась всматриваться в него, пытаясь разгадать смысл слов.

Зачитывали и другие стихи, но тут слух девушки уловил звуки, заглушившие все остальные. Она задрожала от ужаса. Даже губы у нее дрожали. Она подняла взгляд и увидела, что к дверям в школьное здание приближается мужчина. Перед глазами у нее все поплыло, она почувствовала, как теряет сознание.

По дороге скакали четыре всадника, они орали похабные песни и были так пьяны, что вряд ли соображали, куда направляются. Здание школы привлекло их внимание, и исключительно из злобности они принялись богохульствовать и выкрикивать оскорбления молящимся. Один из них, явный вожак, глянул прямо в лицо молодому человеку, который как раз закончил привязывать лошадей и собрался войти в школу. Вожак сначала наставил на него пистолет, но затем выстрелил в воздух. Это стало сигналом к беспорядочной пальбе, мерзавцы поскакали дальше, оставив после себя шлейф проклятий, запятнавших память об исполненном недавно гимне.

Со своего места у окна девушка видела злобную

физиономию того, от кого она бежала. На минуту, показавшуюся ей вечностью, она подумала, что ее настигли. Она в отчаянии оглядела собравшихся в школе — спасут ли они ее, помогут ли в беде? Справятся ли, если придется сразиться с этими четырьмя бандитами, подогретыми выпивкой?

А вдруг он заявит, что она — его сбежавшая жена или сестра? Встанут ли на ее защиту? Поверят ли ей? И поверит ли ей тот, кто совсем недавно спас ей жизнь? Поможет ли ей хоть кто-нибудь?

Всадники ускакали, а молодой человек вошел в комнату и тихонько сел рядом с ней. Он без слов понял, кто был тот тип, которого он только что видел. Он испытал острое сочувствие к девушке — и горячий гнев. Подобному мерзавцу не место на земле, его следует уничтожить или до конца жизни держать взаперти.

Он глянул на девушку, которая, дрожа, сидела вся белая, и почувствовал желание заключить ее в объятия, самому укрыть ее, эту хрупкую и отчаянно смелую душу. Вся невозмутимость, с которой она пристрелила змею, куда-то делась. Он видел, что она готова разрыдаться. И он улыбнулся ей — такой улыбкой, которой не одаривал никого, разве только в далеком детстве свою мать, улыбкой бесконечного доверия. Эта улыбка,

словно солнечный свет, согрела девушку.

Ее еще всю трясло, но она уже начала успокаиваться. Она посмотрела на листок, зажатый в дрожащих руках. И постепенно, буква за буквой, слово за словом, стих начал говорить с ней. Не все слова были ей понятны, она не знала, что такое «шатер» или «скиния», но она понимала, что значит спрятаться, укрыться. Она обрела укрытие. Ее укрыли от беды. «Он…» — имелся ли в виду тот, кто сидел сейчас подле нее, тот, кто помог ей укрыться, тот, кто уже не раз спас ее? И в то же время она смутно осознавала, что был другой Он — тот, который грандиознее их всех, тот, кто сотворил чудо и снова спас ее, возможно, ради чего-то хорошего.

На этом собрании было сказано много слов — добрых, мудрых и правдивых. Они могли бы помочь девушке, если б она понимала эти слова, но мысли ее были заняты другим. И все же одну истину она постигла, истину, которую приберегла на будущее. В этом мире существовало «укрытие», и она спряталась в нем, когда грянула беда. Потому что еще мгновение — и, если б она не укрылась в этом школьном здании, тот ужасный человек увидел бы ее.

Настало время молитвы, все преклонили

головы, до нее доносились тихие голоса, произносившие слова, которые она не понимала, но слово «молитва» было ей понятно, и когда она услышала «Отче наш», она закрыла глаза, до того с любопытством глядевшие на остальных, и присоединила свой тихий голос к другим голосам. Каким-то образом голоса эти оказались связующим звеном между ее безопасностью и обращением «Отче наш», и она ощутила веру такой силы, какую еще никогда во время молитвы не испытывала.

Молодой человек внимательно вслушивался. То, что он слышал, та простая молитва посреди степной глуши, странно воздействовало на него. Он почувствовал ее истинный дух куда глубже, чем когда дома он сидел на красиво обитой скамье рядом с матерью и сестрой, слушал хор мальчиков, и свет лился сквозь разноцветные окна в большую ухоженную церковь. Было что-то в словах этих людей, что проникало прямо в душу, в отличие от хорошо поставленных голосов, которые он слышал ранее. Они действительно верили в эти слова, Господь был для них той реальностью, которая помогала в многочисленных тяготах. Таким был этот их день, осиянный славой Господа вечного, Господа, которому они

доверяют и который заботится о народе своем. И он снова вспомнил о том, что произошло утром, и о чуде, спасшем жизни его самого и его спутницы.

Собрание закончилось, присутствовавшие разбились на группы, разговаривали. Девушка, которая дала книгу, подошла к новеньким и протянула руку. Она оказалась дочерью миссионера.

— Что это? Школа? — спросила девушка.

— Да, школа, — сказала миссионерская дочка. — Но это собрание Общества христианских усилий [1]. Вы живете неподалеку? Можете приходить на все собрания?

— Нет, я живу далеко, — грустно ответила девушка. — Точнее, раньше жила. Сейчас я нигде не живу. Я в дороге.

— Жаль, а то вы бы могли посещать наши собрания. А там, где вы жили, было Общество христианских усилий?

— Нет, я никогда такого раньше не видела. Это замечательно. Мне нравится.

Подошла еще одна девушка, тоже протянула им руку.

— Приходите снова, — вежливо сказала она.

---

[1] Сноски: 1

Основанная в 1881 году организация молодых протестантов в Канаде и США. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Не знаю… Я не скоро вернусь сюда.

— А куда вы направляетесь?

— Куда подальше. На восток.

— О… — протянула вторая девушка и, заметив, что дочь миссионера заговорила с кем-то еще, шепнула, кивнув в сторону молодого человека: — Это ваш муж?

Девушка удивилась, затем покраснела.

— Нет, — мрачно ответила она. — Но… Но недавно он спас мне жизнь.

Вторая девушка была потрясена:

— Вот это да! К тому же такой красавец! А что случилось?

Но девушка не была расположена рассказывать подробности. Она пожала плечами:

— Ужасная змея. А я… Я ее не видела. Очень страшно! Никакими словами не описать.

— Ничего себе! Ужас-то какой!

Люди начали расходиться. Молодой человек разговаривал с миссионером, расспрашивал его о какой-то дороге. Девушка вдруг поняла, что этот драгоценный час закончился и что настало время возвращаться к действительности. Она узнала и остальных — то были дружки брата, провожавшие его в последний путь. Но почему они оказались все вместе на этой дороге? Они что,

искали ее? И догадываются ли, где она сейчас? А что, если они вернутся и схватят ее, когда все эти люди разъедутся по домам?

Как оказалось, ближайшим городом была Мальта, в шестнадцати милях в ту сторону, куда ускакали те люди. Неподалеку от школы было всего четыре дома, они были разбросаны вдоль протекавшей в долине речки. Когда паства разъехалась, молодой человек и девушка остались стоять возле школьных дверей. Девушка вздрогнула. Она глянула на дорогу и снова представила себе лицо того, кого она так боялась, услышала его грубый смех и проклятия. Что, если он вернется?

— Я не могу ехать в ту сторону, — сказала она, показывая на дорогу в сторону Мальты. — Лучше пусть меня разорвут дикие звери.

— Конечно нет, — сказал молодой человек. — Мы ни в коем случае туда не поедем. Это был тот, от которого вы бежали?

— Да, — ответила она. Она была поражена тем, как молодой человек решительно связал свою судьбу с ее судьбой.

— Бедняжка, — с глубоким сочувствием произнес он. — Вот уж точно с дикими зверями и то лучше. Пойдем, давайте поскорее покинем это место.

Они резко свернули с дороги и последовали за семьей, которая почти уже скрылась за холмом. У них можно было бы раздобыть какой-то провизии, подумал молодой человек. Девушка же думала только о том, как убраться отсюда подальше. Они скакали во весь опор, вскоре нагнали семейство и подробно расспросили.

Нет, к северу, до самой канадской границы, поселений не будет, да и дорога туда трудная. Мало кто по ней ездит. По большей части путешественники направляются в Мальту. А почему они в Мальту не хотят? И дороги там нормальные, и магазины есть. Да, в двадцати милях вот по этой тропе тоже люди живут. Там большое ранчо, а неподалеку есть город и проходит железная дорога. Но этим путем тоже редко ездят, потому что есть более доступные места. В некоторых местах тропу можно потерять, но если все время держать в виду Коттонвуд-крик, добраться до конца долины, затем свернуть направо и пересечь перевал, то не заблудитесь. Это в добрых двадцати милях, но если отправиться в путь сейчас и держаться верного направления, то к темноте доберетесь. И — да, если путешественники не возражают против того, что найдется в доме, они могут снабдить их некоторой провизией.

Человек в фургоне очень старался выведать, куда и зачем направляются эти двое, но молодой человек пресекал попытки самым решительным образом, так что, когда наша парочка оставила двухкомнатную хижину, в которой проживали добрые люди, никто так и не понял, кто они такие, в чем их миссия — разве только что они заблудились и у них закончилась еда.

На несколько часов они почувствовали себя в относительной безопасности, потому что те люди вряд ли скоро вернутся и выследят их. Они даже не остались поесть, лишь выпили молока, которое придало им сил, и тронулись в путь, предвкушая удовольствие от совместной поездки.

— Что это было такое? — спросила девушка, когда они после галопа по ровной местности перешли на более ровный шаг.

Он недоумевающе глянул на нее

— В школе. Что там было такое? Она говорила про какое-то Общество христианских усилий. Что это?

— Ну, полагаю, что-то вроде религиозного собрания, — неловко ответил он. — А вам понравилось?

— Да, — серьезно ответила она. — Понравилось. Я никогда раньше на таком не бывала. Та девушка

сказала, что они есть везде, на всем белом свете.

— Ну, не знаю, разве только это что-то вроде сообщества… Но мне они показались просто молитвенным собранием. Я слышал про молитвенные собрания, но никогда на них не бывал и не знал, что там может быть так интересно. Тот старик рассказал замечательную историю, как он попал к индейцам и как они о нем заботились. Он совершенно очевидно верит, что молитва помогает.

— А вы? — живо спросила она.

— О, конечно! Но рассказ старика был таким искренним, что начинаешь видеть все по-новому.

— Для меня вообще все по-новому, — сказала девушка. — А вот мама ходила и в воскресную школу, и в церковь, и на молитвенные собрания. Она мне об этом рассказывала. А еще иногда песни пела. Одна песня называлась «Твердыня Вечная». Вы знаете эту песню?

И она нараспев произнесла:

Твердыня Вечная,

Укрой меня в расщелине твоей…

— Я все вспоминала эту песню в ту ночь, когда тронулась в путь. Если б я знала, где эта Твердыня! А вы не знаете, где находится Твердыня Вечная?

Молодой человек был в явном затруднении.

Ему было смешно, но он боялся засмеяться, боялся снова ее обидеть. К разговорам о религии он не привык, и все же здесь, рядом с этой странной девушкой, эта тема, о которой он так редко задумывался и в которой почти не имел личного опыта, казалась совершенно естественной. Он мог бы попытаться объяснить девушке, что такое Твердыня Вечная — он вдруг понял, что она означает для таких вот отчаявшихся душ.

— Песню я слышал. Ее часто поют в церквях, она довольно известная. Нет, такого места, как Твердыня Вечная, не существует, ну, как сказать, это… Это образное выражение. Тут говорится о божественном начале.

— О! А это что такое?

— Как — что? Господь наш… — Он старался говорить будничным тоном, как если бы рассказывал ей о мистере и миссис Смит, но почему-то эти слова, сорвавшиеся с его собственных уст, поразили его самого. Он не знал, как закончить объяснение: — Я просто хочу сказать, что Господь заботится обо всех.

— О! — снова воскликнула она, на этот раз с пониманием. — И все равно я бы хотела знать, что это за собрание и почему все на него приходят. Должна же быть какая-то причина, не просто

же так они собираются. И как узнают, где будет собрание?

Молодой человек не знал ответов и постарался сменить тему.

— Мне бы хотелось, чтобы вы рассказали о себе, — произнес он мягким голосом. — Хочу лучше вас понимать. Мы уже долго путешествуем вместе и нам стоило бы получше узнать друг друга.

— А что вы хотите знать? — мрачно спросила она. — Мне особенно-то, помимо всего, что я вам уже рассказала, и добавить нечего. Всю жизнь я прожила в горах, помогала маме. Все умерли, сначала малыш, потом два моих брата, отец, мама, Джон. Я помолилась за Джона и убежала.

— Все так, но я хотел узнать что-то о том, как вы жили. Понимаете ли, моя жизнь на Востоке была совсем другой. И для меня все внове. Я бы хотел узнать, например, откуда у вас такая гладкая речь. Вы говорите совсем не так, как говорят девушки, никогда не ходившие в школу, а так, как будто вы много читали и учились. Вы почти не делаете никаких ошибок, говорите очень правильно. Понимаете, это весьма необычно для тех, кто никогда не учился. Вы говорите не так, как другие девушки, которых я встречал в этих местах.

— Отец всегда настаивал, чтобы я говорила правильно. Если кто-то из нас, детей, что-то неправильно произносил, он останавливал и заставлял повторить как надо. Он сердился, если кто-то что-то не так говорил. Однажды довел маму до слез из-за того, что она сказала «ложить» вместо «класть». Отец закончил школу, а мама училась совсем мало. Отец много знал и, когда бывал трезвым, понемногу и нас учил. Научил меня читать, я все могу прочесть.

— А у вас было много книг и журналов? — самым невинным голосом осведомился он.

— У нас было три книги! — с гордостью ответила она. — Одна — грамматика. Отец купил ее для мамы еще до того, как они поженились, и она ее очень берегла, всегда оборачивала в бумагу. Иногда давала мне почитать, и, когда она умерла, я вложила эту книгу в ее руки. Я подумала, что ей будет приятно, книга так много для нее значила. Понимаете, это же отец ей купил. А еще был альманах и книга о земле и камнях. Ее забыл человек, который искал золото. Он остановился у нас на ночлег, его накормили. У него не было денег, чтобы расплатиться, он оставил книгу и пообещал, что когда отыщет золото, то вернется и выкупит ее обратно. Но он так и не вернулся.

— И это все, что вы когда-либо читали? — с сочувствием спросил он.

— Ну нет! Иногда у нас бывали газеты. Папа приносил завернутые в газету свертки. Как-то раз в газете была чудесная история про девушку, но край был оторван, и я так и не узнала, чем все закончилось.

В голосе ее послышалась горечь: похоже, это было одно из самых больших разочарований детства — то, что она не узнала, что именно случилось с девушкой. Она повернулась к нему.

— А теперь вы о себе расскажите. Уверена, у вас есть много, что рассказать.

На лицо его набежала тень, и она уже раскаялась в том, что попросила.

— О, что ж… — проговорил он небрежно. — У меня был прекрасный дом, точнее, и сейчас имеется. Отец умер, когда я был совсем маленьким, а мама позволяла мне делать все что захочу. Я ходил в школу, потому что другие тоже ходили, потому что так положено. Когда я стал постарше, мне там даже начало нравиться. В смысле, мне нравились некоторые предметы, и я поступил в университет.

— А это что такое?

— Ну, просто высшая школа, в которой изучают

взрослые вещи. Потом я путешествовал. А когда вернулся домой, стал вращаться в свете. Но, — и на лицо его снова набежала тень, — мне все надоело, я решил, что неплохо бы отправиться сюда поохотиться, заблудился, встретил вас, — он улыбнулся. — Остальное вам известно.

Эта улыбка сказала им о многом, о возникшем единении душ, о радости в обществе друг друга, которая согревала им сердца. Какое-то время они молча ехали бок о бок.

Они добрались до края долины, поднялись на горную террасу. Отсюда ясно было видно дальнее ранчо. Начался восход луны, кругом была такая красота, что они не спешили. Им даже и не хотелось подъезжать к жилищам, к людям, так им было хорошо и спокойно вдвоем. Каждый шаг приближал их к неопределенному будущему, еще совсем недавно, когда они рассказывали друг другу о себе, казавшемуся таким далеким.

Глава 7. Плохие новости

Они заночевали на ранчо. Дом был большой, гостеприимный. Девушка с любопытством разглядывала всякие удобные приспособления для работы. Если б только у ее матери была такая кухня и такой милый, счастливый дом, она б наверняка была еще жива. Здесь всем заправляла приятная на вид седовласая женщина с мягким голосом, которую все мужчины называли «матушка». Она по-доброму встретила девушку, накормила ее вкусным горячим ужином, отвела в свою комнату и уложила в кровать, сказав, что

они будут спать вместе. Девушка улеглась, размышляя об увиденном, но так устала от долгой езды, что сразу заснула.

Они спали, двое путешественников, крепким сном без сновидений, в покое и лунном свете, забыв обо всех горестях.

Девушка проснулась рано. Лежавшая рядом с ней женщина тоже встала — надо было готовить завтрак для мужчин. Она принялась расспрашивать о путешествии.

— Это твой брат, да, дорогуша? — спросила она, прежде чем выйти из комнаты.

— Нет, — ответила девушка.

— О, — растерялась женщина. — Тогда, значит, вы собираетесь в городе пожениться.

— О нет! — покраснела девушка, вспомнив о леди в автомобиле.

— Как, дорогуша? Тогда это очень плохо. А может, он тебе какой-то родственник? Ну, дядя, или кузен, или еще кто-то?

— Нет.

— Как же ты путешествуешь с ним в одиночку? Так не годится. Ты порядочная, хорошая девушка, он приличный мужчина. Но всякое может случиться. Как вы познакомились? Он твой сосед? Но выглядит он совсем не как местные. Ты уверена,

что он тебя не обманет, дорогуша?

Глаза девушки сверкнули.

— Да, уверена. Он хороший человек. Молится Господу нашему. Нет, он не сосед, не дядя, не кузен. Он просто заблудился в этих местах. Мы оба заблудились ночью в прерии, сам он с Востока, отбился от компании охотников. У него не было еды, у меня была, я его накормила. А потом он спас меня от ядовитой змеи. Он был очень добр ко мне.

Женщина вздохнула с облегчением.

— И куда же ты направляешься, дорогуша, совсем одна? О чем думали твои родные, если позволили тебе отправиться в путь одной?

— Они все умерли, — ответила девушка со слезами на глазах.

— Ох, бедняжка! И такая молодая! А почему бы тебе, дорогуша, не остаться здесь, со мной? Я совсем одна, ни одной женщины рядом. Ты сможешь помогать мне, быть со мной за компанию. А моим мужчинам тоже понравится, если тут будет девушка. На этом ранчо достаточно мужчин, которые могут стать хорошими мужьями для любой девушки. Оставайся со мной, дорогуша.

О, если б это убежище предложили ей в первую ночь, с какой радостью и благодарностью она

приняла бы его! Сейчас же такая перспектива показалась ей совершенно невозможной. Она должна продолжать путь. Ей предстоит прекрасная поездка в восхитительной компании, и она пойдет в школу. Перед ней открывался весь мир, и она вступала в него. Она не имела ничего против, чтобы помедлить на пороге, но потом двинется подальше от Монтаны. К тому же ей не понравились последние слова женщины.

— Я не могу остаться, — сказала она решительно. — Я направляюсь в школу. И мне не нужен никакой мужчина. Я только что сбежала от одного, ужасного. Я собираюсь пойти в школу на Востоке. У меня есть там родственники, я их отыщу.

— Не стоит так говорить, — разочарованно протянула женщина, которой уже полюбилось это миленькое личико. — Хорошо, дорогуша, а что бы тебе не подзадержаться здесь, написать своим родственникам, а потом поехать с кем-то, кто тоже едет в ту сторону? Не нравится мне, что ты едешь с этим человеком. Это неправильно. И он сам это понимает. Я боюсь, что он тебя обманет. Я по его одежке вижу, что он из богачей, а те творят все, что им хочется. Если ты продолжишь путешествовать с ним, он будет невысокого о тебе

мнения. Все было ничего, когда ты заблудилась, хорошо, что он помог тебе, спасал от змей, но и он понимает, что это не дело — путешествовать наедине с тобой, бедняжечка.

— Не говорите так, — сказала девушка, сверкнув глазами. — Он хороший. Он из тех, кого мои братья называли «насквозь благородным человеком». К тому же у него есть леди, прекрасная леди там, на Востоке. Она ездит в большом экипаже, который двигается сам по себе, и он о ней очень много думает.

Она почти убедила женщину.

— Ну что ж, если ты считаешь, что все правильно, дорогуша… — печально сказала хозяйка. — Но я старая, много повидала. Ты сама убедишься, что его леди не станет в одиночку куда-то с ним ездить, если только они не женаты. Я жила на Востоке и знаю. Более того, он тоже знает. Он может иметь самые добрые намерения, но мужчинам доверять нельзя.

И женщина ушла заниматься завтраком, а девушка осталась, чувствуя, что весь мир ополчился на нее, пытаясь задержать ее здесь. Она была рада, когда молодой человек предложил позавтракать как можно скорее и тронуться в путь. Она не улыбнулась, когда старая женщина

вышла попрощаться и, положив руку на холку ее лошади, сказала:

— И все-таки, дорогуша, лучше бы ты осталась со мной.

Молодой человек посмотрел на них и мгновенно понял, какие подозрения возникли у женщины, прочел доверие и гнев на прекрасном юном лице, а затем улыбнулся старой женщине, чья доброта спасла их от страхов еще одной ночи под открытым небом.

— Не беспокойтесь о ней, тетушка. Я буду хорошо о ней заботиться, и, возможно, она вам как-нибудь напишет и расскажет, где она и чем занимается.

Еще не до конца уверившись, старая женщина тем не менее назвала свое имя и адрес, и он записал их в маленькую красную книжечку.

Когда они тронулись в путь, молодой человек пояснил, что из разговоров с мужчинами прошлой ночью он узнал, что ферма стоит на дороге между Мальтой и еще одним маленьким городом, поэтому им надо спешить. Вполне возможно, что преследователи поскачут из Мальты дальше. Продолжат ли они ее искать? Они уже отмахали около сотни миль, может, это ослабит их пыл?

Девушка удивилась: разве сто миль верхом

— это так уж много? Да ее брат частенько проделывал сотню миль, просто чтобы посмотреть какой-нибудь поединок или повеселиться. Она не сомневалась, что эти люди без колебаний пустятся в дальнее путешествие, если только их что-то не отвлечет.

Лицо молодого человека под шляпой было очень серьезным. После встречи с ее преследователем он чувствовал огромную ответственность за девушку.

Лошади их были свежи, день — прекрасен. Пока дорога шла ровно, они скакали быстро и почти не разговаривали. В голове у девушки все крутились слова женщины — «Он тоже это знает».

Что, если из-за ее поведения этот человек, который сейчас скачет бок о бок с ней, перестанет ее уважать? Что, если она нарушила какой-то неписаный закон, о котором никогда не слыхала, а он знает его и тем не менее ее поддерживает?

Но в то, что ей следует его опасаться, ей ни за что не верилось. Разве не видела она на его лице выражение безмерного уважения в то первое утро, когда он нашел ее спящей? Разве у него не было возможностей продемонстрировать ей ее собственное бесчестие словами или взглядом? Он всегда был вежливым, почтительным — пусть

она не знала, что это на самом деле такое, но чувствовала, что он — истинный джентльмен.

К тому же была еще та леди. Он рассказал о ней в самом начале. Он совершенно очевидно ставит ее очень высоко. Женщина сказала, что леди ни за что не станет ездить с ним в одиночку. Правда ли это? Получается, что, если леди ему не родня, он не посмеет отправиться на прогулку с нею только вдвоем. Получается, он по-разному думает о той леди и о ней. Конечно, по-разному: ту леди он любит. И все равно вряд ли станет думать о ней низко.

Она сидела в мужском седле прямо и гордо, всем своим видом стремясь показать, что и она стоит уважения. Она пыталась продемонстрировать это ему, когда подстрелила птицу. Теперь же она поняла, что существует нечто — не меткость в стрельбе, или отвага, или еще какие умения, — что также вызывает уважение. Она чувствовала, что в ней есть это свойство, и все же была не уверена, что способна вызывать уважение. Чего же ей не хватает, как ей это обрести?

Он поглядывал на ее спокойное, задумчивое лицо, и леди, которая ранее занимала его мысли, была совершенно забыта, как будто ее никогда и не существовало. Он все больше привыкал к

чертам скакавшей рядом девушки и находил в них все больше отрады.

Они остановились на обед в неглубоком, заросшем кедрами овраге в стороне от дороги, но сама дорога была видна с места их привала, так что они бы заметили преследователей. Около трех часов они въехали в город, через который проходила железная дорога из Мальты. Поезда ходили раз в день.

Молодой человек отправился на постоялый двор и потребовал комнату для себя и укромное место «для сестры», как храбро объявил он. «Она моя младшая сестренка, — твердил он самому себе в оправдание. — Она моя сестренка, и я о ней забочусь. Так было бы, если б она действительно была моей сестрой, и так должен поступать любой приличный человек».

Он улыбался, оставив девушку в ее комнате — мысль о сестре пришлась ему по душе. Эту мысль невольно подсказала старая женщина с ранчо: да, ему надо думать о путешествующей в его обществе девушке.

Он отправился через весь город на железнодорожную станцию — путь оказался совсем коротким. Там он расспросил о соседних городках, ведущих к ним дорогах и прочем и послал

телеграмму друзьям, с которыми отправился на охоту. Сообщил, что будет в следующем городке, в двадцати милях отсюда. Они наверняка уже вернулись домой и волнуются, если только еще не выслали за ним поисковую партию. Послание гласило:

«Все в порядке, выбрался на дорогу. Путешествую в свое удовольствие. Пересылайте почту мне по адресу…»

Осторожно расспросив обо всех направлениях и узнав о том, что в упомянутый им в телеграмме городок можно добраться несколькими путями, он возвратился к своей спутнице. Она уже была готова тронуться в дорогу — присутствие других людей ее смущало. Она опасалась, что их дальнейшей совместной поездке снова будет что-то препятствовать: слова старой женщины вспоминались вновь и вновь. Она радостно вскочила на своего коня, и они отправились в путь. Он рассказал ей, где был и что делал и что утром он в соседнем городке получит свою почту. А также о том, что на полпути есть ранчо, в котором они могли бы переночевать.

Мысль о еще одном ранчо ее не обрадовала. Она понимала, что снова начнутся расспросы, снова могут быть сказаны какие-то неприятные

ей слова, но сдержалась и внимательно слушала его рассказ. Ее очень заинтересовала телеграмма: она почти ничего не знала о последних открытиях, и для нее оставалось тайной, как он сможет наутро получить сообщение из места, до которого два дня пути, и как вообще слова могут бегать по проводам. Нет, она что-то там слыхала о телеграммах, но не была уверена, что все это существует на самом деле. Увидев, что она заинтересовалась, он продолжил рассказ о других замечательных достижениях науки — о телефоне, электрическом свете, газе, современных водопроводных системах. Она слушала как зачарованная. Порой она взглядывала на него, желая убедиться, что он говорит правду, а не насмехается над ней, но взгляд в его серьезные, честные глаза устранял все сомнения.

На ранчо жили две женщина — мать и дочь. Он честно спросил, могли бы они приютить на ночь его юную подругу — утром ей надо быть в городе, а он ее сопровождает. Такое объяснение сняло все подозрения. Девушки поглядели друг на друга и улыбнулись.

— Меня зовут Миртл Бейкер, — сказала дочка хозяйки. — Пойдем, отведу тебя туда, где ты сможешь умыться, а потом поужинаем.

Миртл Бейкер оказалась болтушкой. Рот у нее не закрывался ни на минуту, и, задавая бесчисленные вопросы, она редко дожидалась ответа. К тому же путешественники очень вымотались. У девушки не было желания рассказывать о том, что связывало ее с ее спутником. И все же наутро было грустно расставаться с Миртл, которая ей понравилась. Они уехали очень рано, несмотря на возражения хозяек, которые были рады гостям на их стоявшем вдали от всего ранчо.

Во время этой утренней поездки оба были напряжены. Каким-то образом они оба почувствовали, что в их таком приятном партнерстве наступает кризис. Там, в городе, будут письма, сообщения из внешнего мира, от друзей, людей, которые не знают и которым не интересно, через что они прошли вместе, и которые разлучат их, не дрогнув. Они не говорили об этом, но эти мысли, этот смутный страх поселился в их душах. Они вообще очень мало разговаривали, и каждый чувствовал, что их прекрасное путешествие заканчивается и что впереди не ждет ничего хорошего.

С какой радостью они остались бы в этой утопии в прериях, чтобы путешествие их никогда не кончалось, чтобы им не предстояла встреча с бес-

покойным будущим, с его законами и мнениями, которым придется подчиняться.

Солнце поднималось все выше, дорога оказалась совсем не дальней. И хотя последнюю часть пути они ехали шагом, все равно добрались до города до прихода дневного поезда. Они направились прямо на станцию — поезд опаздывал на час. Его уже поджидала телеграмма. Он взял ее дрожащей рукой — у него было предчувствие, что там что-то плохое.

Девушка сидела на коне на платформе и через открытую вокзальную дверь наблюдала за тем, как он вскрывает конверт. Увидела, что лицо его залила смертельная бледность, оно исказилось от боли, будто в сердце его ударила стрела. Она почувствовала удар и в свое сердце, однако сидела прямо и ждала. Казалось, прошла вечность, пока он поднял на нее разом постаревший, полный страдания взгляд. Телеграмма гласила:

> «Твоя мать тяжело больна. Ждет тебя незамедлительно. Посылаем твой багаж с утренним поездом. Телеграфируй, когда приедешь».

Телеграмма была подписана кузеном, с которым он отправлялся на охоту и который

планировал задержаться на Западе по делам еще на несколько дней.

Этот сильный молодой человек почти сломился под внезапным ударом. Мать была ему очень дорога. Когда он уезжал, она была довольна и счастлива. Конечно же, он должен немедля к ней вернуться. Но что делать с девушкой, которая за эти два дня обрела в его лице… Он поколебался — как назвать их отношения? Ах да, «покровительство» — пока что сгодится и такое слово.

Он взглянул на нее, увидел, что никакой загар не в состоянии скрыть ее бледность, и вышел на платформу, чтобы все ей рассказать.

Глава 8. Разлука

Она приняла новость с беспримерной стойкостью. Просто сказала, что ей очень жаль, и все. Он должен уехать. Оставить ее. Она понимает, что поездом он доберется к матери быстрее, чем верхом. По его взгляду она поняла, что он уже принял решение. Ну конечно же, ему надо ехать. А там будет та леди! Его мать и леди! Леди пожалеет его и полюбит. Что ж, все правильно. Он был добр к ней. Светлый ангел, которого Господь послал ей

на помощь, а теперь, когда она в безопасности, ангел должен вернуться на небеса. Вот как она думала.

Он вернулся в станционный зал, осведомиться о прибытии поезда. Поезд опаздывал на час. У него был всего один короткий час, чтобы все устроить. Денег у него с собой было совсем немного. Естественно, никто не берет с собой целое состояние, когда отправляется на однодневную охоту. К счастью, у него был обратный билет до Филадельфии. Так что об этом беспокоиться не следовало. Но девушка! У нее, конечно, денег не было. И куда она может отправиться? Он понял, что так и не задал ей самых важных вопросов. Поспешил обратно, объяснил ей ситуацию.

— Поезд опаздывает на час. Нам надо продать лошадей и выручить деньги на билет на Восток. Другого выхода нет. Куда вы собираетесь поехать?

Но она замерла в седле. Она считала, что только так можно продемонстрировать, что она достойна его уважения.

— Я с вами не поеду, — тихо произнесла она.

— Но вы должны! — нетерпеливо ответил он. — Разве вы не видите, что другого пути нет? Мне надо ехать этим поездом, чтобы поскорее

добраться к матери. Иначе я могу не застать ее в живых, — у него сжалось горло при этой мысли.

— Я понимаю, — по-прежнему тихо сказала она. — Вам надо ехать, а я отправлюсь верхом.

— Но почему, хотелось бы знать! Неужели вы не видите, что я не могу оставить вас здесь одну? Эти злодеи могут появиться в любую минуту. На самом деле, это хорошая мысль — сесть на поезд и убраться из этих ужасных краев как можно скорее. Мне жаль, что вам придется расстаться со своим конем, ведь вы к нему очень привязаны, но, возможно, нам удастся продать его кому-то, кто вернет его, как только мы вышлем нужную сумму. Понимаете, у меня недостаточно сейчас средств, чтобы купить вам билет. Я бы и сам не мог бы добраться, если б у меня не было обратного билета. А денег за двух лошадей несомненно хватит вам на дорогу.

— Вы очень добры, но я не должна ехать.

Она сидела, такая прямая, с решительно сжатыми губами. Сейчас она выглядела так, как когда подстрелила птицу.

— Но почему?

— Я не могу путешествовать с вами в одиночку. Там, откуда вы, так не принято. Мне сказала та женщина с ранчо. Она сказала, что вы понимаете,

что девушки так не поступают, и что вы не станете уважать меня, если я поеду с вами. Она сказала, что это неправильно и что вы это сами знаете.

Он сердито, нетерпеливо смотрел на нее, в то же время испытывая смущение оттого, что ей пришлось ему об этом говорить.

— Чепуха! — воскликнул он. — Это экстренный случай. О вас надо позаботиться, а я тот, кто это может сделать.

— Но ведь так не принято среди тех, с кем вы живете?

Она смотрела на него прямым ясным взором, и он вынужден был согласиться.

— Тогда я не могу ехать, — решительно заявила она.

— Но вы должны! Если вы не поедете, то не поеду и я.

— Вам необходимо ехать, а мне — нет. Будете так говорить, я от вас убегу. Сбежала от одного, сбегу и от другого. Кроме того, вы забыли о леди.

— Какой леди?

— Вашей леди. Которая ездит в экипаже без лошадей.

— Да черт с ней! — вскричал он совсем не по-благородному. — Вы понимаете, что до поезда осталось меньше часа, а нам столько еще пред-

стоит сделать? Нет смысла тратить время на эти разговоры. Если вы доверитесь мне, я сам все сделаю и отвечу на все вопросы уже в поезде. Дорога каждая минута. В любую минуту эти люди могут выехать из-за угла. Вся эта болтовня об уважении… Да я уважаю вас больше любой женщины, которую когда-либо знал! И мое дело — позаботиться о вас.

— Нет, не ваше это дело, — храбро ответила она. — И я вам не позволю. Я для вас никто, и вы это прекрасно знаете.

— Вы — все… В смысле, вы сами понимаете, как много значите для меня. Вы же спасли мне жизнь!

— Да, а вы спасли мне. Это замечательно, но и все.

— Да разве этого недостаточно? Господи, да из чего вы сделаны? Сидите здесь, когда еще так много надо успеть, злодеи вот-вот появятся, и при этом настаиваете, что вас не надо спасать! Уважение! Сомневаюсь, что лев в прериях проникнется к вам уважением! Вы сделаны из стали и драгоценных камней, вы храбрая, как… Хотел было сказать, как мужчина, но вы смелая, как ангел. Вы чисты, как снег, правдивы, как синее небо, тверды, как скала, и даже если бы я не уважал

вас ранее, то зауважал бы теперь. Я уважаю вас, почитаю вас, я… Я молюсь за вас, вот! — закончил он почти криком.

И отвернулся, чтобы скрыть свои чувства.

Глазами, полными слез, она взглянула в его глаза, когда он снова повернулся к ней.

— Спасибо, — просто произнесла она. — Ваши слова… Они доставили мне много радости. Но я не могу с вами поехать.

— Вы твердо уверены? — в отчаянии спросил он.

— Да.

— Тогда я тоже остаюсь.

— Но вы не можете! Вы должны ехать к матери. Со мной нельзя оставаться. Что она подумает? Мать — это все… Вам надо поспешить. Чем я могу помочь?

Он бросил на нее взгляд, который она потом помнила многие годы. Казалось, он прожег ее душу насквозь. Как же так получилось, что совершенный незнакомец мог доставить ей такие муки? И как получилось, что она так мучает его?

Он повернулся и с лицом, на котором все еще было написано отчаяние, направился к стоявшим на другом краю платформы двум мужчинам. Лошадь в данный момент им не особенно была

нужна, но они всегда были готовы к хорошей сделке, так что они задумчиво побрели по неровным доскам платформы туда, где на привязи стояла его лошадь, и внимательно ее осмотрели.

Девушка наблюдала за всем этим невидящим взором: перед ее глазами стояло неопределенное будущее. Обмолвилась лишь раз — заявила, что седло стоит гораздо дороже, чем они собирались заплатить. Сделка состоялась — лошадь и упряжь ушли за полцены.

Молодой человек повернулся к девушке и махнул ей, чтобы она отвела своего коня в более спокойное место, где он снова попытался бы ее уговорить. Но и уговоры, и продажа лошади заняли куда больше времени, чем он рассчитывал. А девушка твердо стояла на своем. Она снова заговорила о той леди. Она говорила о его матери, обо всех матерях и закончила словами о том, что Господь о ней позаботится — как и о нем.

А потом они услышали гудок паровоза и увидели, как разрастается показавшаяся вдалеке маленькая черная точка. Девушка испытала ужас при виде этого огромного механизма, показавшегося ей чудовищем, уносящим от нее и красоту, и надежду, и безопасность. Для молодого же человека поезд был воплощением злого

рока. Перед тем как состав подошел к станции, он едва успел вручить девушке свой рожок для пороха и еще какие-то мелочи, которые могли бы понадобиться ей в путешествии. Потом достал из кармана вырученные от продажи лошади деньги, отложил для себя пять долларов, а остальные вложил в конверт с написанным на нем своим именем и адресом. В этом конверте, надписанном той самой леди, содержался изящно сформулированный отказ от его предложения. Но сейчас он даже не обратил внимания на то, какой конверт отдает девушке.

— Возьмите, — сказал он. — Это вам немного поможет. Берите, берите! Я не смогу оставить вас — и не оставлю! — если вы не возьмете, — добавил он, видя, что она колеблется. — Я должен вам куда больше, ведь вы спасли мне жизнь. Я в неоплатном долгу перед вами. Возьмите. Если это ранит вашу гордость, то можете вернуть мне эти деньги, когда у вас появятся свои. Возьмите, прошу вас. Мне самому всего хватит. А вы сможете останавливаться на ночлег в приличных местах. Вы ведь будете осторожны, обещаете? Здесь на конверте мое имя. Пожалуйста, напишите мне, сообщите, в порядке ли вы.

Он направился к поезду, потом побежал об-

ратно.

— Вы так и не сказали, как вас зовут! — запыхавшись, воскликнул он. — Говорите, быстрее же!

— Элизабет, — выдохнула она и жестом отослала его.

Кондуктор уже что-то кричал ему, двое мужчин подсадили его на площадку. Он вскочил в поезд с грацией человека, привычного к таким путешествиям, поезд с грохотом тронулся, а он стоял на площадке и кричал:

— Куда вы сейчас направитесь?

За шумом она не расслышала, просто помахала и послала храбрую улыбку — в обрамлении непролитых слез. Ему, стоящему на этой шаткой опоре, беззаботно мчавшей его вперед, все происходящее казалось медленным самоубийством. Она подождала, пока поезд снова превратился в черную точку на горизонте, и медленно выехала на дорогу. Ее одинокий путь продолжался.

А он стоял на площадке и смотрел, как она исчезает вдали — маленькая фигурка в коричневом платье на маленьком коричневом коне, такая стойкая, такая упрямая, такая хорошая. Какие прекрасные у нее глаза, и губы, когда она улыбалась, и какая красивая рука, которой она махала ему вслед. Чудесная, чудесная, чудесная! Ну по-

чему он сразу этого не понял? Почему покинул ее? Но как он мог остаться? Матушка, возможно, при смерти. Он должен присутствовать при ее последнем напутствии. Жизнь и смерть боролись в его душе.

Образ маленькой смуглой девушки и маленькой коричневой лошадки растаял вдали. Как он ни напрягал зрение, их уже больше не было видно. Он обратил свой взор на то, мимо чего проезжал. Увидел старый, грязный салун: что это салун, было понятно по мужчинам, толпящимся возле открытых дверей, по стоящим у входа бочонкам и флягам с выпивкой. Из салуна вывалились четверо, они утирали рты и что-то орали, к забору были привязаны четыре лошади. Он не успел толком разглядеть их, но они сильно походили на тех четверых, которых он видел возле школы.

Он вздрогнул, посмотрел назад. Вдали скрылись маленькая смуглая девушка на маленькой коричневой лошади, маленькая коричневая станция, скрылся, превратившись желто-зеленое пятно, салун с теми мужчинами.

В отчаянии он смотрел на железнодорожную насыпь. Он должен вернуться! Он не должен был оставлять ее в такой опасности. По любому праву

людскому он должен о ней заботиться. Она была ниспослана ему. Она была его долгом.

Но поезд мчался, земля убегала из-под колес, и прыжок на ходу означал бы верную гибель. Ему снова вспомнилась матушка и слова девушки: «Вы же и сами знаете, я вам никто».

Поезд мчался по долине между двумя горами, желто-зелено-коричневое пятно осталось далеко позади. Ему привиделась крышка гроба, прикрывающая прекрасное лицо девушки, и как он сам опускает эту крышку.

Он прошел в вагон, уселся, надвинул на глаза шляпу. Он все силился припомнить салун и тех четырех мужчин у входа — они ли это, те, кто преследует ее? Временами мысли становились невыносимыми, и он уже был готов рвануть за шнур, чтобы поезд остановился, — он бы отправился назад пешком. А потом на него навалилась полная безнадежность: где ее искать? Она уже наверняка куда-то отправилась. И он снова сел на место и попытался заснуть. Но легкая дремота принесла образ девушки, скачущей по прерии, и четырех гнавшихся за ней мужчин. «Элизабет, Элизабет, Элизабет», — стучали колеса.

Элизабет — вот и все, что она сказала. Он не знал ни ее фамилии, ни куда она направляется.

Он даже не знал, откуда она пришла, только «Элизабет» и «Монтана». Если с ней что-то случится, он никогда не узнает. Ох, ну почему он ее оставил? Почему не говорил поехать с ним? В таких случаях мужчина должен проявлять свою волю. Но и то правда, что у него нет никакой власти над ней, а она сказала, что все равно убежит. Она такая, она так бы и сделала. А там, в конце пути, его ждала болезнь и, может быть, смерть матушки, его любимой матушки! Ничто другое не могло бы заставить его покинуть Элизабет.

Какой же он глупец! Он мог бы подробнее расспросить ее, они могли бы разработать план, были же для этого и прекрасные дни, и лунные ночи. Если б ему рассказали о человеке, который так себя повел, он решил бы, что этот человек душевнобольной. А оказалось, что это он сам вел себя глупо и не узнал о ней ничего важного. Но как он мог знать, что именно это будет иметь решающее значение? Там, в ярком солнечном свете, им казалось, что перед ними весь мир. Как он мог предположить, что современные изобретения настигнут его посреди безбрежных прерий, умчат его от нее именно тогда, когда он начинал понимать, что она такое, ценить ее общество как самый драгоценный дар, брошенный небесами

к его ногам?

Постепенно он начал выходить из своего истерического состояния и возвращаться к более-менее нормальному образу мыслей. Он несколько раз повторял себе, что те люди вряд ли похожи на преследователей, которых он видел в воскресенье. Он знал, что на расстоянии трудно узнать даже собственного брата, особенно из движущегося поезда. Он попытался убедить себя, что об Элизабет позаботятся. Она уже прошла через множество опасностей, и Господь, которому она доверяла, уже спасал ее столько раз, так почему Он покинет ее сейчас, когда она в Нем так нуждается? Разве не поможет Он ей каким-то образом? Может, какой-то другой человек, такой же хороший, как он, и такой же достойный доверия, каким он старался быть, найдет ее и поможет ей.

Но почему-то эта мысль показалась ему неприятной, и он тут же ее отбросил. А почему она так много говорила о леди? Леди! Как получилось, что леди больше не занимала центральное место в его мыслях? Воспоминание о ее красивом лице больше не заставляло его сердце биться быстрее. Неужели он такой легкомысленный, что всего за несколько дней забыл ту, которую считал любовью всей своей жизни?

Темнело. Где сейчас Элизабет? Нашла ли она прибежище на ночь? Или скачет по незнакомой тропе, слыша за собой пьяные голоса и ругань, а впереди — лишь горящие в темноте глаза хищных зверей. Ну как он мог оставить ее? Как мог? Он должен вернуться. Должен, должен, должен!

Наступила долгая ночь.

Поезд останавливался несколько раз набрать воды, но поблизости не было видно никакого жилья, или, может, взгляд его притупился. Однажды, когда они остановились надолго, он прошел по вагону и спустился по ступенькам на землю. Он все еще стоял, когда поезд дернулся, набирая скорость. Он позволил своему вагону проехать мимо, думая, что ему стоит вернуться и попытаться как-то отыскать ее. Но потом мысль о невозможности этой затеи, о том, что это не принесет никакого результата, заставила его в последний момент вскочить на подножку. Он вернулся на свое место, твердя про себя: «Глупец, глупец!»

Только утром он вспомнил, что этим же поездом едет его багаж, и отправился на поиски. Там он нашел письмо от кузена и еще несколько писем и телеграмм, рассказывающих о событиях, происходящих дома. Он вернулся на свое место,

нагруженный большой кожаной сумкой и чемоданом. Сел читать письма. Они на какое-то время его отвлекли. Здесь было и письмо от матушки, нежное, изящно написанное, в котором читалось ироничное сочувствие. Он увидел, что она догадалась, почему он покинул ее и отправился в эту даль. Дорогая матушка! Что бы она сказала, узнав о теперешней его беде? Это вернуло его к мыслям об Элизабет. О, что бы он только ни отдал, чтобы узнать, что она в безопасности.

Порывшись в кармане, он нашел клочок бумаги, который девушка из воскресной школы дала Элизабет.

«Во время бед укроет меня в шатре Своем; в тайне скинии Своей укроет меня».

Да, Господь укрыл ее тогда. Так почему бы ему не сделать этого снова? А что он сам сказал, когда пытался объяснить свои чувства? «Я молюсь за вас». Так почему он не молится? Она заставила его молиться в пустыне. Почему он не молится о ней, той, кто сейчас в опасности? Он откинулся на разогретое, неудобное вагонное сиденье, опустил шляпу на глаза и принялся молиться так, как никогда прежде не молился. «Отче наш, сущий на небесах», — пробормотал он то, что только и смог запомнить, а потом вспомнил го-

лос Элизабет, проникающий в его душу так, как никакой другой голос проникнуть не мог. «Отче наш, позаботься об Элизабет, — повторил он и добавил: — Иисуса ради. Аминь». И потом весь остаток поездки и последовавшие за нею дни и недели он молился и молился, иногда находя в молитве утешение, успокоение терзавшим его страхам за девушку, которую, как ему теперь казалось, он так предательски покинул.

Глава 9. В западне

Элизабет направилась строго на восток. Она хотела выбраться из города как можно скорее и пустила коня в галоп по пустынным улицам. На выезде она пересекла дорогу, по которой они в этот город прибыли, но не раздумывая повернула коня в сторону большого мира и вскоре въехала в густой лес у подножья холма.

Всего через три минуты после того, как она пересекла перекресток, на него с другой стороны въехали четыре всадника. Они огляделись и принялись перекрикиваться, решая, куда дальше

ехать.

— Билл, как думаешь, куда нам рискнуть, направо или налево?

— Давай на удачу налево, — предложил Билл. — Там есть ранчо, заедем и спросим. Если она там была, значит, еще где-то здесь. Старуха наверняка знает. Поехали, парни!

И кто посмеет теперь сказать, что ангел Божий не стоит на перекрестке дорог и не отвращает злодеев?

Элизабет скакала во весь опор до самого полудня. Страх перед преследователями вспыхнул с новой силой. Теперь, оставшись в одиночестве, она даже не решалась оглянуться. У нее хватило сил улыбаться ему на прощание, но, когда поезд скрылся вдали, на лошадиную гриву хлынул поток слез. И теперь, в первые часы своего одинокого пути, она гнала коня так, будто преследователи наступали ей на пятки.

Однако если не ей, то коню требовался отдых, а ведь она теперь целиком от него зависела. Так что она устроилась под деревом и попыталась что-то съесть. Слезы снова побежали у нее из глаз, когда она развернула сверток, который подготовил для нее молодой человек. Думала ли она за завтраком о том, что ей придется обедать в одиночестве?

Да, она настаивала на его отъезде, говорила, что их ничто не связывает, но одно дело — слова, а совсем другое дело остаться совершенно одной в целом мире без единого друга, и это после того, как узнаешь, что такое хороший друг. Наверное, было б даже лучше, если бы он тогда не нашел ее, не спас от змеи, не ехал рядом, рассказывая о новых удивительных вещах, потому что теперь она испытывала одиночество и пустоту куда более тяжкую, желая того, что никак не могло бы ей принадлежать.

Вот и хорошо, что он так быстро уехал, что она не привязалась к нему еще сильнее, потому что он принадлежит леди, а не ей. Она сидела и ела свой обед, совершенно не чувствуя вкуса.

Потом достала конверт, пересчитала деньги. Он дал ей сорок долларов. Она знала, что себе он оставил пять. Чудесно, что он так поступил! Ей казалось, что теперь она невероятно богата. Что ж, она будет тратить экономно, чтобы вернуть ему деньги как можно скорее. В конце концов, она всегда может подстрелить птицу, поймать рыбу, да и ягод съедобных вполне можно набрать. Но на ночь она будет останавливаться в приличных местах. Это она ему обещала, ведь он рассказал ей обо всяких ужасах, если она в одиночку будет

устраиваться на ночлег под открытым небом. Конечно, ночевки будут что-то стоить, но иногда можно будет договориться и бесплатно. Она будет бережлива.

Она разглядывала надпись на конверте. Джордж Трескотт Бенедикт, Уолнат-стрит, 2, Филадельфия, Пенсильвания. Буквы большие, угловатые, разобрать их было трудно, но она разобрала. Это было не похоже на его почерк: она видела, как он записывал в свою маленькую красную книжечку адрес той старой женщины на ранчо. Буковки были мелкие, скругленные, с легким наклоном влево, четкие, словно напечатанные — читать написанное таким почерком было легко и приятно. Теперь уж адрес той женщины вряд ли пригодится, зато сбылось ее желание, чтобы Элизабет путешествовала в одиночку.

От конверта исходил слабый аромат, напоминающий аромат полевых цветов. Может, он носил в кармане какой-то цветок, который дала ему его леди? Эта мысль ей не понравилась. Она старательно запомнила надпись на конверте и спрятала его на груди.

Затем вынула взятые из дома бумаги матери и впервые внимательно их прочитала.

Сначала шло свидетельство о браке. Его она уже раньше видела, зато другие бумаги хранились в коробке, которую дети никогда не открывали. Мама хранила их как святыню, а брачное свидетельство всегда лежало сверху.

Была большая непонятная бумага, речь в ней шла о какой-то шахте. В бумаге было полно слов вроде «засим», «тогда как» и «согласие сторон». Она сложила ее снова — наверное, этот документ принадлежал отцу, и мама хранила его как память.

Потом шел документ, в котором шла речь о земле, на которой стоял их маленький домик и на краю которой располагалось кладбище. Его она тоже аккуратно сложила.

Затем — маленький кусочек картона, на котором было написано «Меррилл Уилтон Бэйли, Риттенхауз-сквер, вторник». Она знала, что так звали бабушку, мать отца, хотя саму карточку никогда не видела. Она с интересом ее разглядывала, как будто карточка могла дать представление о самой этой даме. На что похожа эта Риттенхауз-сквер и где находится? Она вполне могла быть рядом с этой пустыней Сахара, о которой говорил молодой человек. Она со вздохом положила карточку к остальным бумагам.

Оставался лишь один листок, письмо, написанное поблекшим от времени карандашом:

«Моя дорогая Бесси! На прошлой неделе умер твой па. Он упал с лесов. Похоронили его в понедельник, было пять экипажей, все было прилично. Мы все были в новых черных платьях, и еще осталось на памятник. Если это будет не очень дорого, мы установим на могиле стелу. Я всегда думала, что это правильно – указывающая в небеса стела. Жаль, что тебя не было с нами. Мы очень по тебе скучаем. Надеюсь, что твой муж обращается с тобой хорошо. Почему ты не пишешь? Ты не написала ни разу с тех пор, как родилась девочка. Полагаю, ты назвала ее Бесси, как и тебя зовут. Если с тобой что случится, можешь прислать ее ко мне. Она вроде как займет твое место. У твоей сестры тоже есть девочка. Она зовет ее Лиззи. Как-то непривычно звать ее Лизабет, и Нэн хочет, чтобы ее звали как меня. А ты же знаешь, я всегда была Лиззи. Пожалуйста, напиши поскорее. Твоя любящая мама Элизабет Брэйди».

Ни даты, ни адреса на письме не было, но с другой стороны карандашом ее мать — она узнала ее полудетский почерк — написала адрес. Он почти стерся, но прочитать все-таки еще было можно:

«Миссис Элизабет Брэйди, Флора-стрит, 18, Филадельфия».

Элизабет еще раз перечитала последнее слово, затем вынула конверт: да, все совпадало. Как чудесно! Может, она когда-нибудь увидит его снова, хотя он, конечно же, принадлежит той леди. Но если она пойдет в школу и быстро выучится, она может когда-нибудь встретить его в церкви — он же ходит в церковь, в этом она была уверена, — и тогда он улыбнется ей и не станет стесняться друга, который спас ему жизнь. Спас ему жизнь! Глупость какая! Она ничего особенного и не сделала. Он наверняка избавится от этого нелепого чувства долга, когда вернется домой, к своим друзьям, к своей жизни. То, что он сделал для ее спасения, куда значительнее, чем сделала для него она.

Она снова сложила все документы и, собрав пожитки, встала на колени. Прежде чем тронуться в путь, она помолится. Может, молитва убережет ее от преследователей.

Произнеся молитву, она минуту постояла с закрытыми глазами. Наверное, ей стоит помолиться и за него, того, кто сейчас далеко. Может, это ему поможет и он не выпадет из этой ужасной машины, которая унесла его прочь. До недавних пор все ее молитвы были за упокой, а теперь они, похоже, были за тех, кто в опасности или в беде. Она снова произнесла молитву, медленно, и через паузу добавила: «Отче наш, сущий на небесах, укрой его от беды. Укрой Джорджа Трескотта Бенедикта. И укрой меня тоже, пожалуйста».

Затем вскочила на коня и продолжила путь.

Путь был долгим и трудным, он лежал через горы и долины, бурные ручьи, реки с редкими мостами. Реки дважды уводили ее южнее, чем надо бы, но она об этом не знала. Она всегда считала, что Филадельфия — это строго на восток, прямо по солнцу.

Ночевала она в домах чужаков, какие-то были более бедными и жалкими, нежели другие, а дни проводила верхом.

Постепенно, когда дни становились длиннее, а разделенные реками горы остались позади, она стала все меньше опасаться преследователей и все больше думать о будущем. Каким же длинным оказался путь! И будет ли ему конец?

Как-то раз она спросила, много ли осталось до Филадельфии. Она путешествовала уже несколько недель, и ей казалось, что она почти у цели. Но человек, у которого она об этом спросила, сказал: «Филадельфия? Так Филадельфия же на Востоке. Это далеко отсюда. Я как-то встречал человека, который приехал из Филадельфии».

И она, упрямо выпятив подбородок, продолжила путь. Одежда ее износилась, она загорела до черноты. Конь уныло перебирал копытами. Он был не прочь задержаться в некоторых местах, мимо которых они проезжали, а может, и остаться там навсегда, но послушно ступал по всем дорогам, на которые она его направляла, и как мог утешался придорожной растительностью. Он превратился в опытного путешественника. Молотилки пугали его теперь не больше, чем дикие рыси.

В одном месте добрая женщина посоветовала Элизабет отдыхать по воскресеньям. Она сказала, что Господь не жалует тех, кто по Божьим дням занимается тем же, что и в обычные дни, и что, если она не будет делать перерывов в своей скачке, ее ждет неудача. Да и для коня это плохо. Поскольку сказано это было в субботний вечер, то Элизабет осталась у этой женщины на выходной

и слышала, как та читает вслух четырнадцатую главу Евангелия от Иоанна. Это стало для нее чудесным откровением. Она вообще не поняла, что это такое. На самом деле, Библия была ей совершенно не знакома. Она не знала, что эта книга отличается от других. Нет, мама что-то там говорила о Библии, но просто как о книге. Она не знала, что это — Книга книг.

Продолжив путь, она предалась размышлениям. Хорошо бы у нее тоже была такая книга. Она запомнила название — Библия, Книга Божья. Значит, Господь написал книгу! Когда-нибудь она ее раздобудет и прочитает.

«Да не смущается сердце ваше…» — послание это запало ее в одинокую невежественную душу. Она повторяла его ночами, когда останавливалась в каких-то неприятных ей домах, или днем, если дорога была трудна или случалась непогода, заставлявшая укрываться где-то в стогу или в заброшенной хижине. Или когда укрыться было негде и она промокала до нитки. А потом выглядывало солнце, одежда на ней высыхала, и ей казалось, что сам Господь говорит ей эти слова — «Да не смущается сердце ваше…»

Каждый вечер и каждое утро она дважды прочитывала «Отче наш» — раз для себя и раз для

друга, который отправился в большой мир: казалось, это было сотни лет назад.

В какой-то день она наткнулась на железнодорожный путь. Сердце ее отчаянно забилось. Значит, уже скоро. Потому что железная дорога — это знак Востока, знак цивилизации. Но путь ее по-прежнему был одинок, его пересекало все больше и больше железнодорожных путей, и все больше и больше попадалось ей маленьких городков, разбросанных вдоль извилистых дорог.

У нее вошло в привычку останавливаться на ночь в городках и отправляться в путь ранним утром. К этому времени одежда ее стала такой грязной и рваной, что она стеснялась искать ночлега в хороших местах — боялась, что ее прогонят прочь, и искала прибежища в амбарах или в каких-то жалких домишках. Но люди в этих домишках и сами были невероятно грязны, так что места, где помыться, там не было.

Когда она достигла первого настоящего большого города, она уже потеряла счет неделям и месяцам.

В Чикаго она въехала с высоко поднятой головой, как королева. На своем пути она встречала и индейцев, и ковбоев, так что ей Чикаго? Мили и мили домов и людей, и нет им числа. Ничего,

кроме домов, да спешащие куда-то люди, многие из них заняты тяжелой работой. Наверняка это и есть Филадельфия.

Ее внимание привлекло большое красивое здание. Рядом с ним был красивый двор, во дворе девочки перекидывали мяч через веревочную сетку с помощью странных плетеных штук. Элизабет направила коня к обочине и остановилась, наблюдая за игрой. Одна девочка была особенно искусной, она каждый раз отбивала подачу. Элизабет даже воскликнула от восторга, когда девочка отбила особенно трудный мяч. Когда игра закончилась, она с неохотой тронула коня и тут увидела над входной дверью в здание надпись: «Школа для девочек Джейнвей».

Ах! Вот она, Филадельфия, вот она, ее будущая школа! Она решила зайти сюда сразу, до того, как доберется до бабушки. Так будет лучше.

Она спешилась, привязала лошадь железному кольцу, вделанному в столб на тротуаре. Затем медленно, стесняясь, поднялась по ступенькам и вошла в храм знаний. Она понимала, что выглядит оборванкой, но извинением ей служил долгий путь. Окажутся ли они так добры, что позволят ей учиться?

Она постояла в дверях. В сторонке группка

девочек посматривала на нее и хихикала. Она улыбнулась им, но они на ее улыбку не ответили, и она засмущалась еще больше. Наконец она переступила порог, и к ней поспешила горничная в чепце и переднике.

— Вам нельзя сюда, мисс, — повелительно произнесла она. — Это школа.

— Да, — с улыбкой сказала Элизабет. — И мне нужна учительница.

— Она занята. Вам к ней нельзя, — рявкнула служанка.

— Тогда я подожду, пока она освободится. Я проехала слишком много миль и должна повидаться с ней.

При этих словах служанка ретировалась, а к ним с угрожающим видом двинулась элегантная женщина в черном шелковом платье со шлейфом и в очках в золотой оправе. Ну конечно, очередная попрошайка, с ней надо разделаться сразу.

— Что вам угодно? — холодно спросила женщина.

— Я пришла в школу, — доверчиво ответила Элизабет. — Я знаю, что выгляжу ужасно, но я добиралась из Монтаны верхом. Если вы отведете меня туда, где есть вода и нитка с иголкой, я приведу себя в порядок.

Женщина смотрела на нее с недоверием.

— Вы явились в школу! — громко и отчетливо произнесла она, напугав Элизабет. — И ехали верхом из самой Монтаны! Это невозможно! Вы сумасшедшая.

— Нет, мадам, я не сумасшедшая, — возразила Элизабет. — Я просто хочу учиться в школе.

Женщина подумала, что это, должно быть, интересный случай благого намерения. Однако случай крайне неудобный.

— Моя дорогая, — сказала она уже другим тоном, но в котором все-таки были сердитые нотки. — Понимаете ли вы, что учеба в школе стоит денег?

— Да? — изумилась Элизабет. — Нет, я не знала, но у меня есть немного денег. Я могу прямо сейчас дать вам десять долларов, а если этого недостаточно, я могу поработать и заработать еще.

Женщина рассмеялась.

— Это невозможно, — сказала она. — Обучение здесь стоит пятьсот долларов в год. Кроме того, мы не принимаем девушек вашего класса. Это школа-пансион благородных девиц. Вам следует поискать что-то другое.

И она удалилась, чтобы посмеяться с коллегами над странной особой, необычной бродяжкой, с

которой ей пришлось побеседовать. А вперед снова выдвинулась служанка, объявившая Элизабет, чтобы она убиралась.

Горько разочарованная, Элизабет вернулась к своему коню, в глазах у нее стояли слезы. Уезжая, она все время с тоской оглядывалась на здание школы и не замечала прохожих, отпускавших шуточки на ее счет. Она являла собой странное зрелище — в рваном платье, со свалявшимися волосами, дочерна загорелая и со слезами на глазах. Ее заметил один художник и, провожая взглядом, подумал было, что стоит ее нагнать и предложить позировать для своей следующей картины.

Ее заметила и женщина в неопрятном наряде, с лицом, слишком хорошо знакомым с пудрой и румянами, и окликнула:

— Эй, милочка, подожди-ка!

Ей пришлось повторить это несколько раз, прежде чем Элизабет поняла, что обращаются именно к ней, и натянула поводья.

— Милочка, — сказала женщина, — ты устала и чем-то расстроена. Не хочешь отправиться ко мне домой передохнуть?

— Спасибо, — ответила Элизабет, — но мне надо ехать. Я отдыхаю только по воскресеньям.

— Ну так просто загляни ко мне ненадолго, — уговаривала женщина. — Ты выглядишь такой уставшей, а у меня есть мои девочки. Уверена, ты будешь рада отдохнуть и поболтать с ними.

Этот ласковый тон тронул девушку. Только что ее гордость была ранена надменной школьной дамой. А эта женщина наверняка добрая.

— А вы далеко живете? — осведомилась Элизабет.

— В паре кварталов отсюда, — сказала женщина. — Поезжай по краю дороги, чтобы мы могли поговорить по пути. Куда ты направляешься? Похоже, ты приехала издалека.

— Да, — устало ответила девушка. — Из Монтаны. Я приехала в школу. Это Филадельфия?

— Нет, это Чикаго, — ответила женщина. — Школы здесь лучше, чем в Филадельфии. Если ты ненадолго задержишься у меня, я посмотрю, что можно сделать, чтобы устроить тебя в школу.

— А это трудно — устроиться в школу? Я думала, им нужны люди, которых можно учить.

— Да, это очень непросто, — врала женщина. — Но, кажется, я знаю одну школу, куда могла бы тебя отдать. А где твои родные? Остались в Монтане?

— Они все умерли, и я уехала в школу.

— Бедное дитя! — лицемерно вздохнула женщина. — Пойдем ко мне, я о тебе позабочусь. Я знаю, как ты сможешь заработать, а заработаешь — так и иди учиться, если уж так хочешь. Но ты ведь слишком взрослая для школы. По мне, так ты сможешь прекрасно устроиться и без учебы. Ты очень хорошенькая, знаешь? Тебя нужно только приодеть, и будешь совсем красоткой. Пойдем со мной, и я научу тебя, как заработать на чудесные новые платья.

— Вы очень добры, — серьезно ответила Элизабет. — Мне действительно нужна новая одежда, отлично, если я смогу на нее заработать.

Глупо, конечно, но чем-то эта женщина ей не нравилась.

Они еще несколько раз повернули и остановились перед высоким кирпичным зданием с множеством окон. Оно походило на соседние здания, и, когда Элизабет оглядела улицу, ей показалось, что такие здания тянутся на мили. Она привязала коня у входа и вошла вслед за женщиной. Женщина сказала ей присесть на минуту, пока она найдет хозяйку, а та уж расскажет ей про школу. В комнате было еще несколько хорошеньких девушек, которые заговорили с ней. Они подшучивали над ее одеждой и чем-то

напомнили Элизабет тех девушек из школы.

Вдруг она поняла, в чем дело. Ну конечно же, это школа, а женщина не хотела говорить ей об этом, пока сама не переговорит о ней с учительницей!

— Скажите, это школа? — стесняясь, спросила она.

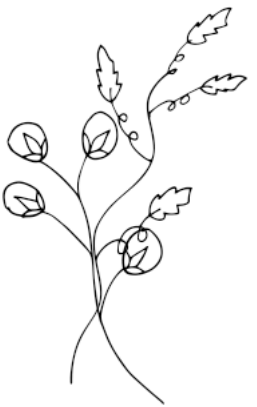
Вопрос был встречен взрывом издевательского смеха.

— Как же, школа! — крикнула самая смелая и красивая девушка. — Школа скандального поведения!

Одна из девушек — бледная, с темными тенями под глазами, с печально опущенными уголками рта и пятнами лихорадочного румянца на щеках, подошла к Элизабет и что-то шепнула ей на ухо.

Элизабет в ужасе подскочила и кинулась к двери. Но дверь была заперта. Тогда она повернулась к остальным с таким видом, будто попала в клетку со львами.

Глава 10. Наконец-то Филадельфия



— Откройте дверь, — приказала она. — Выпустите меня сейчас же!

Бледная девушка двинулась было к двери, но хорошенькая ее остановила:

— Нет, Нелли. Если ты откроешь, Мадам на нас рассердится.

Затем повернулась к Элизабет и добавила:

— Кто войдет в эту дверь, уже никогда не вый-

дет обратно. Ты попалась, милочка.

В голосе ее прозвучала горечь и жалость к себе. Элизабет это почувствовала, выхватила пистолет и направила на девушек. Те были поражены: они не привыкли к виду женщин с пистолетами.

— Откройте дверь, или я вас здесь перестреляю! — крикнула Элизабет.

В этот миг она услыхала, что кто-то спускается по лестнице, и кинулась назад в комнату, в которой, как она помнила, были открыты окна. На них стояли проволочные сетки, но она схватила стул, швырнула в окно и выскочила на улицу, не обращая внимания на пытавшиеся удержать ее руки. Впрочем, руки не особенно и старались, их обладательницы были изрядно напуганы видом готового выстрелить пистолета.

Ей хватило секунды, чтобы отвязать коня и вскочить на него, а затем она помчалась по улице города со скоростью, дозволенной только миллионерам и автомобилям. Она, не вздрогнув, проскакала мимо первого встреченного ею авто. Глаза ее сверкали, рот был упрямо сжат, по щекам катились злые слезы, она гнала своего бедного коня, пока то одному, то другому полицейскому не пришло в голову попытаться ее задержать. Но ничто не могло прервать ее скачку, она обгоняла

фургоны, экипажи, автомобили, трамваи, пока не вырвалась из водоворота большого города и снова не очутилась на открытом пространстве.

К вечеру она подъехала к небольшому коттеджу на симпатичной окраине. Стены коттеджа увивали розы, во дворе цвели старомодные цветы. На передней террасе в кресле-качалке сидела маленькая аккуратная старушка и вязала. От калитки к входной двери вела дорожка, от еще одной, боковой калитки вела другая дорожка, которая огибала коттедж.

Элизабет увидела эту картину и, пробормотав «Отче наш, прошу, укрой меня!», на полном скаку остановила коня на краю улицы. Соскочив и оставив коня тыкаться носом в забор, ибо под ним рос чудесный вкусный клевер, которым конь непременно полакомится, когда сумеет перевести дух, она взбежала по ступенькам и бросилась к ногам обомлевшей от удивления старушки.

— О, пожалуйста, прошу вас, позвольте мне побыть здесь несколько минут и скажите, что мне делать? Я так устала, мне было так страшно!

— Успокойся, дорогая моя, — сказала старушка. — Оставайся, бедное дитя. Сядь сюда, в это кресло, и хорошенько поплачь. Я принесу тебе воды и чего-нибудь поесть, а ты мне все расска-

жешь.

Она принесла воды, поднос с замечательными большими ломтями черного хлеба с маслом, щедрым куском яблочного пирога, сыром и стеклянным кувшином с молоком.

Элизабет выпила воды, но прежде чем приняться за еду, рассказала о своем ужасном последнем приключении. Ей самой с трудом верилось в то, что случилось, и, рассказывая, она лучше поняла, что произошло. Она слыхала о том, что на свете существуют плохие люди. Она встречала плохих мужчин, и однажды мимо их дома прошествовала женщина сомнительного характера. У нее было грубое лицо, и она могла пить и ругаться как мужчина. Но что грех может предстать в виде хорошеньких девушек и приятных, льстивых женщин, она и не ведала. И это на прекрасном, развитом Востоке! Уж лучше было оставаться одной в пустыне с риском, что ее догонит этот ужасный человек, чем проделать такой путь и узнать, что мир сошел с ума.

Старушка тоже ужаснулась. Она больше, чем девушка, знала о таком зле, но она читала о нем в газетах, а еще она читала о работорговле в Африке, но никогда не думала, что все это — правда. Сейчас же она в ужасе всплеснула руками и

смотрела на девушку перед собой с чем-то вроде благоговения, поскольку та побывала в одном из этих притонов беззакония и спаслась. Снова и снова просила она девушку пересказывать, что ей говорили, описывать, что она видела, как она схватила пистолет и выскочила, и каждый раз она вскрикивала и называла ее спасение чудом.

В конце концов они обе выдохлись от волнения. Элизабет съела свой ленч, старушка сказала, где поставить лошадь, и отправила ее в кровать. Она привела ее в малюсенькую комнатку с белоснежной постелью, но в окна ее заглядывали розы, а на накрытом старой белой занавеской умывальнике стоял большой таз со свежей водой, мыльница с мылом и полотенца. Старушка принесла ей чистую белую ночную рубашку, заштопанную во многих местах, но пахнувшую розовыми лепестками, а утром она постучалась в дверь еще до того, как девушка встала, и принесла ей охапку одежды.

— Прошлым летом у меня жили квартиранты, — пояснила она, — и, перед тем как уехать, оставили эти вещи и сказали отдать их на благотворительность. Но я потом заболела, а те, кто собирали благотворительность, уехали, и больше я их не видела. Надень их. Мне кажется,

они тебе подойдут. Может, чуть-чуть великовато, но роста она была как раз твоего. Твоя одежка, вижу, совсем износилась, так что брось ее. Здесь есть еще пара блузок на смену. Люди не посмеют потешаться над тобой, если у тебя будет чистое, красивое платье.

Элизабет взглянула на нее с благодарностью и зачислила ее в свой список святых, в котором уже значилась та женщина, которая читала четырнадцатую главу от Иоанна. Старушка не упомянула, что некоторое предметы нижнего белья она позаимствовала из своего скудного гардероба, потому как в том, что оставили жилички, их не было.

Вымывшись, одевшись в чистое белье, белую блузку, темно-синюю саржевую юбку и жакет, Элизабет выглядела совсем по-другому. Она изучала себя в маленьком зеркальце над умывальником и удивлялась. На одно мгновение в душе ее вспыхнуло тщеславие — вот бы всегда быть так одетой, но мысль эта была омрачена воспоминанием об ужасной вчерашней женщине, которая обещала научить ее зарабатывать на красивую одежду. Она даже подумала, что красивая одежда может превратиться в настоящий капкан. Наверное, в такой капкан и попались те девушки.

Провожаемая добрыми советами и благословением старушки, Элизабет снова пустилась в путь, описание которого заняло бы целый том, но читатель уже наверняка устал от рассказов обо всем, с чем ей приходилось сталкиваться. Путь ее был медленным и трудным, со многими остановками, деньги, которые показались ей поначалу такими огромными, таяли. Конь захромал, она лечила его своими средствами, и все же по совету доброго фермера пришлось обратиться к ветеринару. Тот возился с конем неделю, пока все благополучно зажило и конь смог снова ступать по дороге. После этого случая девушка стала бережнее относиться к коню. Если он умрет, что она станет делать?

И вот в одно мрачное утро в конце ноября Элизабет, закутанная в старое пальто, потому что было холодно, вступила в Филадельфию.

Вооруженная советами старушки из Чикаго она смело подъехала к полисмену и показала ему адрес бабушки, маминой мамы, к которой решила обратиться первым делом. Он указал ей правильное направление, и через какое-то время, с помощью другого полисмена, она добралась до нужного номера на Флора-стрит.

Это была тесная улица, с обеих сторон застро-

енная небольшими узкими кирпичными домами старомодного вида. Входные ступеньки у некоторых были из сверкающего белого мрамора, но у большинства домов — из темного камня или крашеные деревянные. Вообще, здесь царил унылый дух. На мостовой играли дети разной степени немытости.

После того как окружившие ее малолетние разбойники подтвердили, что миссис Брэйди действительно живет здесь, что она никуда не переехала, Элизабет робко постучала в дверь. Девушка, которая провела всю жизнь в маленький хижине в горах, не видела ничего странного в том, что ее бабушка все еще пребывала по тому адресу, с которого писала пятнадцать лет назад. Она еще не знала, что жители больших городов постоянно куда-то перемещаются.

В этот момент миссис Брэйди как раз занималась стиркой. Заботы и тяготы прошедших лет все-таки не оставили слишком глубоких отпечатков на лице этой крупной женщины. Она по-прежнему умела радоваться жизни, хотя большую часть ее провела у корыта — стирала на чужих людей. Но у нее и самой было несколько красивых нарядов, которые она держала в гладильной комнате на втором этаже, и она всегда

выходила из дома в шелковом платье и шляпке с оборкой и красной розочкой, хотя с годами, если говорить откровенно, шляпка несколько утратила форму, а сама миссис Брэйди мало чем отличалась от других пожилых дам.

Капельки пота стекали со лба по морщинам на пухлых щеках и падали на объемистую грудь. Седые волосы были аккуратно причесаны, а ворот ситцевого платья открыт даже несмотря на прохладный день. Она вытерла фартуком покрытые мыльной пеной покрасневшие руки и направилась к двери.

С неодобрением она оглядела стоявшую на пороге особу, укутанную в мужское пальто. Она всегда умела отказать в просьбе Армии спасения пожертвовать монетку на рождественский ужин или заставить замолчать торговца бананами, рыбой, шнурками, булавками, карандашами или чем там еще, отправить куда подальше фотографа и — да, даже того типа, который торговал альбомами для открыток. Этим утром у нее хватало занятий.

Но молодая особа в задубелом пальто, при этом в темно-синем итонском жакете под ним — такие пару лет назад продавали в «Уонамейкере», к тому же подпоясанная кожаным ремнем, за ко-

торым поблескивал пистолет, — это было что-то новенькое. Миссис Брэйди застигли врасплох, иначе проникнуть в дом бабушки Элизабет было бы столь же трудно, как и в школу мадам Джейнуэй.

— Вы миссис Брэйди? — спросила девушка. Она вглядывалась в неприветливое лицо в поисках общих с матерью черт и не находила их. Заботы, одолевавшие дочь Элизабет Брэйди, были куда серьезнее, или, может, природа была менее благосклонна.

— Да, это я и есть, — величаво ответила миссис Брэйди.

— Бабушка, я та девочка, о которой вы писали вот в этом письме, — произнесла девушка и протянула миссис Брэйди письмо, написанное около восемнадцати лет назад.

Женщина осторожно взяла конверт влажными еще пальцами, которые она вытерла о полосатый фартук. Она держала его в вытянутой руке, стараясь прочесть, что там написано, без очков. Ну наверняка это какой-то новый тип попрошаек, подумала она. Она терпеть не могла дотрагиваться до старых конвертов, а этот был старый и потрепанный. Она отступила назад, к столику, на котором лежали ее очки, и, надев их, принялась

читать.

— Силы небесные! Где ты это нашла? — с подозрением спросила она. — Открывать письма, которые тебе не принадлежат — противозаконно. Моя дочь это вообще получала? Я сама ей его написала. Как ты его заполучила?

— Мама читала мне его, когда я была маленькой, — ответила девушка. Все ее надежды начали таять, и это слышалось в ее голосе. Неужели все, даже собственная бабушка, будут так холодны и грубы с нею? «Отче наш, укрой меня», — проговорила она про себя, ибо это уже стало для нее привычкой, и тут ей на память пришел ответ: «Да не смущается сердце ваше…»

— Ты кто такая? — спросила бессердечная бабушка, все еще не понимая, что происходит. — Ты не Бесси, не моя Бесси. Прежде всего, ты так же молода, как была она, когда выскочила замуж, вопреки все моим советам, за этого ленивого пьяницу.

Наморщив лоб, она продолжала разглядывать письмо.

— Я Элизабет, — ответила девушка дрожащим голосом, — та самая девочка, о которой вы пишете в письме. И, пожалуйста, не говорите так про моего папу. Он всегда был с нами добр. И всегда

был добр к маме, даже когда напивался. Если вы станете так говорить о нем, мне придется уйти.

— Силы небесные! Так ты же не сказала! — Миссис Брэйди обессиленно рухнула в лучшее кресло в гостиной — со светло-коричневой обивкой. — Получается, ты ребенок Бесси? Ну конечно! И такая большая! Ты вроде сильная, но очень уж худа. А почему кожа у тебя такая темная? Твоя мама никогда не была темной, да и папа тоже.

— Я долго ехала верхом под ветром, солнцем и дождем.

— Силы небесные! — и бабушка выглянула на лицу. — Неужто на коне?

— Да.

— Ну-ну. И о чем они только думали, вот так тебя отпуская?

— Мама умерла. Больше никого не осталось. Мне надо было уехать. Там были ужасные люди, я испугалась.

— Силы небесные! — похоже, это была единственная фраза, которую миссис Брэйди была способна произнести. Она в замешательстве разглядывала свою новую внучку, как будто та была неизвестным природе существом, вдруг претендующим на родство.

— Что ж, я рада тебя видеть, — наконец чопорно

произнесла она и, снова вытерев руку о передник, протянула ее для приветствия.

Элизабет с серьезным видом ответила на пожатие и села. У нее вдруг подкосились ноги, как будто все силы оставили ее теперь, когда странствиям наступил конец. Она откинула голову, лицо ее посерело.

— Ты устала, — бодро произнесла бабушка. — Много сегодня утром проехала?

— Нет, — еле проговорила Элизабет. — Не так уж много. Но у меня кончился хлеб. Я вчера съела весь, а денег тоже почти не осталось. Я подумала, что могу потерпеть, пока доберусь сюда, но, наверное, это все от голода.

— Силы небесные! — воскликнула бабушка и поспешила на кухню, где принялась грохотать сковородками, двигать по плите бак с кипящей водой. Затем вернулась с чашкой чая, горячего и крепкого, и заставила девушку выпить. Потом усадила ее в большое кресло-качалку на кухне, выдала ей тарелку со всякими вкусностями и продолжила стирку. Она терла, выжимала и сыпала вопросами.

Элизабет стало лучше после еды, она предложила помочь, но бабушка не позволила ей и пальцем шевельнуть.

— Сначала отдохни, — скомандовала она. — Не представляю, как ты сюда добралась! Да я бы скорее на четвереньках ползла, чем ехала верхом на этом огромном страшном коне!

— Конь! — воскликнула девушка. — Бедолага! Ему еда нужна еще больше, чем мне. У него все утро травинки во рту не было. Здесь же кругом только дороги да тротуары. Да и трава вообще уже вся желтая. Вдоль дороги были поля, с которых уже убрали кукурузу, но стебли остались, да еще какой-то человек уронил большой пучок сена. Если б не Робин, я бы никогда сюда не добралась, и вот я сижу, наслаждаюсь завтраком, а Робин стоит голодный!

— Силы небесные! — бабушка стряхнула с пухлых рук пену. — Бедняжка! А что он ест? Сена-то у меня нет, но осталось еще немного картофельного пюре, подойдет? Есть еще стружка, в которую был упакован абажур. Как думаешь, это может заменить сено? Боюсь только, что стружка вряд ли вкусная.

— Бабушка, а где я могу его поставить?

— Силы небесные! Понятия не имею. — Бабушка с волнением оглядела кухню. — У нас нет места для лошадей. Наверное, можно отвести его на задний двор, пока не придумаем, что делать.

Тут есть конюшня, но они берут за содержание лошадей так дорого! Лиззи знает одного парня, который там работает. Может, он что-то ей присоветует. Во всяком случае, отведи его пока за дом, туда, куда сбрасываем золу. Как считаешь, он не попытается влезть в дом? Не хочу, чтобы он лез в кухню, когда я буду готовить ужин.

— О нет! — воскликнула Элизабет. — Он очень хороший. А где этот задний двор?

Наконец коню нашлось место, и бабушка с Элизабет стояли возле кухонной двери, наблюдая, как Робин пьет из ведра воду и с аппетитом жует разные яства, предложенные ему миссис Брэйди, — за исключением упаковочной стружки, которую он понюхал и от которой с отвращением отвернулся.

— Ах, ну разве он не умница? — заявила миссис Брэйди, наблюдая за конем с порога и готовая тут же ретироваться, если конь сделает хоть шажок в сторону кухни. — А он не замерзнет? Может, накинуть на него что-то? Ну, там, шаль или еще что…

Девушка стянула с себя старое пальто и набросила на коня. А бабушка с гордостью и благоговением наблюдала, как она возится с животным.

— Мы носили это пальто на пару, — пояснила

девушка.

— Нэн работает у портнихи в городе, — рассказывала миссис Брэйди, пока они развешивали выстиранные вещи в опасной близости от лошадиных копыт, а потом вернулись в теплую кухню убраться и заняться ужином. — Нэн — сестра твоей мамы, старше ее на два года. А Лиззи ее дочка, ей почти столько же лет, сколько тебе. Она нашла хорошее место в магазине, где все продают за десять центов. Муж у Нэн умер четыре года назад, с тех пор мы живем вместе. И тебе будет хорошо вместе с Лиззи. Она тебя сразу всему научит. А может, найдет тебе место в том же магазине. Сегодня она возвращается в половину седьмого. На этой неделе она заканчивает рано.

Тетушка пришла первой. Это была высокая худая женщина с поблекшими каштановыми волосами, чем-то похожая на маму Элизабет. Она слегка сутулилась и говорила в нос. Рот у нее выглядел так, словно она привыкла в одном углу зажимать булавки, а другим сплетничать. Она была из тех, кто предпочитает шить, сидя в кресле-качалке, и раскачиваться, орудуя иглой. Тем не менее она была достаточно умелой и неплохо зарабатывала. Она не очень-то охотно поприветствовала Элизабет, и та почувствовала, что

тетушка скорее встревожена появлением новой родственницы, чем рада ей. Но, удовлетворив любопытство, немного подобрела и принялась болтать о Лиззи, мысленно сравнивая модно одетую дочку с этой худой смуглой девушкой со спутанными волосами и в поношенном платье. Затем явилась Лиззи. Еще до того, как она ворвалась в дом, они слышали, как она что-то кричит молодому человеку, который ее провожал.

— Ух, какая я злая, ма! — вскричала она. — Ба, а что, ужин еще не готов? Я такая голодная! Деревяшки поджарь — и те съем!

И остановилась, уставившись на Элизабет. Она жевала резинку — Лиззи всегда жевала резинку, — но тут ее челюсти от перестали двигаться.

— Это твоя кузина Бесси, приехала верхом из Монтаны. Она дочка твоей тети Бесси. Все ее родные умерли, и она приехала жить с нами. Глянь, может ты устроишь ее в свой магазин, — объявила бабушка.

Лиззи бросилась вперед, схватила кузину за руку и сильно встряхнула, чем немало удивила Элизабет.

— Вот здорово! — с энтузиазмом воскликнула она, и челюсти заработали вновь. Мало что могло смутить Лиззи. Но, вынимая из громоздкой

шляпы длинные булавки и взбивая помятую прическу, она придирчиво и с явным неодобрением рассматривала наряд новой родственницы.

— Лиззи поможет тебе привести себя в порядок, — сказала заметившая этот взгляд тетушка. — Ты очень неправильно одета. Наверное, вы там у себя в Монтане отстаете от моды. Лиззи, можешь показать ей, как надо начесывать волосы?

Лиззи просияла. Она была не против перемен и не против того, чтобы обрести кузину-ровесницу, но разве можно ввести такую жалкую девицу в общество, особенно в общество магазина, где все за десять центов?

— О, конечно! — радушно согласилась Лиззи. — Не волнуйся, я мигом тебя в порядок приведу. А как тебе удалось так ужасно загореть? Наверное, это из-за верховой езды. Ты выглядишь, будто побывала на море и все время лежала и загорала на песочке. Но сейчас уже не то время года. Наверное, здорово уметь ездить верхом?

— Если хочешь, могу тебя научить, — отозвалась Элизабет, чувствуя, что должна чем-то ответить на столь щедрое предложение.

— Меня? Да куда мне ездить верхом? В городе особенно не наездишься, разве только на трамвае.

— У Бесси есть свой конь, он сейчас на заднем дворе, — с гордостью сказала бабушка.

— Конь? Собственный? Вот это да! Вот уж девчонки глаза выкатят, когда я им расскажу! Мы же можем как-нибудь вечерком арендовать экипаж на конном дворе и поехать на прогулку. Дэн поедет с нами, он будет управлять экипажем. Разве не здорово?

Элизабет улыбнулась. Наконец-то она сможет хоть что-то привнести в семью. Она не хотела бы, чтобы ее приезд был совсем некстати — а так это выглядело с самого начала, это было написано на лицах всех ее новых родственников. Ей было очень одиноко, она так нуждалась в тепле и любви.

Накрыли к ужину, и девушки принялись болтать о нарядах и прическах, таким образом лучше узнавая друг друга.

— Ты не знаешь, есть ли в Филадельфии то, что называется Обществом христианских усилий? — спросила Элизабет после того, как убрали со стола.

— А, Христианские усилия? Да, я раньше туда ходила, — ответила Лиззи. На время ужина она вытаскивала жвачку, а теперь снова сунула в рот и заработала челюстями, прерываясь только на

болтовню. — У нас при церкви есть. Там было интересно, но я поссорилась там с одной и перестала ходить. Вредная старая дева. Все время поворачивалась к нам с девочками, стоило нам что-нибудь шепнуть друг другу или улыбнуться, и бранилась. А как-то вечером она вела собрание, а Джон Форбс, он сидел в углу, спрятался за книжку и передразнивал ее. Жутко смешно. У нее всегда была такая кислая физиономия, когда она пела, и он здорово ее показывал. Мы с девчонками, с Хетти и Эмилин, просто покатывались, никак остановиться не могли. Так эта старая карга вдруг замолчала после одного куплета, уставилась на нас и заявила, что членам Христианских усилий следует помнить, в чьем доме они находятся, кто здесь владыка и ну и все такое прочее. Я чуть не умерла, ужас какой-то. Все уставились на нас, мы с девчонками встали и вышли. И с тех пор я ни ногой. Наблюдательный комитет звал обратно, но я ответила, что не пойду туда, где меня оскорбляют. Вот и не хожу. Но эта карга куда-то переехала, так что если хочешь туда ходить, то и я могу.

— А чей дом она имела в виду? Это был ее дом?

— Ой, нет, не ее, — рассмеялась Лиззи. — Это она про церковь. Мол, это Божий дом. Так-то оно так, но не следовало ей быть такой занудой. Мы

же никому ничего плохого не делали.

— Но разве у Господа есть дом?

— Ну конечно! А ты разве не знала? Ну ты говоришь прямо как нехристь. У вас, что, в Монтане и церквей не было?

— Была церковь, но до нее пятьдесят миль. Мне про нее рассказывали, но я сама там никогда не была, — ответила Элизабет. — Так что та женщина имела в виду? Кто там был? Господь? Господь был в церкви? И ты видела Его и смеялась, зная, что Он там?

— Ну какая ты глупая! — захихикала Лиззи. — Вот уж девчонки бы насмеялись, если б тебя слышали! Ну конечно Господь был там, Он же везде, сама знаешь, и обо всем ведает, но только я Его не видела. Его же нельзя увидеть.

— Почему нельзя?

— Да потому что нельзя! — ответила кузина, завершая дискуссию. — А у тебя какая-нибудь другая одежда есть? Если приведешь себя в порядок, завтра возьму тебя с собой.

Глава 11. И снова в бега

Ложась спать под неумолчную болтовню Лиззи, Элизабет поняла, что в ожидании чего-то есть особое удовольствие, и ожидание это связано с перспективой похода в Божий дом на встречу Общества христианских усилий. Может, она наконец-то узнает, что все это значит и правда ли, что Господь заботится о людях и укрывает их в беде. По собственному, пусть небольшому, опыту

она была почти уверена, что Он печется о ней, но хотела в том удостовериться, чтобы постичь эту драгоценную истину всей душой и навеки в душе сохранить. Никто не может быть совсем одинок в этом мире, если есть Господь, который заботится, любит и укрывает.

Тетушка и бабушка встали ни свет ни заря, чтобы переворошить запасы старой одежды, где они и отыскали платье, которое вполне можно подогнать для Элизабет. Они обе тяжело трудились, денег в семье было немного, поэтому не выбрасывалось ничего, что можно было как-то пустить в дело. Старания их увенчались успехом, и Лиззи возгордилась, как юный павлин: она б ни за что не взяла Элизабет в магазин и не предъявила бы начальнику, если б кузина не соответствовала ее представлениям об общепринятом стиле.

Так что тетушка перекроила и наметала платье, ушла на работу, а Элизабет усадили за шитье. Бабушка руководила процессом под тарахтенье старой швейной машинки, и через пару-тройку дней все признали, что Элизабет достаточно готова к тому, чтобы начать самой зарабатывать на новые платья. Волосы ее завили и начесали в огромный «помпадур» с валиком — прическа эта не шла ей ни в малейшей степени, и, принаря-

женная в старую шляпку кузины и ее же жакет (жакет этот Лиззи забраковала, так как он плохо на ней сидел), Элизабет отправилась завоевывать мир продавщиц. Лиззи уже договорилась о месте в магазине — если, конечно, Элизабет подойдет.

Девушке с гор Монтаны магазин показался страной чудес, столько здесь было всяких ярких, блестящих, непонятных штучек, лент и сковородок, стаканов и игрушек, дешевых побрякушек и сладостей. Она смотрела на все это изобилие как завороженная.

А вот менеджер смотрел на нее с благосклонностью. Он видел по глазам, что девушка сообразительная. Он неплохо разбирался в людях. Он видел, что она еще совершенно неиспорченная, с лицом куда более смышленым, чем у большинства обращавшихся к нему в поисках места девушек. К тому же был не прочь пофлиртовать с хорошенькими новыми девушками, так что ее приняли сразу и поставили в отдел швейных принадлежностей.

Когда поток посетителей спадал, продавщицы вокруг нее так и клубились. Лиззи рассказала всем о долгом путешествии кузины, привирая, когда ей не хватало подробностей — она придумывала их на ходу по мере своих представлений

о Диком Западе. Она также сообщила, что у Элизабет за поясом было аж два пистолета, что придало ей особый статус среди работников. Еще бы: девушка, которая умеет стрелять и носит за поясом пистолет, как настоящий ковбой!

Начитавшиеся романов и насмотревшиеся представлений девушки роились вокруг новенькой, то же можно было сказать и о молодых людях. Элизабет сразу стала популярной. Более того, как только жизнь вошла в определенную колею, когда она стала есть по три раза в день, щеки ее слегка округлились, и стало заметно, что она, вопреки сильному загару, очень красива, — да и загар начал сходить в электрическом свете напряженной рабочей суеты.

Они с кузиной отправились на собрание Общества христианских усилий, и Элизабет почувствовала себя в Царстве Небесном. Теперь она жила от собрания к собранию.

Магазин, который поначалу был полон сюрпризов, стал для нее чем-то обычным — и даже, на самом деле, действовал ей на нервы. Ей не хватало свежего воздуха, кругом толпилось множество людей. Близилось Рождество, покупатели набивались в помещение и днем, и вечером, потому что в преддверии Рождества они закрывались позд-

но. Элизабет страдала по чистому воздуху гор, бледнела, худела. Порой ей больше всего на свете хотелось вскочить на Робина и умчаться назад, в дикую прерию. Если б не Общество христианских усилий, она бы, наверное, так и поступила.

Бедняга Робин заимел и кров, и пищу, но и ему, как его хозяйке, приходилось зарабатывать на существование. С утра понедельника до десяти вечера в субботу он работал средством передвижения для курьера бакалейной лавки, вынужденный терпеть тычки и понукания своего наездника и покорно ждать на углах, нюхая тротуарную пыль, пока мальчишка-доставщик занесет очередную коробку с продуктами. В это время кругом мельтешили и гудели трамваи, автомобили, повозки с пивом. А затем под градом курьерских проклятий надо было мчаться по следующему адресу.

И это он, который привык к вольному бегу по бесконечным просторам, к сладкому горному воздуху! Это было ужасное разочарование, жизнь казалась ему конченой. Но он зарабатывал и на собственное содержание, и еще хозяйке от его трудов перепадало по доллару в неделю. Сей факт — если б он это осознавал — несколько успокоил бы его верную душу. И все же она с радостью

пожертвовала бы этим долларом за счастье и свободу Робина.

В один из дней — и день этот был ужасен! — управляющий магазином «Все за десять центов» подошел к Элизабет с таким выражением в глазах, какое она видела у того человека из Монтаны. Менеджер улыбался, говорил приятные вещи. Он приглашал сходить с ним вечером в театр и осыпал ее комплиментами. Завершил он заявлением, что безмерно ею восхищен и готов всячески ее радовать. Но Элизабет после всех ее приключений в прерии приобрела привычку сравнивать всех мужчин с Джорджем Трескоттом Бенедиктом, а этот мужчина, хоть и хорошо одетый и привлекательный, не шел ни в какое сравнение. У него в глазах светился зловещий огонек, напомнивший Элизабет взгляд змеи перед тем, как она ее застрелила. Поэтому Элизабет отклонила приглашение.

Так получилось, что в этот вечер в церкви было собрание, и всех из Организации христианских усилий настоятельно просили прийти. Элизабет привела это в качестве извинения, но менеджер причину отмел, заявив, что в церковь можно пойти каждый вечер, а вот на пьесу, на которую он ее приглашает, — не всегда. Девушка посмотрела

на него с тем особым спокойствием, с которым целилась пистолетом в будущую жертву, и серьезно произнесла:

— Но я не хочу никуда с вами идти.

После этого менеджер ее возненавидел. Он всегда проникался ненавистью к девушкам, которые ему отказывали. Итак, он ее ненавидел и жаждал отомстить. При этом он подчеркнуто оказывал ей знаки внимания. Это был молодой человек, слишком молодой для такой должности, значит, обладавший немалыми способностями в бизнесе. И он продемонстрировал эти способности на Элизабет. Жизнь превратилась для нее в серьезное испытание. Другие девушки, заметив внимание к ней менеджера, исходили завистью и третировали ее. Как только случалась какая-то неприятность, вину возлагали на нее, поэтому ей приходилось постоянно являться к менеджеру, чего он и добивался.

Она все бледнела и бледнела и впадала во все большее отчаяние. Она убежала от того злодея, она убежала от ужасной женщины, но от этого мужчины она могла сбежать, только отказавшись от этой работы. Если бы не бабушка, она бы так и сделала, но, бросив работу, она оказалась бы на шее у бабушки, а этого она допустить не могла.

Из разговоров в семье она поняла, что все трудятся изо всех сил, чтобы сводить концы с концами и не потерять расположения всемогущего бога Моды. Для Элизабет этот бог был врагом настоящего Бога. Он правил умами людей, в жертву ему приносилось все.

Вскоре после приезда она заговорила о школе, но тетя и кузина подняли ее на смех:

— Ты слишком старая, — фыркнула Лиззи. — Школа для детишек.

— Лиззи закончила старшую школу, и мы очень ею гордимся, — произнесла бабушка.

— Да я школу терпеть не могла! — скривилась Лиззи. — Вовсе это не так здорово, как считается. Сиди да зубри целыми днями. А еще они меня все время после уроков оставляли, мол, болтала и смеялась. Вот уж рада была, когда все закончилось! Благодари звезды, что тебе не пришлось туда ходить, Бесс!

— Те, кому приходится зарабатывать себе на хлеб, не могут бездельничать и таскаться в школу, — сухо сказала тетя Нэн, и Элизабет примолкла.

Но потом она узнал о существовании вечерней школы, и снова начала этот разговор. Лиззи разворчалась: вечерние школы только для бедняков,

туда ходить — ниже достоинства. Но Элизабет не унималась, и как-то раз Лиззи явилась домой с рассказом про Темпл-колледж. Она слыхала, что это очень дешевое заведение. Десять центов за вечер занятий, или что-то в этом роде. Ей импонировало все, что стоило десять центов: за эти деньги у них в магазине можно было набрести на настоящее сокровище!

К тому же, говорят, заведение респектабельное и в нем есть вечерние классы. Можно изучать гимнастику — от гимнастики становятся грациознее. Ей хочется быть грациозной. А еще у них вроде есть курсы по изготовлению шляп. Если так, то она б сама туда записалась, здорово бы научиться делать новомодные банты, как носят этой зимой. А то у нее никак не получается по-модному завязывать ленты.

Элизабет хотела изучать географию. Лиззи сказала, что это наука, которая объяснит ей, где находится пустыня Сахара. Она хотел знать все, всему учиться, но Лиззи сказала, что такие занятия только для малолеток и что в колледже вряд ли такому учат. Но она поспрашивает. Глупая затея, думала она, ей даже спрашивать неловко, но она обещала Бесси и постарается узнать.

К этому времени существование Элизабет в

магазине стало невыносимым.

Как-то утром — это было незадолго до Рождества — ее послали в подвал принести семь красных жестяных детских ведерок и лопаток: одна посетительница хотела подарить их на Рождество ученикам воскресной школы. Она только что пересчитала требуемое количество и уже направилась к лестнице, как услыхала за спиной шаги. Повернув шись, она увидела в тусклом подвальном свете менеджера.

— Ну наконец-то, Бесси, дорогая моя, я застал вас одну, — объявил он победным тоном. Он схватил Элизабет за запястья, и, прежде чем она успела увернуться и отскочить, поцеловал ее.

С воплем Элизабет уронила семь жестяных ведерок и семь жестяных лопаток, ловко вырвала руки из его захвата. Инстинктивно ее рука метнулась к поясу, но пистолетов-то за ним не было — если б был хоть один, она бы в ярости непременно его пристрелила. За неимением другого оружия, она схватила маленькую лопатку и ударила его в лицо. К ней вернулись инстинкты прерий, и она взлетела по лестнице в переполненный магазин, а оттуда — на улицу, как была — без шляпы и пальто — в декабрьский холод. Пешеходы расступались перед ней, полагая, что

ее послали по какому-то срочному делу.

В гардеробе, помимо шляпы и пальто, остался кошелек с несколькими жалкими грошами на трамвай и обед, но она об этом и не вспомнила. Она снова убегала от мужчины, на этот раз на своих ногах. Она боялась, что он может ее преследовать, заставить вернуться к ненавистной работе в душном, переполненном людьми магазине, в толпе ей повсюду мерещилась его мерзкая физиономия. Она бежала и бежала, не оглядываясь, по скользкому тротуару, под свинцовым небом, и вокруг нее вились снежинки.

День был таким же безжалостным, как и весь окружающий мир. Куда ей идти, что делать? Во всем огромном мире не было для нее убежища. Инстинктивно она чувствовала, что бабушка наверняка решит, что с потерей покровительства менеджера десятицентового магазина им всем грозит беда. Возможно, Лиззи тоже ждут неприятности. Что делать?

Она добежала до угла, на котором они с Лиззи обычно садились на трамвай до дома. Трамвай как раз подходил, но у нее ни шляпы, ни пальто, ни денег на проезд. Придется идти пешком. Она перешла на ровный бег — дыхания, натренированного проведенными в горах годами, ей

хватало. До Флора-стрит было три мили, и все эти три мили она бежала, правда уже не так быстро. Притормозила только на углу Флора-стрит и позволила себе оглянуться. Нет, менеджер ее не преследовал. Элизабет в безопасности. Значит, она может войти в дом и рассказать обо всем бабушке, не боясь, что он появится на пороге за ее спиной.

Глава 12. Декларация независимости Элизабет

Миссис Брэйди снова стояла у корыта, когда ее весьма необычная внучка непривычно рано ворвалась в дом.

Она вытерла руки о фартук, села и воскликнула по своему обычаю:

— Силы небесные! Что случилось? Бесси, не тяни! Что-то с Лиззи? Где она?

Но Элизабет уже в слезах распростерлась у ее ног. Сквозь рыдания она едва смогла выговорить, что с Лиззи все хорошо. Миссис Брэйди с

облегчением вздохнула. Лиззи была ее первой внучкой, и, понятно, любила она ее больше всех. Если с Лиззи все хорошо, у нее хватит терпения выслушать все по порядку.

— Этот ужасный человек! — рыдала Элизабет.

— Какой человек? Тот парень, из-за которого ты сбежала из Монтаны?

Глаза бабушки грозно блеснули: мужчин она не боялась, даже тех, кто способны стрелять в людей. Она обратится в полицию и защитит свою собственную плоть и кровь. Пусть только появится. Миссис Брэйди ему покажет.

— Нет, нет, бабушка, другой — менеджер из магазина, — рыдала девушка. — Он меня поцеловал! Ох! — Она содрогнулась, как если бы это было самым ужасным, что могло случиться с нею в жизни.

— Силы небесные! И всего-то? — сказала старая женщина с облегчением и чем-то вроде удовлетворения. — Ну, это чепуха. Тебе бы следовало гордиться. Многие девушки этим только хвастались бы. И чего рыдать? Он что, тебе больно сделал? Лиззи говорит, что он симпатичный. Уж Лиззи точно не стала бы рыдать, если бы он ее поцеловал, в этом я уверена. Она бы только посмеялась и попросила у него дополнительный

выходной. Ну-ка хватит, детка, иди умойся и возвращайся на работу. Ты совершенно очевидно пришлась менеджеру по сердцу, так что просто должна попросить у него прибавку. Все девушки, на которых он обращает внимание, получают повышение. Может, он тебе даст прибавку, и тогда тебе хватит на школу. Хотя один Господь знает, зачем это тебе нужно. Наверное, это у тебя в крови, хотя Бесс говорила, что твой па не очень-то любил учиться. Если поведешь себя с менеджером правильно, кто знает, что он может сделать. Может, даже захочет на тебе жениться.

— Бабушка!

Это восклицание сопровождалось таким гневным взглядом, что миссис Брэйди была поражена — и восхищена одновременно.

— Что ж, у тебя определенно характер имеется! — воскликнула она. — Не удивляюсь, что ты ему нравишься. Я как-то раньше не замечала, что ты такая красотка, Бесси, и очень похожа на свою мать, когда ей было восемнадцать. А раньше-то я не видела сходства. Точно говорю, у тебя все будет в порядке. Не бойся. Ладно, если уж так хочется в школу, иди. Не удивлюсь, если ты чего-нибудь добьешься и выйдешь за богатого… Ладно, мне пора опять к корыту. Силы небесные, ну ты меня

и напугала! Я уж подумала, что Лиззи попала под колеса. Потому как с чего бы ты примчалась без пальто! Давай, вставай, детка, и возвращайся на работу. Конечно, плохо, что тебе не нравится, когда тебя целуют, но не стоит беспокоиться. Еще будет много чего похуже, что тебе не понравится. Поживешь с мое да поработаешь вот так изо всех сил, поймешь, как это приятно, если кто-нибудь в тебя влюбится. Не беспокойся. Если ты ему нравишься, то он будет только рад за тобой побегать. Точно тебя простит и не вычтет из зарплаты за то, что ты убежала средь рабочего дня.

— Бабушка, — взмолилась Элизабет. — Не говори так! Я никогда не вернусь в это ужасное место и к этому человеку. Лучше я вернусь в Монтану. Лучше я умру!

— Ишь ты, ишь ты! — сказала со смехом бабушка и вернулась к работе: она верила в дисциплину. — Не смей так говорить, Бесс. Ты должна вернуться на работу. У нас нет денег тебя содержать, и Бог знает, когда ты сможешь найти себе такое же хорошее место. Если проторчишь дома весь день, он может на тебя сильно разозлиться, и тогда уж точно тебе без толку возвращаться, да и Лиззи из-за тебя могут уволить.

И хотя бабушка то уговаривала, то сердилась, то

пыталась ее успокоить, Элизабет стояла на своем. Она не вернется. Никогда не вернется. И если бабушка будет заставлять, уедет снова в Монтану.

Наконец миссис Брэйди сдалась. Лет двадцать назад она уже сдавалась: у Бесси, ее старшей дочери, тоже была сильная воля, и ей тоже хотелось чего-то такого, что было ей не по чину. И откуда только такое берется, недоумевала миссис Брэйди.

— Ну ты точно как твоя мамочка, — сказала она, яростно набрасываясь на стирку. — Тоже так упиралась, когда выходила замуж за твоего па. А ведь могла выйти за Джима Стоукса, бакалейщика, или за Лоджа, молочника, да за ней ухаживали три железнодорожника, все хорошо устроенные, готовы были для нее на все, так нет же, подавай ей твоего папашу, пьяницу и бездельника, скользкого типа. Единственное, что меня удивило, так это то, что он вообще на ней женился. Вот уж чего не ожидала. Я думала, она просто с ним убежит, а как наскучит, так он ее бросит, но, видно, запал он на нее крепко. Единственное, что он сделал правильно, но я думаю, что все-таки лучше б он на ней не женился.

— Бабушка! — лицо Элизабет пылало.

— Что «бабушка»! — огрызнулась миссис Бр-

эйди. — Правда все это, и лучше б тебе об этом знать. Он встретил ее в церкви. Она туда регулярно ходила. Парни туда тоже ходили, садились на задние скамьи, позади девушек, а потом провожали их домой. Там было много хороших парней, уж получше, чем он. Мне он никогда не нравился. Был вроде как из благородных, гордый такой. Считал, что может обвести Бесси вокруг пальца, и обвел. Стоило ему сказать: «Пойдем», она и пошла, что бы я там ни говорила. Когда его мамаша об этом узнала, то разозлилась зверски. Приехала сюда, в мой дом, поговорить со мной, видите ли. Заявила, что Бесси все рассчитала, что она непорядочная и всякое такое. Сказала, что Бесси сбила ее сыночка с пути, что из этого ничего хорошего не выйдет, наговорила всякого такого, мол, я должна лучше за дочкой присматривать. А все не так было. Бесс заставила Джона Бэйли на неделю бросить курить, и он сказал, что, если она выйдет за него, он и пить бросит. А его мамаша никак этого добиться не могла! Она даже не верила, что он пьет. Ну я ей и сказала несколько хороших слов про ее сыночка, а она скривила свои аристократические губешки и говорит: «Джентльмен никогда не бывает пьяным!» Ха! Джентльмен! Больно много она про это знает! Он

и раньше пил, и продолжал пить. Ну вот, я все пыталась удержать Бесси дома, а она все равно ускользнула как-то вечером, сказала, что идет в церковь — да и пошла, только в другую церковь, где и обвенчались, она и Джон, а потом отправились на Запад. Джон, тот продал свои часы и красивые бриллиантовые запонки, которые ему мамаша подарила, занял денег у друзей отца и так и уехал — с тремя сотнями долларов и Бесс, и с тех пор я никогда свою Бесси не видела.

— А вторая моя бабушка еще жива? — спросила Элизабет. Ей было жалко эту бабушку, но она не знала, что сказать: боялась, что если примется за утешения, то бабушка решит, что она сдалась.

— Говорят, жива, — в голосе миссис Броди послышалась заинтересованность: она была не прочь немного посплетничать. — Муж ее умер, и другой сын тоже умер, она осталась совсем одна. Живет в большом доме на Риттенхауз-сквер. А между прочим, она б могла о тебе позаботиться. Я об этом и не подумала. Вряд ли выйдет какой-то толк, но спросить можешь. А то и поступить в школу тебе поможет. И ты же можешь ей претензию предъявить. Она должна отдать тебе долю своего сына от отцовской собственности, хотя я слышала, что она отреклась от него, когда он

женился на Бесс. А что? Надень какой-нибудь лучший из нарядов Лиззи и отправляйся к ней. Попытаться стоит. Она может дать тебе каких-нибудь денег.

— Не нужны мне ее деньги, — холодно сказала Элизабет. — Я уверена, где-то есть для меня работа, чтобы я могла зарабатывать и не одалживаться даже у бабушек. Но все равно стоит сходить повидать ее. Она может хотеть узнать про папу.

Миссис Брэйди с изумлением смотрела на внучку: такие мысли ей в голову и прийти не могли.

— Что ж, — подытожила она. — Иди своим путем. Только не знаю, куда он тебя приведет. Единственное, что могу сказать: если будешь предъявлять такие высокие требования, тебя ждут тяжелые времена. Путь твой не будет усыпан розами, и не спать тебе на пуховиках. Придется тебе все-таки мириться с жизнью.

Элизабет ушла в свою комнату, вернее, в комнату, которую она делила с Лиззи. Ей хотелось оказаться подальше от неодобрительных слов бабушки. Они лежали у нее на сердце свинцовым грузом. Неужели ей нигде не найти прибежища в этом мире? Если уж его не найти у бабушек, то где тогда искать? Та старая женщина в Чикаго

все понимала, так почему же бабушка Брэйди не понимает?

На память пришли древние слова. «Да не смущается сердце ваше». «Во время бед укроет меня в шатре Своем; в тайне скинии Своей укроет меня». Она стала на колени у постели и начала читать «Отче наш», постепенно добавляя к молитве собственные слова. Она слышала, что так молились в Христианских усилиях. Жаль, что она так мало знает и о Боге, и о Его Книге. Ей все время не хватало времени спросить и подумать об этом. Жизнь казалась сплошной погоней за нарядами и положением в обществе.

К ужину вернулась изрядно возбужденная Лиззи. Весь день она была в центре внимания. Во время обеденного перерыва девушки сообщили, что менеджер сильно разозлился на Бесси и уволил ее. Лиззи нашла ее пальто и шляпу и принесла домой. А кошелек пропал. Там было-то всего пятнадцать центов, но Лиззи очень расстроилась, да и бабушка тоже. Они о чем-то вполголоса переговаривались на кухне, потом пришла тетя, и переговаривались уже все трое.

Элизабет чувствовала всеобщее неодобрение. Тетя Нэн пришла, села рядом с ней и очень холодно принялась говорить о расходах и о том, что

кое-кто полагается на родственников и что ей, Элизабет, следует понять, что не пристало сидеть и ничего не делать; в ответ Элизабет рассказала о том, что сделал с ней менеджер. После чего тетя выдала ей порцию житейской мудрости, в результате чего девушка замкнулась в себе. К жизни ее вернули лишь громогласные увещевания Лиззи. Ужинали все в дурном расположении духе. Наконец бабушка заговорила.

— Хорошо, Бесси, — твердо сказала она. — Мы решили — все мы, — что, если ты намерена упрямиться, надо что-то делать. Я думаю, лучше всего тебе отправиться к миссис Бэйли и посмотреть, чем она может тебе помочь. В конце концов, это и ее дело тоже.

Элизабет сидела молча, с пылающим лицом. Она позволила им заняться приготовлениями. Лиззи принесла свою лучшую шляпку и примерила на Элизабет, чтобы посмотреть, как та будет выглядеть, а также шелковую блузку и весенний жакет. По правде говоря, он был не очень-то теплым, но Лиззи объявила, что ситуация требует серьезных мер, а жакет безусловно модный, это главное. Ради красоты можно и померзнуть.

Следующим утром Лиззи встала пораньше. Она согласилась привести Элизабет в полную боевую

готовность перед визитом на Риттенхауз-сквер. Элизабет нехотя подчинилась необходимости примерить на себя этот чужой образ. Сперва ее волосы были зачесаны на лицо, потом завиты горячими щипцами, потом тщательно собраны и взбиты в еще более высокий начес, чем обычно. Лучшую из юбок Лиззи дополнили шелковой блузой, а к юбке прилагалось наставление следить, чтобы подол не волочился по мостовой. На затейливую прическу ей водрузили шляпу с дешевыми розовыми перьями, потом заставили надеть жакет, к которому также выдали неудобные длинные шелковые перчатки Лиззи. Они были велики, и Элизабет, непривычной к таким перчаткам вообще, казалось, что она сунула руки в жидкую грязь.

Элизабет выдержала все приготовления. Затем подошла к дешевому маленькому зеркалу и оглядела себя. В кривоватом зеркале голова ее приобрела причудливую форму. Шпильки кололи голову, Лиззи плотно укутала ее глаза и нос в вуаль в крапинку. Ворот шелковой блузки был весь в оборках и врезался в шею. Пояс юбки был слишком тугой, а перчатки — чистая пытка. Элизабет спустилась по лестнице под восхищенными взглядами тети и бабушки, которые восхваляли

ее красоту теперь, когда она была одета подобающим, как они считали, образом, и подбадривали ее, наперебой повторяя, что бабушка непременно захочет помочь такой хорошенькой девушке.

Лиззи напутствовала ее призывами сохранять спокойствие: она слышала, что в варьете требуется девушка, которая умеет стрелять. Если не получится с бабушкой, они попробуют устроить ее в шоу. Девочки в магазине знали одного мужчину, который работает в шоу. Говорят, ему нравятся хорошенькие девушки, он наверняка будет рад ее нанять. По правде, Мэри Джеймс еще вчера обещала с ним поговорить и сегодня даст знать о результате. Наверняка эта работа подойдет кузине больше.

Элизабет вздрогнула. Еще один мужчина! Наверняка такой же, как все остальные — все остальные, кроме одного.

Она сделала несколько шагов в указанном ей направлении, а затем решительно повернула обратно. У бабушки сердце ушло в пятки: что эта ненормальная девчонка затеяла опять? Снова бунт?

— Что случилось, Бесси? — накинулась она с порога. — Возвращаться — плохая примета.

— Я в таком виде никуда не пойду, — взвол-

нованно ответила девушка. — Так нечестно. Я не такая. Это все не мое, и в этом я не пойду. Я должна одеться в свое и быть собой. Если я ей не понравлюсь и она не захочет меня знать, тогда сяду на Робина и поеду обратно.

И, подобно Давиду, отказавшемуся от дареных царем Саулом брони и меча, отправилась на битву с пращой и камнями.

Она открепила вуаль, стянула противные перчатки с холодных рук, сняла шелковую блузку и пояс и облачилась в свой старый синий жакет и юбку, в которых прибыла в Филадельфию. Этот наряд тщательно вычистили и привели в порядок, чтобы она могла ходить в нем на работу. В нем Элизабет чувствовала себя самой собой. Жакет был длинным и очень удачно прикрывал ремень с двумя пистолетами. Она достала из чулана старую потрепанную фетровую шляпу и попыталась надеть, но высокий «помпадур» мешал. Она безжалостно расчесала это творение Лиззи и заплела длинные волосы в косу. Пусть бабушка увидит ее такой, какая она есть. Пусть поймет, что она за человек. И пусть сама решит, хочет ли стать настоящей бабушкой, хорошей и доброй.

Миссис Брэйди ужаснулась, когда Элизабет

наконец спустилась по лестнице. Она пыталась остановить девушку, твердя, что это стыд и позор — являться в таком в виде в такое шикарное место, как Риттенхауз-сквер. Но Элизабет не слушала, она даже не стала дожидаться, пока тетя и Лиззи вернутся с работы — пойдет прямо сейчас, и все.

После ее ухода миссис Брэйди в полном отчаянии целых пять минут просидела в кресле-качалке. Еще никогда со времен побега Бесси на Дикий Запад, туда, где ее поджидала смерть, не испытывала миссис Брэйди такого чувства утраты. Бабушка уронила несколько слезинок. Девушка так похожа на ее Бесси, ее невозможно не любить, однако было в ней что-то, что возвышало ее над всеми ними, а с таким трудно примириться. Конечно, все идет от этих Бэйли. Миссис Брэйди не любила семейство Бэйли, но и не считаться с ним тоже не могла.

Но если б она проследила за Элизабет, она бы испугалась еще больше. Девушка направилась к бакалейщику и потребовала вернуть коня, отдав взамен последний уплаченный им в прошлую субботу доллар: конь нужен ей немедленно. После недолгой перепалки, во время которой она сполна продемонстрировала способность

стоять на своем, паренек-курьер выпряг коня из повозки и принес из конюшни ее седло. Затем Элизабет вскочила на коня и направилась на Риттенхауз-сквер.

Глава 13. Другая бабушка

Элизабет затребовала коня, чтобы быть во всеоружии — как воин, отправляющийся на битву с врагом. Если эта бабушка откажется ее принять, что ж — она жива, дышит, у нее есть конь, и она свободна. Мир огромен, Запад все еще открыт для нее. Она может ускакать назад, в прерии, где воля и простор.

Старый конь разочарованно остановился перед

высоким, аристократического вида домом на Риттенхауз-сквер. Он рассчитывал, что с городской жизнью покончено, что он и его дорогая хозяйка отправятся назад, в любимую прерию. Никакими, даже щедрыми порциями овса не заменить свободы, и тишины, и холмов. Он чувствовал, что надо возвращаться домой, а уж там и помереть не жалко — навидался он этого другого мира.

Она привязала коня к вделанному в тротуар кольцу, что показалось ему странным: мальчишка бакалейщика никогда его не привязывал. Он вопросительно посмотрел на дом и не нашел ни одного резона, с чего бы хозяйке туда входить. Места были совсем незнакомые: «Коффи и сыновья» ничего сюда не доставляли.

Элизабет же, пересекая тротуар и поднимаясь по ступеням к красивой резной двери, думала, что это ее последняя надежда найти крышу над головой. Если ничего не получится, ее ждет пустыня, голод и долгий-долгий сон. Но пока в холле с высокими потолками еще звучало эхо звонка, ей на ум пришли слова: «Да не смущается сердце ваше… В доме Отца моего обителей много, и если б было не так, сказал бы я тебе. Я уготовлю место для тебя… Приду я снова и приму тебя». Как это прекрасно! Поэтому, даже если и умрет она в

пустыне, все равно дом для нее готов: об этом она узнала на собраниях Христианских усилий.

Дверь ей открыл представительный дворецкий. Вопросительно разглядывая ее, он сообщил, что мадам еще не вставала, но Элизабет сказала, что подождет.

— Она нездорова? — Сердце Элизабет сжалось.

— О нет, просто она еще в постели, мисс, — сказал старый добрый дворецкий. — Она никогда так рано не встает. Полагаю, вы от миссис Сэндз.

Бедняга, на этот раз наметанный глаз подвел дворецкого. Он подумал, что это девушка от модистки мадам Бэйли.

— Нет, я просто Элизабет, — улыбаясь, ответила девушка. Она почувствовала, что этот человек, кем бы он ни был, не настроен против нее. Он был стар и глядел по-доброму.

Он все еще думал, что она не модистка, а ее посыльная. Скромное платье и длинная коса делали ее похожей на совсем юную девчушку.

— Я доложу о вашем приходе. Присядьте, — и дворецкий указал ей на стул в полутемном холле как раз напротив двери в гостиную, через которую Элизабет заметила такую элегантность, о существовании которой и не подозревала. Она думала о том, как, должно быть, живется в такой

комнате, где ходят прямо по бархату. Ковер был толстый и богатый. Она не знала, что это ковер, как не знала, что он соткан в каком-то бедном деревенском доме и привезен сюда годы спустя за баснословную цену. Она только видела, что он прекрасен, сияет, будто серебро, через которое проглядывают драгоценные камни цвета.

Через другую открытую дверь она увидела картину на стене. Это был ростовой портрет сидящего в кресле человека — и лицо, и поза была совсем как у отца в его лучшие минуты. Она поразилась. Кто это? Неужели ее отец? И как они могли сделать такой его портрет? Наверное, за двадцать лет после ухода из дома он сильно изменился.

Дворецкий вернулся, и, прежде чем он успел что-то сказать, она показала на картину.

— Кто это? — спросила она.

— Это, мисс? Это мистер Джон, супруг мадам, он давно умер. Но я хорошо его помню.

— Могу я на него посмотреть? Он так похож на моего отца, — и она быстрым шагом прошла по древнему ковру, не смущаясь его красотой, а обеспокоенный дворецкий последовал за ней. Невероятно! Посыльные от миссис Сэндз обычно знали свое место.

— Мадам сказала, что вы можете пройти прямо в ее комнату, — со значением произнес дворецкий. Но Элизабет стояла как вкопанная, разглядывая картину. Дворецкому пришлось повторить. Она улыбнулась и последовала за ним, но по пути увидела на стене портреты двух мальчиков.

— А это кто? — показала она: они были очень похожи на двух ее братьев.

— Это мистер Джон и мистер Джеймс. Сыновья мадам. Они тоже уже умерли, оба, — сказал дворецкий. — По крайней мере, я уверен, что мистер Джеймс умер. Два года назад. Но вам лучше поспешить. Мадам ждет.

Она поднималась вслед за стариком по затянутым бархатом ступеням, шагов по которым было совсем не слышно, и размышляла. Значит, это ее отец, тот мальчик с прекрасным лицом и откинутыми со лба густыми вьющимися волосами, с гордым и властным взглядом. И здесь он жил. Среди всей этой роскоши.

Она вспомнила, насколько отличался дом, в котором он умер, и на нее накатила волна острой жалости к нему. Вырасти в таком доме, в такой обстановке — не удивительно было бы, если б он устал от грубой жизни на Западе и бросил

жену, которая гораздо ниже его по положению. Однако он этого не сделал. Он оставался с ней долгие годы. По правде говоря, помощи от него было немного, по большей части он доставлял только беспокойство, но он был с ней и любил ее — когда бывал трезв. И она простила ему многое — и его придирки к матери, и то, что он шпынял ее за всякие мелочи; чего ж странного, раз он воспитывался в таком месте.

Дворецкий постучал в дверь на верхней площадке лестницы, горничная ее распахнула.

— Вы не та девица, которую присылала миссис Сэндз! — раздался ворчливый голос откуда-то из глубины украшенных кружевами подушек на огромной кровати.

— Я Элизабет, — сказала девушка, как будто этого объяснения было достаточно.

— Элизабет? Какая такая Элизабет? Не понимаю, почему она прислала другую девицу. Вы сможете правильно понять мои указания? Они особенные, и надо, чтобы наряд был обязательно готов к вечеру!

Дама приподнялась, опираясь на локоть. Рукав ее кружевной ночной рубашки и бледно-голубого пеньюара задрался, обнажив округлую белую руку, принадлежавшую отнюдь не старой жен-

щине. Ее седые волосы были тщательно уложены вокруг красивого лица с мелкими чертами. Элизабет смотрела и удивлялась: поразительный контраст с той, другой бабушкой у корыта.

— Я Элизабет Бэйли, — негромко произнесла она, словно это была дурная новость, которую следовало донести тактично. — Моим отцом был ваш сын Джон.

— Невероятно! — сказала новая бабушка и упала назад на подушки, прижимая к сердцу руку. — Джон, Джон, мой маленький Джон! Уже многие годы никто не произносил при мне его имени. И он никогда мне не писал!

Он прижала к лицу кружевной платочек и зарыдала.

— Папа умер пять лет назад, — сказала девушка.

— Ах, негодная девчонка! — воскликнула горничная. — Неужели непонятно, что мадам расстраивают такие разговоры? Вон отсюда! — И горничная бросилась к хозяйке с нюхательными солями и стаканом воды, а расстроенная Элизабет подошла к кровати.

— Простите, что расстроила вас, бабушка, — сказала она, увидев, что хрупкое, похожее на ребенка существо в кровати приходит в себя.

— Кто дал тебе право так меня называть? «Бабушка»! Вот еще! Я вовсе не так стара! И вообще, откуда мне знать, что ты та, за кого себя выдаешь? Если Джон умер, за тобой должна присматривать твоя мамаша. Это ее долг. Она увела Джона из дома, увезла его на этот ужасный Запад и не позволяла ему мне писать! Это она все сделала, пусть теперь за все сама отвечает. Понятно, прислала тебя ко мне попрошайничать, но она ошибается! Не желаю иметь ничего общего ни с ней, ни с ее детками.

— Бабушка! — Глаза Элизабет вспыхнули совсем так же, как несколькими часами ранее в доме другой бабушки. — Не смейте так говорить. И слушать не желаю. Я не позволила бабушке Брэйди плохо говорить о моем отце, а вам не позволю так говорить о моей маме. Она была моей мамой, я ее любила, и папа тоже любил, она трудилась изо всех сил, чтобы содержать его и заботиться о нем, а он пил годы и годы и ничего не зарабатывал, чтобы помочь ей. Маме было всего восемнадцать, когда она вышла замуж за папу, и вы не должны ее обвинять ни в чем. У нее не было такого красивого дома, как этот. Но она была доброй и любящей, и теперь и она умерла. И папа, и мама умерли, и другие дети тоже. Один

человек убил моего брата, а как только мы его похоронили, явился за мной. Это ужасный человек, я испугалась, вскочила на коня, который принадлежал моему брату, и сбежала. Я проделала весь этот долгий путь, потому что боюсь этого человека, и хотела найти своих родных, которые любили бы меня и позволили бы служить им, позволили бы мне ходить в школу и чему-то научиться. Но теперь я думаю — жаль, что я не осталась и не умерла там, в зарослях полыни, и меня сожрали бы дикие звери, и это было бы куда лучше, чем то, что я встретила здесь: бабушка Брэйди меня не понимает, вам я не нужна, но у Отца моего Небесного чертоги огромны, и у Него уготовано место и для меня. Прощайте, бабушка!

И прежде чем дама в постели могла прийти в себя после этой горячей речи, Элизабет развернулась и с достоинством вышла. Она была хрупкой, да и роста невысокого, но ее гордость и чистота придали ей такой царственный вид, что и горничная, и дама в кровати взирали на нее с благоговением.

Девушка спускалась по лестнице, чувствуя, что на нее ополчился весь белый свет. Она больше никогда не будет пробовать завести друзей. У нее никогда и не было друзей, кроме того, которого

она встретила в прерии. Лишь один человек был добр к ней, а она позволила ему уехать. Но он принадлежит другой женщине, так что нечего было и думать, чтобы остаться с ним. Лишь за одно она может быть благодарна судьбе. Теперь она куда больше знает об Отце Небесном, и знает о том, что такое Христианские усилия. Она увезет это знание с собой назад в прерии, и никто не сможет его у нее отобрать. У нее оставалось лишь одно желание, но, наверное, ей и надеяться не стоило! Она хотела иметь собственную Библию! Средств у нее не осталось, было лишь мамино обручальное кольцо, документы и конверт из-под денег, которые перед расставанием он ей дал. Ни с чем из этого она расстаться не могла, разве только с кольцом, которое можно отдать в залог, чтобы потом при возможности выкупить. Но она будет ждать и надеяться.

Мимо старого дворецкого она прошла, держа руку на пистолете. Теперь она не позволит никому ее удержать. Дворецкий поклонился, открыл для нее дверь, и она промаршировала по ступенькам к своему коню. Она уже было вскочила на него, чтобы отправиться в неизвестность, туда, где ни одна из бабушек, будь то Брэйди или Бэйли, не сможет ее отыскать, как бы ни стара-

лась, как дверь вдруг снова распахнулась. Из нее выскочили горничная и старый дворецкий и схватили девушку. Она уронила уздечку и выхватила пистолет, направив на них его черное, устрашающее дуло.

Они замерли, дрожа, но храбрый дворецкий стоял на своем. Он не знал, зачем понадобилось задерживать эту невероятную молодую особу, но чувствовал, что происходит что-то странное. Может, это воровка, стянувшая драгоценности мадам. Он уже было открыл рот, чтобы позвать полицию, но горничная его опередила:

— Мадам хочет, чтобы вы вернулись. Она не поняла. Она хочет расспросить вас о сыне. Если вы не вернетесь, это ее убьет. У нее больное сердце, ее нельзя волновать.

Элизабет сунула пистолет в кобуру, снова привязала лошадь к кольцу и коротко ответила:

— Я вернусь.

— Что вы хотите? — резко спросила она, снова войдя в спальню.

— Тебя не учили, что так говорить неуважительно? — сварливо заявила дама. — С чего это вдруг ты так возмутилась, что выскочила, даже не рассказав мне ничего о моем сыне? Сядь и расскажи.

— Извините, бабушка, — Элизабет села. — Я подумала, что не нужна вам и что мне лучше уйти.

— В следующий раз жди, пока я сама тебя не отошлю. Кстати, что это на тебе надето? Весьма странная шляпка для девушки. Сними. Выглядишь в ней как какой-то хулиган. Похожа на моего Джона, когда он меня не слушался.

Элизабет сняла такую возмутительную шляпу, стало видно, что ее каштановые волосы разделены на пробор и заплетены в длинную косу.

— Если тебя привести в порядок, можешь оказаться очень даже хорошенькой, — сказала старая дама, на этот раз привстав и с интересом разглядывая Элизабет. — Не помню твою мать, но сомневаюсь, что у нее были такие тонкие черты.

— Говорят, я похожа на отца.

— Неужели? Что ж, полагаю, это так, — с удовлетворением произнесла старая дама. — Я бы не перенесла, если б ты выглядела как эти нищие…

— Бабушка! — Элизабет подскочила, в глазах ее загорелся огонь.

— Нечего все время повторять мне «бабушка», — недовольно заявила старая дама. — Хотя, должна признать, когда ты так говоришь, то выглядишь довольно мило. Сними это ужасное пальто. К тому же оно не годится для зимы. Боже,

а чем это ты перепоясалась? Ремнем? Но это же мужской ремень! И что это у тебя там заткнуто? Пистолеты? Какой кошмар! Мари, быстро их унеси! Я сейчас в обморок упаду! Никогда не могла и рядом с ними находиться! Мой муж держал один на полке в чулане, и я близко туда не подходила и всегда запирала его комнату, когда он уходил из дома. Держи их в холле. Там, где пистолеты, я дышать не могу. Так, а теперь сядь и расскажи мне о себе все, сколько тебе лет, как ты сюда попала.

Элизабет неохотно, но все же сдала пистолеты. Она чувствовала, что должна подчиняться бабушке, однако вовсе не была уверена, что находится в дружественной обстановке и что для нее безопасно оставаться здесь без оружия.

Она начала с самого начала, с того времени, с какого себя помнит, и спокойно, не давя на жалость, но при этом очень живо и искренне принялась рассказывать историю своей жизни, а бабушка, даже с закрытыми глазами, настолько увлеклась, что позволила слезами беспрепятственно течь по своим так хорошо сохранившимся щечкам.

Когда Элизабет подошла к описанию залитых лунным светом могил, бабушка, рыдая, воскликнула: «О Джонни, Джонни, мой малыш Джонни! Ну почему ты всегда был таким непослушным

мальчиком?!», а когда пошла речь о скачке через дикую прерию, о человеке, от которого она убегала, бабушка слушала, затаив дыхание, и только приговаривала: «Какой ужас!» На протяжении всего рассказа ее интерес к девушке разгорался все сильнее.

Был, правда, в повествовании один эпизод, которого Элизабет едва коснулась — встреча с Джорджем Трескоттом Бенедиктом. Инстинкт подсказал ей, что вряд ли эта слушательница отнесется к истории доброжелательно. Она просто сказала, что встретила доброго джентльмена с Востока, он заблудился, они доехали вместе до ближайшего городка, откуда он телеграфировал своим приятелям и продолжил путь без нее. Не рассказала она и о деньгах, которые он ей ссудил. Она полагала, что бабушка отнесется к их совместной поездке так же, как та старая женщина с ранчо. Пусть бабушка считает, что у нее были с собой какие-то деньги из дома, да она и не спрашивала, каким образом Элизабет обеспечивала себя во время путешествия.

Рассказ о том, что произошло в Чикаго, вселил в бабушку такой же ужас, как и рассказ о встрече со змеей. Она всплеснула руками и заявила: «Как отвратительно! Если б ты перестреляла всю эту

компанию, тебя бы непременно оправдали! Я не понимаю, как дозволяют существовать таким заведениям!» Мари слушала историю с открытым ртом, а потом не раз пересказывала ее на кухне кухарке и дворецкому, и в результате Элизабет стала в глазах слуг настоящей героиней.

Элизабет перешла к рассказу о том, что происходило с ней уже в Филадельфии, и повествование вызвало у бабушки острое негодование; особенно ее возмутил тот факт, что одна из Бэйли стояла за прилавком в десятицентовом магазине. Она исторгла вопль настоящего страдания, доведшего до того, что снова пришлось прибегнуть к нюхательным солям.

Когда Элизабет поведала о том, что случилось в подвале между нею и менеджером, бабушка снова воскликнула:

— Как отвратительно! Гадкий тип! Его следует отдать под суд. Я проконсультируюсь со своим адвокатом. Как, говоришь, его имя? Мари, запиши. И, дорогая, ты совершенно правильно обратилась ко мне. Я наблюдала за тобой, пока ты рассказывала, и вижу, что при надлежащем уходе ты можешь стать очень красивой девушкой. Мари, иди к телефону и позвони Бландо, скажи ему немедленно прислать парикмахера.

Хочу глянуть, как мисс Элизабет будет выглядеть с модными сейчас низкими локонами. Мне кажется, ей пойдет. Я сама попробовала такую прическу, но она выглядит слишком молодежной для седеющих волос.

Элизабет смотрела на бабушку в полном недоумении. Для нее это был совершенно новый тип женщины. Ее совершенно не интересовали какие-то важные вещи, зато она очень волновалась по поводу пустяков. Жизнь ее состояла в погоне за модой, совсем как у Лиззи. Неужели все обитатели больших городов такие? Нет, в том, кого встретила в прериях, она подобного не заметила. Но, может, возвратившись в город, он тоже погрузился в пустяки? Она со вздохом повернулась к новой бабушке:

— Теперь, когда я рассказала вам все, бабушка, можно мне ехать? Больше всего на свете я хотела ходить в школу, но оказалось, это стоит больших денег, а я не хочу быть ни для кого обузой. Я пришла сюда не для того, чтобы к вам напроситься, я не хочу вас беспокоить, но перед тем, как уехать, я хотела повидать вас, потому что… Ну, потому что вы моя бабушка.

— Я никогда не была бабушкой, — откликнулась миниатюрная светская дама, — не знала,

каково это, но, мне кажется, это было бы довольно мило. Мне доставит удовольствие превратить тебя в красавицу и ввести в общество. У меня появится новый смысл. Сама я уже не красотка, но ты способна ею стать. Что ты носишь — голубое или розовое? Я предпочитала розовое, но, смотрю, когда цвет лица у тебя станет нормальным, тебе подойдет и то, и другое. Ты ужасно загорелая, но загар сойдет со временем. Говоришь, что хочешь ходить в школу… Что ж, это необходимо: ты жила в этой варварской, ужасной глуши, и, конечно, не очень много знаешь. Говоришь ты правильно, но Джон всегда был особенно внимателен к речи. Когда он был маленький, у него был гувернер, который наказывал его каждый раз, когда Джон ошибался. Это единственное, в чем гувернер преуспел: он был лингвистом. Потом мы поняли, что он принес Джону больше вреда, чем пользы — он был ужасно своевольным и пьяницей к тому же. Мари, я хочу отвести Элизабет комнаты рядом с моими. Позови Марту, пусть она приведет там все в порядок. Элизабет, тебе когда-нибудь делали маникюр? Руки у тебя красивой формы. Я прикажу женщине, которая придет мыть тебе волосы, чтобы она и маникюр сделала. Ты привезла какие-нибудь платья? Ну конечно же, нет — не

могла же ты их везти верхом. Полагаю, ты отослала багаж экспрессом? Никакого багажа? Никакого экспресса? И железной дороги тоже нет? Какое варварство! Как, должно быть, страдал мой Джон, бедненький. И это он, привыкший к роскоши! Что ж, не я в этом виновата. Я дала ему все, чего бы он ни пожелал, за исключением жены, а он женился без моего дозволения. Бедняга, бедняга!

Миссис Бэйли отослала Элизабет в отныне принадлежащие ей комнаты и занялась собой, дабы достойно встретить остаток дня. Элизабет стала новой игрушкой, и она предвкушала удовольствие: в жизни ее, в последнее время довольно однообразной, появился новый вкус.

Элизабет же обозревала свою новую обитель и думала, что сказала бы, увидев все это, Лиззи. Кучер, следуя приказу, поместил Робина в конюшню, и он уже купался в роскоши, характерной для лошадей аристократов, и поздравлял себя с хорошим вкусом хозяйки, выбравшей такое замечательное место постоя. Что касается его, то он бы никуда больше и не двинулся. Здесь было куда лучше, чем на воле. Такого овса и такого сена на равнинах точно не найдешь.

Ближе к вечеру очень серьезный дворецкий, бросавший неодобрительные взгляды на окру-

жение, предстал на пороге дома миссис Брэйди с посланием к этой леди, ее дочери и внучке, которое они выслушали с напряженным вниманием:

> «Миссис Меррилл Уилтон Бэйли извещает, что ее внучка, мисс Элизабет, благополучно прибыла в ее дом, где и будет проживать. Мисс Элизабет в свое время посетит миссис Брэйди и выразит ей благодарность за доброту, проявленную во время пребывания у нее».

Дворецкий поклонился и со вздохом облегчения отбыл. Его достоинство и социальный статус за все годы службы еще не сталкивались с таким вызовом. Он был счастлив навсегда отряхнуть прах Флора-стрит со своих ног и преисполнился сочувствием к кучеру: судя по посланию, тому придется в должное время везти сюда мисс Элизабет.

В свете уличных фонарей миссис Брэйди, ее дочь и внучка наблюдали за преисполненным достоинства отбытием дворецкого. Затем вошли в дом и уселись, в свою очередь преисполненные как удивления, так и ощущения того, что с их плеч упал какой-то груз.

— Силы небесные! — воскликнула бабушка. —

Уж прямо и не знаю!

Затем, через минуту, добавила:

— Какой дерзкий тип! А какая наглая эта особа! Это ж надо: благодарит меня за доброту к моей собственной внучке! А вот я б ей спасибо сказала, если б она не лезла не в свои дела, да только такая уж она уродилась!

— А гнездышко у нее точно пухом выстелено, — завистливо произнесла тетя Нэн. — Вот если б Лиззи так повезло!

Настала очередь Лиззи:

— И все равно она странно выглядела, в этих своих одежках! И я рада, что она уехала, она выглядела так странно, что просто ужас какой-то. Все твердила девчонкам про религию, они смеялись у нее за спиной, говорили, что если она у нас еще поживет, то я сама стану миссионеркой. Я же сходила к мистеру Рэю, менеджеру, сказала, что моя кузина ужасно застенчивая, мол, просила меня передать извинения, что вот так сбежала. Он чуток покипятился, но потом сказал, что все в порядке, что она, если хочет, может вернуться на свое старое место и чтобы больше об этом разговору не было. А я сказала, что непременно ей это передам. И все равно от ее штучек мне никакого вреда. Девочки говорят, он теперь под меня

клинья подбивать будет. Хорошо бы. Мне это по душе. Теперь моя очередь, чтоб мне жалованье подняли. Еще он сказал, что, если мы завтра с Бесс придем одетые как для вечера, он поведет нас на шоу, какого он в Филадельфии еще не видел. Ну а раз ее нету, так пусть он меня одну ведет. Так что я даже рада, что она съехала. Она все равно была какая-то не такая.

— Это в ней Бэйли говорит. Но все равно она же придет меня повидать, да?

И миссис Брэйди еще на несколько минут погрузилась в размышления о такой перспективе.

Глава 14. В новом мире

Тем временем сцены новой жизни Элизабет сменяли одна другую, и все были мирными. При помощи телефонных звонков и горничной ее обеспечили прекрасным бельем, которое ей идеально подошло и которое — благодаря пояснениям Мари — не вызвало у нее никакого недоумения. Ткань, из которой это белье было сшито, была мягкой, все украшено вышивкой и кружевами. Нижние юбки также были мягчайшими — короче, все высшего качества. Элизабет хотелось бы поделиться всем этим с Лиззи: Лиз-

зи обожала роскошные вещи, к тому же она сама поделилась с Элизабет своими платьями. Она упомянула об этом бабушке, и та, в порыве ребяческой щедрости, объявила: «Ну конечно! Как-нибудь съездим с тобой в город, и ты выберешь всякие красивые вещи для всех них: терпеть не могу быть кому-то обязанной!»

Уже к вечеру было доставлено несколько готовых нарядов, и остаток дня Элизабет провела, примеряя их и прохаживаясь перед бабушкой. Наконец было решено оставить два-три «удовлетворительных», в которых можно потерпеть до появления портнихи. После чего одетой в новое платье Элизабет было разрешено спуститься вниз и предстать перед домашними.

Домашних было немного: бабушка, ее песик и слуги. Она вписалась в этот круг лучше, чем можно было бы предположить. Здесь она чувствовала себя гораздо спокойнее и уютнее, чем на Флора-стрит. Здесь было больше простора, больше воздуха, больше тишины. Она выросла в горах и задыхалась среди большого скопления людей.

Затем ее усадили в роскошный экипаж, влекомый двумя прекрасными лошадьми, и отвезли в огромный универсальный магазин, где она час наблюдала за тем, как бабушка выбирает для нее

всевозможные вещи. Любая девушка сошла бы с ума от возможности приобрести хоть что-нибудь в этом магазине. Любая, но не Элизабет. Она смотрела на все совершенно безучастно, как если бы это были не изысканные вещи, а опадавшие с деревьев листья: и к чему ими восхищаться? К тому же она может за один раз надеть на себя только одно платье и только одну шляпу, зачем их так много? Думала же она лишь о том, что бабушка обещала определить ее в школу.

На третий день пребывания на Риттенхаус-сквер Элизабет напомнила ей об этом, и бабушка нетерпеливо ответила:

— Да, да, дитя, конечно же, ты отправишься в школу. Это необходимо. Но сначала я должна привести тебя в порядок. Тебе едва ли есть, что надеть.

И Элизабет сдалась.

Наконец настал священный день отдохновения. Гардероб был почти завершен, и Элизабет велели одеваться, поскольку пришло время отправляться в церковь. С восторгом и благодарностью она надела подготовленный для нее наряд, и когда Мари, нанеся последние штрихи, подвела ее к большому французскому зеркалу, Элизабет была поражена. Право слово, а она дей-

ствительно красавица!

Она разглядывала прекрасное платье из тончайшего сукна с изящной отделкой, соорудить которую могут только самые искусные портнихи, и удивлялась. Да одни только складки на темно-зеленой ткани лежали так, что подчеркивали ее природную грациозность. Зеленая бархатная шляпка с длинными завитыми перьями зеленого и кремового цвета удивительно ловко сидела на ее прекрасных волосах, уложенных совершенно естественным и подходящим ей образом.

Она куталась в горностаевую накидку так, будто делала это всегда, поскольку не понимала, насколько дорога эта накидка и муфта из того же меха. Все это очень шло ей и выглядело очень просто, вовсе не так вызывающе, как розовая шелковая блузка Лиззи и ее дешевые розовые перья. Элизабет все это очень понравилось, и она шла в церковь рядом с бабушкой с легким сердцем.

Церковь находилась как раз напротив, через площадь. Элизабет обратила внимание на высокий шпиль из коричневого камня и арочные двери, еще когда впервые подъехала к дому, и сейчас с восторгом вошла под ее своды.

Она впервые в жизни была на воскресной служ-

бе в церкви. Для Лиззи визитов в Христианские усилия было более чем достаточно. Она заявляла, что и так трудится изо всех сил целую неделю, чтобы еще тратить столько воскресного времени на церковь. «Воскресный день дан человеку для отдыха», — любила повторять она. Элизабет впервые после Монтаны почувствовала, что у нее есть настоящий дом и что она такая же, как и все. Она украдкой огляделась: а вдруг ее друг из прерии тоже здесь? Но не увидела ни одного знакомого лица. Она успокоилась и целиком отдалась восторгу службы.

Орган играл тихую, мягкую, нежную музыку. Потом уже она узнала, что это было «Largo» Генделя. Она не знала ни того, что этот орган был лучшим в городе, ни что органист был настоящим виртуозом — она знала только, что эта музыка возносит ее душу над землей, что небеса распахнулись для нее и что это поют сами облака. Потом — сначала издалека, затем все ближе — зазвучали чудесные голоса хора мальчиков. Тому, кто всю жизнь присутствовал на воскресных молебнах, не вообразить, какое воздействие оказало все это на Элизабет.

Казалось, сам Господь ведет девушку особым путем. Вряд ли еще какая служба в другой церкви

этого фешенебельного района великого города настолько бы отвечала потребностям Элизабет. Священник был одним из тех редких людей, кто действительно живет по-божески и постоянно обращается к Господу. Потом Элизабет узнала, что у него была одна особенность, отличавшая его от других священников. Он умел во время службы обратиться к Богу мягко, спокойно, как бы беседовать с ним. И от этого Господь становился очень реальным и очень близким.

Если бы этот блестящий проповедник не служил в старой респектабельной церкви и если бы не пользовался уважением всех приходов, включая его собственный, его бы могли назвать эксцентричным и даже попросить подать в отставку, поскольку его вера была настолько личной, что вызывала у некоторых смущение. Во всяком случае, его редкий дар и независимость, уверенность в том, что он поступает правильно, сделала эту церковь весьма необычной для такого аристократичного района.

Большинство прихожан ему симпатизировали, и его труды по искоренению греха в самом сердце Содома шли своим чередом, невзирая на моду, обычаи или классовые различия. Правда и то, что некоторые, подобно мадам Бэйли, чинно

восседая на своих местах, не слишком-то прислушивались словам проповедника. Им было безразлично, сколько раз в день он возносил молитвы — трижды или один раз, лишь бы служба шла в обычное время. Но большинство все же ходило в эту церковь убедиться в том, что оно действительно существует — личное и близкое общение с Господом.

В эту церковь и вошла Элизабет, прелестная язычница, жаждущая узнать все, что только возможно, о душе. Она сидела рядом с бабушкой, впитывая каждое слово, и склонила голову, когда уверилась в том, что Господь здесь и что глаголет устами своего слуги. Когда отзвучало эхо последних напутствий проповедника и хорошо воспитанная паства начала готовиться к выходу, кутаясь в одежды и вполголоса обмениваясь приветствиями, Элизабет повернулась к бабушке:

— Бабушка, позволите ли вы мне подойти к этому человеку и задать ему несколько вопросов? Он говорил о том, что я так давно жаждала узнать, но я хочу знать больше. Никто никогда мне ничего не рассказывал. Кто он такой? И откуда он все это знает?

Старая женщина смотрела в оживленное, раскрасневшееся личико, и ее сердце преиспол-

нилось гордостью, что вот эта прелестное юное создание — ее плоть и кровь. Она улыбнулась:

— Ты имеешь в виду нашего настоятеля? Если ты так хочешь побеседовать с ним, я приглашу его к нам на обед. Это очень пристойное желание для юной девушки — как можно больше знать о религии. Подобное влияние весьма благотворно, к тому же наш уважаемый доктор богословия поистине очарователен. Я позову также его жену и дочь. Они вращаются в лучших кругах, да я и сама давно подумывала над таким приглашением. Да, тебе, наверное, стоит пройти конфирмацию. Некоторые проходят. Очень красивая служба. Я сама прошла конфирмацию, когда была в твоем возрасте. Моя матушка считала, что каждая девушка должна пройти таинство, прежде чем выйти в свет. А поскольку ты теперь ученица, то и время самое подходящее. Пошлю за ним на этой неделе. Ему будет приятно узнать, что ты интересуешься подобными вещами. По воскресеньям он руководит молодежным клубом, Христианское что-то там, так, кажется, называется. Я толком не знаю, что это такое, но он много рассказывает и хочет, чтобы клуб посещала вся молодежь. Ты можешь уплатить взнос, каким бы он ни был. Полагаю, это для благотворительности. Тебе, конечно, совсем

не обязательно ходить на их встречи, но, думаю, доктору будет приятно.

— Вы говорите о Христианских усилиях? — переспросила Элизабет. Глаза ее сияли.

— Полагаю, что-то вроде этого. Доброе утро, миссис Шайлер. Чудесный день для декабря, не так ли? Нет, я не очень хорошо себя чувствовала. Нет, я не выходила несколько недель. Замечательная служба, не находите? Наш доктор становится все более и более блистательным. А, миссис Шайлер, это моя внучка, Элизабет. Она приехала с Запада, будет жить со мной и завершать образование. Я бы хотела познакомить ее с вашей дочерью.

Элизабет покорно прошла через процедуру представления, нарушившую ход ее мыслей, но, как только они вышли на улицу, вернулась к предмету своего интереса.

— Бабушка, а Господь присутствовал в церкви?

— О чем ты, дитя? Какие странные вопросы ты задаешь! Ну, да, полагаю, Он был там — отчасти. Ведь говорят, что Бог — он везде. Элизабет, лучше подожди, когда сможешь обсудить эти вещи с тем, кто в них разбирается. Я никогда особенно в таких вопросах не понимала. Ты прекрасно выглядишь в этом оттенке зеленого, и шляпка очень тебе идет.

Так что тема была на время закрыта, что не означало, что девушка перестала о ней размышлять.

Пришло и прошло Рождество, не оказавшее на Элизабет такого уж большого влияния: для нее это был просто доселе неизвестный праздник. Миссис Бэйли предложила ей выбрать подарки «для родственников по материнской линии», и Элизабет с энтузиазмом занялась этим, проявив благоразумие и хороший вкус и учитывая интересы тех, кому подарки были предназначены. По правде говоря, Лиззи все-таки была чуточку разочарована, поскольку рассчитывала на золотые часики или кольцо с бриллиантом, но в целом все-таки осталась довольна.

У ног Элизабет лежал совершенно новый мир. Школа была полна восхитительных чудес. Она впитывала знания, как губка воду, бросалась от одной науки к другой, проявляя замечательные способности и истинное удовольствие при решении различных задач.

Под влиянием пастора, который так близко знал Господа нашего, росла и ее близость к Иисусу Христу, и жизнь казалась ей по-настоящему прекрасной.

Она читала Библию с таким упоением, слов-

но это был роман — да для нее книга и была романом, а днем, отправляясь на обычную уже прогулку в парк верхом на Робине — в результате ухода он заметно приободрился, зауважал себя, и седло у него было по самой последней моде, — она размышляла о необыкновенной доброте Господа, проявленной к ней, простой девчонке из прерий.

Так, в покое и мире, прошли три чудесных года. Каждый месяц Элизабет с подарочками отправлялась навестить бабушку Брэйди, и каждое лето они с бабушкой Бэйли отправлялись на воды на модный курорт в Катскильских горах. Девушка всегда была одета самым изысканным образом, при этом обращала на свои наряды столько же внимания, сколько птица — на воздух, а цветок — на поля.

Из своих первых карманных денег она скопила необходимые сорок долларов и выслала по адресу, который он дал ей там, в прериях, не присовокупив к ним, однако, никакого послания: она считала, что не имеет на это права.

Она все чаще посещала с бабушкой старинные уважаемые семейства Филадельфии, хотя пока что, будучи еще ученицей, не «выезжала в свет». Но где бы она ни бывала, она никогда не видела Джорджа Трескотта Бенедикта и ничего не слы-

хала о нем.

Часто, глядя на красавиц, бывавших в доме бабушки, красавиц, которые улыбались ей, болтали с ней, она гадала, кто из них может быть той самой леди, которой принадлежит его сердце. Она представляла, что эта леди должна быть самой красивой, самой приятной во всех отношениях, потому что в ином случае он бы ею не увлекся, и выбирала то ту, то эту, а потом, когда ее избранница демонстрировала какую-то неприятную черту характера или совершала какой-то нехороший поступок, отбрасывала кандидатку и присматривалась к другой. В результате осталось всего несколько красавиц, подходящих, на ее взгляд, человеку, ставшему ее идеалом.

Но иногда в мечтах она видела, как он подходит и разговаривает именно с ней, и улыбается так, как улыбался, когда они скакали бок о бок, и кладет руку на гриву ее коня — конь в мечтах всегда присутствовал. Она предавалась этим мечтам во время верховых прогулок в парке: как замечательно было бы, если б он ехал рядом с ней и они бы рассказывали друг другу обо всем, что произошло с ними со времени расставания. Она рассказала бы ему о том, как нашла друга в Иисусе Христе. И он был бы рад за нее — несомненно.

Потому что он наверняка из тех, кто интересуется подобными вещами — в отличие от других, занятых исключительно светской суетой.

Иногда ей мнилось, что с ним случилось что-то плохое. К примеру, его могли выбросить из этого ужасного поезда и убить, и никто ничего не узнал. Но по мере того как рос ее опыт, после того как она сама стала путешествовать поездами, страх уходил. Она стала понимать, как огромен мир и сколько в нем того, что способно увести его из дома.

Возможно, он благополучно получил посланные ею деньги — она ничего об этом не знала, так как не оставила обратного адреса. Ей это казалось неправильным. Это привлекло бы к ней его внимание, и его «леди» это точно бы не понравилось. Возможно, они уже поженились и переехали в какое-то чудесное место. Возможно… Многое возможно. Лишь одно она знала наверняка: он больше никогда не возникал на горизонте ее жизни, поэтому ей следовало постараться его забыть и быть благодарной за то, что Господь дал ей друга в те времена, когда она особенно в нем нуждалась. Когда-нибудь, в вышних сферах, они встретятся вновь, и она поблагодарит его за доброту, и они поведают друг другу, какие пути

прошли по земле после расставания. К этому времени религиозные воззрения Элизабет стали гораздо глубже, и в ней жила простая и сильная, как у ребенка, вера в вечную жизнь.

И было у нее одно очень сильное желание, чтобы он, ее друг, оказавшийся первым, кто помог ей на пути к познанию, спасший ее в тех диких местах, тоже познал Христа, поскольку тогда, когда они были вместе, он знал его недостаточно. И поэтому в своих ежедневных молитвах она часто разговаривала о нем с Отцом Небесным и молилась, чтобы он тоже пришел к вере и когда-нибудь как-нибудь познал истину во Христе.

Во время третьего сезона пребывания в Филадельфии бабушка решила, что настало время представить свету этот бутон, превратившийся в такую прекрасную девушку, о которой бабушка могла только мечтать.

Так что Элизабет «вышла в свет», и бабушка Брэйди с чувством глубокого удовлетворения читала за утренним кофе в колонке светских новостей о том, как она выглядит и что говорит. Тетя Нэн слушала все это с кислой физиономией. И почему этой Элизабет повезло больше, чем ее Лиззи? Все, конечно, потому, что она из Бэйли, и матушке не следует так уж радоваться. Но ба-

бушка Брэйди считала, что, хотя своим успехом Элизабет обязана тому, что она Бэйли, все ж таки она еще и Брэйди, так что это шаг наверх и для Брэйди тоже.

Лиззи слушала и затем пересказывала в десятицентовом магазине истории о «моей кузине, Элизабет Бэйли», а продавщицы внимали ей, разинув рты.

Наступала весна третьего года пребывания Элизабет в Филадельфии.

Глава 15. Знаменательный пикник

Было лето, и был июнь. И был пикник, на который отправилась Элизабет.

Бабушка Брэйди была среди организаторов. Если Элизабет придет, гордости ее не будет предела, так что после долгих дебатов, после обсуждения всех за и против с дочерью и Лиззи, она села писать приглашение. Тетя Нэн была решительно против. Она не желала, чтобы кто-то затмил ее

Лиззи. Это для нее она целых две недели шила по вечерам платье из органди, все в розовых розах. Отделано оно было ярдами дешевых кружев и целым клубком розовых лент различной ширины. Шляпа также вся состояла из роз, и не дай Господь дождю и ветру разразиться в то утро, на которое назначен был пикник воскресной школы. Матушка Лиззи подумывала приобрести еще розовый шифоновый зонтик, но в процессе подготовки семейные финансы и так были изрядно подорваны, и зонтик они вряд ли бы выдержали. Однако все было сделано для того, чтобы Лиззи не потерялась в тени разодетой в шелка и увешанной драгоценностями леди-кузины.

Но миссис Брэйди долго ждала своего триумфа. Более всего на свете она желала прохаживаться между приятельницами, представляя им свою внучку Элизабет Бэйли и между делом замечая: «Вы наверняка часто встречаете имя моей внучки в газете, миссис Бэбкок. На днях она устраивала прием на Риттенхауз-сквер».

Наверняка Элизабет скоро выйдет замуж и, может, уедет куда из Филадельфии — в Нью-Йорк или в Европу, кто знает, какие ждут ее великие дела. Так что теперь самое время для триумфа, потому как, когда плод созрел, его надобно сры-

вать. И миссис Брэйди вознамерилась собирать урожай.

Она приготовила бумагу, ручку, чернила: негоже писать послание на Риттенхауз-сквер карандашом. И когда Нэн и Лиззи ушли на работу, села и принялась продумывать, что именно напишет.

«Дорогая Бесси…» — начала она. Элизабет никогда не просила не называть ее так, хотя это ей и не очень нравилось. Но так звали ее мать, и это имя было дорого для бабушки. Ей казалось, что настаивать на обращении «Элизабет» — значит каким-то образом нарушать память о маме. Так что бабушка Брэйди так до конца своих дней и продолжала называть ее Бесс. К тому же Элизабет считала, что на свете слишком много по-настоящему значимых вещей, чтобы обращать внимание на такие мелочи — это все равно что занимать себя исключительно заботами о том, что модно, а что нет.

Послание продвигалось с большими трудами.

«Наша воскресная школа устраивает

пикник в Уиллоу-Гроув [2]. Это будет во вторник. Мы едем на трамвае. Я буду рада, если ты поедешь с нами. Мы проведем там весь день, возьмем с собой и обед, и ужин, вернемся домой поздно, и ты можешь остаться у нас на ночь, а вернуться домой после завтрака. Тебе не нужно ничего с собой приносить, потому что мы все запланировали, хватит на всех, и это не дорого. Но если захочешь принести сладости, тогда хорошо. У меня не будет времени что-то приготовить, а то, что продают в нашей бакалее, может тебе не понравиться. Я правда хочу, чтобы ты приехала. Я еще никуда не выходила вместе со своими обеими внучками, а бабушка Бэйли и так видит тебя каждый день. Надеюсь, что ты сможешь прийти. Я оплачу все расходы. Старый Кристиан Дивер, на занятия с которым ты ходила и который тебе нравился, тоже будет, так что ты хорошо проведешь время. У Лиззи новое розовое платье из органди,

[2] Сноски: 2

Уиллоу-Гроув — парк развлечений на тогдашней окраине Филадельфии. Такие парки обычно создавались в конце трамвайных линий, и какое-то время их даже называли «трамвайными парками».

и на шляпке тоже розы, мы собираемся купить ей и розовый зонтик, если он не будет стоить очень дорого. Ну, такой, с шифоновыми воланами. Тебе понравится, потому что в Уиллоу-Гроув много всяких развлечений, мы собираемся все посмотреть. Там и музыка будет. Будет играть какой-то человек, у которого имя похоже на ругательство. Сейчас не вспомню, как его зовут, но его объявления висят на трамваях. Он приезжает в Уиллоу-Гроув каждый год. Пожалуйста, сразу ответь, будешь или нет, чтоб мне знать, сколько кексов испечь. С любовью бабушка Элизабет Брэйди».

Читая послание, Элизабет и смеялась, и плакала. Ей была приятна доброта бабушки Брэйди — она считала, что, в свою очередь, проявляя доброту к этой бабушке, она чтит память матери. Так что она решительно отодвинула несколько запланированных на эти дни встреч, к неудовольствию бабушки Бэйли, искренне не понимавшей, зачем ей проводить целых два дня и ночь на Флора-стрит именно теперь, когда стало тепло. По правде говоря, сейчас, в межсезонье, свет-

ских обязанностей было не так уж и много, и Элизабет вольна поступать, как ей хочется, но в такой толпе легко подхватить какую-нибудь болезнь! Удивительно глупая затея. Но если надо ехать, значит, надо. Бабушка Бэйли была в целом вполне терпимой. Элизабет имела такой успех и так стремилась всячески ее радовать, так кто она такая, чтобы противиться ее желаниям? Так что Элизабет написала ответ на прекрасной бумаге с серебряным гербом Бэйли:

> «Дорогая бабушка! Я буду счастлива поехать с вами на пикник и обязательно привезу большую коробку лучших сладостей от „Хьюлера“. Уверена, что таких вкусных вы еще не пробовали. Не покупайте зонтик для Лиззи: я сделаю ей подарок. Буду у вас к восьми часам. С любовью, ваша внучка Элизабет».

Миссис Брэйди получила от послания огромное удовольствие и за ужином с победным видом протянула его дочери. Она понимала, что обещание розового зонтика смягчит тетю Нэн. Элизабет ничего и никогда не делала наполовину, и можно быть уверенными, что зонтик будет самого лучшего качества, при этом без ущерба для се-

мейного кошелька.

Элизабет отправилась на пикник в легком белом платье из кисеи, очень простом на вид, со скромными оборками, отороченными кружевом, которое не бросалась в глаза, но людям понимающим говорило: «А я-то настоящее…» На голову она надела белую панаму, обвитую столь же простым белым шелковым шарфом — этот неброский шарф стоил немыслимых денег. Панама чем-то походила на старую фетровую шляпу брата, в которой Элизабет ехала по прериям, поэтому она и обратила на нее внимание. Бабушка Бэйли поначалу удивилась выбору, но, когда увидела, сколько стоит это с виду простое произведение шляпного искусства, тут же выложила необходимую сумму. Панама была стильной, ее можно было носить то так, то эдак, и бабушка Бэйли решила, что она будет неплохо смотреться на морском берегу.

Волосы Элизабет собрала в низкий узел — с такой прической она была похожа на ту Элизабет, которая три года назад приехала в Филадельфию. Никаких украшений, кроме золотой пряжки на поясе и золотой шляпной булавки. Короче, на ней не было ничего, что кричало бы о ее принадлежности к пресловутым «четырем сотням». Она

даже не надела перчатки, просто несла их в руке и небрежно бросила на столик. Там эти длинные мягкие белые перчатки и пролежали весь день по соседству с альбомом для открыток, который преподнес Лиззи на именины молодой человек из извозчицкого двора. Сама же Лиззи щеголяла в Уиллоу-Гроув в длинных белых шелковых перчатках, крепко сжимавших новый розовый зонтик.

Бабушка Брэйди оглядела Элизабет с явным неодобрением. Этот наряд, который Элизабет выбрала то ли из отсутствия вкуса, то ли из упрямства, то ли из-за того и другого вместе, вряд ли годился для триумфа, на что бабушка и намекнула, похвалив усилия Лиззи. Ну куда это годится? Просто белое платье и какая-то бесформенная шляпа, ну совсем как у кучера. Она-то ожидала шелков, и митенок, и шляпы с цветами. Лиззи выглядит куда изящнее. Неужели миссис Бэйли назло отпустила Элизабет в таком виде?

Но поскольку уже было поздно отсылать Элизабет назад переодеться, миссис Брэйди пришлось смириться с разочарованием. Розовый зонтик оказался премилым, Лиззи была в полном восторге. Даже тетя Нэн смягчилась. Ей доставляло огромное удовольствие сравнивать девушек: ее

материнское сердце радовалось, ибо ее собственная плоть и кровь выглядела намного шикарнее этой, с Риттенхауз-сквер. И она искренне недоумевала, почему, пока они гуляли по Уиллоу-Гроув — девушки впереди, она чуть позади — прохожие по два раза оглядывались на Элизабет, и только по разу — на Лиззи. Значит, верно говорят, что не платье красит девушку? Об этом как-то неприятно думать…

Сласти были выше всяких похвал. Их было более чем достаточно на всех, включая двух юношей из извозчичьего двора, которые прилепились к ним с самого утра. Коробка была даже не одна, их было две: первая — с шоколадом всех возможных сортов, вторая — с разными конфетами и засахаренными фруктами. На обеих стояло заветное слово «Хьюлер». Лиззи, прогуливаясь по Честнат-стрит, проходила мимо «Хьюлера» и с завистью смотрела на девушек, выходивших из кондитерской с фирменными белыми коробками, перевязанным золотой тесьмой, с таким видом, будто это было самым обычным делом. И вот теперь и она ела конфеты из знаменитой коробки, теперь и она принадлежала к элите.

День был долгим и приятным даже для Элизабет. До этого она никогда не бывала в Уиллоу-

Гроув, и эта странная смесь природного парка и ярмарки тщеславия очаровала ее. Она в некотором роде отдыхала от однообразных светских мероприятий зимнего сезона. Ее не особенно раздражали даже громкоголосые неуклюжие юнцы из конюшен. Она воспринимала их как данность и не обращала на них внимания. Ее они робели и, к радости тети Нэн, все свои усилия обратили на Лиззи.

Они все по несколько раз прокатились на лошадках на карусели. Элизабет не могла понять, в чем тут радость, и, сделав один круг, уселась рядом с бабушкой и просто наблюдала, хотя старой даме хотелось, чтобы она веселилась наравне с остальными. Элизабет была не из тех, кто портит другим настроение, поэтому послушно забралась в огромную раковину, влекомую замызганной гипсовой нимфой, и крутилась, пока Лиззи не объявила, что пора попробовать что-нибудь еще.

Они отправились к Старой мельнице, потом в комнату смеха, потом поплавали на гондолах по Венеции, поедая сласти, жуя резинку и громко перекрикиваясь. Все, кроме Элизабет. Элизабет резинку не жевала и голоса не повышала. Это было не для нее. Но она искренне улыбалась остальным, и ее ни в коей мере не волновало,

что кто-то может увидеть столь популярную личность, как мисс Бэйли, в этой дурно воспитанной компании. Она понимала, что иначе они вести себя просто не умеют. И она тоже радовалась вместе со всеми. Они взвешивались на весах, подтрунивая друг над другом, пересмотрели все картины в местном синематографе. Пообедали они под деревьями, и наконец началась музыка.

Они уселись подальше — Лиззи объявила, что так удобнее. Мол, она не хочет «выставляться». С каждой стороны у нее сидело по молодому человеку, и скамейка под ними ходила от хохота ходуном. Время от времени на них с неодобрением посматривал страж порядка и жестами призывал вести себя потише, но компания продолжала хихикать. Элизабет радовалась, что они разместились в заднем ряду, а то недовольных было бы гораздо больше.

Но музыканты были отличными, и руководитель оркестра ей тоже понравился. Она заметила, что многие слушатели тоже были рады. Мелодии брали за душу. У нее не получалось вдоволь слушать хорошую музыку. В эти три года они, конечно, время от времени посещали Музыкальную академию, но, хотя бабушка и держала там ложу, у нее редко выдавалось время или

имелось желание ходить на концерты. Изредка, когда приезжали Мельба, или Карузо, или кто-то еще из мировых знаменитостей, она на часик появлялась в ложе, но обычно после того, как отзвучит какая-нибудь известная ария, удалялась, не заботясь о производимом ее уходом шуме, как будто оркестр вообще ничего не стоил, а ее саму интересовала лишь знаменитость. Поэтому Элизабет была незнакома радость целого концерта оркестровой музыки.

Она услышала, как Лиззи говорит:

— Да, это Вальтер Дамрош [3]! Ну разве не странное имя? Бабушка считает, что звучит как ругательство. Говорят, он хороший, но мне больше понравились те, что в прошлом году выступали. Они играли веселые вещицы, и у них была такая штука, которая кричала ну прямо как младенец, все с хохоту покатывались. Здорово было, уж поверьте. А вот такая музыка мне не очень-то. А вам?

И Джим с Джо согласились, что не очень, Элизабет же улыбнулась и продолжала наслаждаться

---

[3] Сноски: 3

Вальтер Дамрош (1862–1950) — американский дирижер немецкого происхождения. Был художественным руководителем Нью-Йоркского симфонического оркестра, впервые исполнившего многие произведения Джорджа Гершвина.

оркестром.

На повестке дня стоял арахис, и дружный хруст троицы вторгался в самые изящные пассажи. Элизабет очень хотелось, чтобы кузина отправилась на прогулку, что она наконец и сделала, любезно пригласив Элизабет присоединиться, но та отказалась и осталась дослушивать дневной концерт.

После ужина стали загораться вечерние огни, и Элизабет, глядя, как одно за другим вспыхивают окна в высоких домах на фоне синеющего июньского неба, вспомнила о Граде Небесном. Вот-вот должен был начаться вечерний концерт, послышались первые звуки, они неудержимо притягивали девушку. Впервые за день она сама решила куда-то направиться, остальные потянулись за ней, уже устав от развлечений и не представляя, чем еще можно было бы заняться.

Первую половину концерта они выдержали вполне смирно, но в антракте решили пойти посмотреть на электрический фонтан с разноцветными бликами и покататься на лодке. Элизабет же осталась на месте: фонтан ей был виден и отсюда. Даже бабушка и тетя захотели снова прогуляться, заявив, что с них хватит музыки. К тому же ее и издалека слышно, а им хочется

мороженого. Разве Элизабет не хочется?

Она мило улыбнулась. Позволит ли бабушка ей остаться и послушать вторую половину концерта? Она любит музыку, а оркестр такой чудесный. К тому же сегодня она уже не в состоянии что-либо съесть. И обе дамы, приговаривая, что это очень странно, когда девушка отказывается от мороженого, отправились за лакомством с чистой совестью, а Элизабет, выдохнув, откинулась на сиденье и закрыла глаза, слушая первые чистые звуки, которые как бы прощупывали атмосферу: пригодна ли она для того, что произойдет потом?

К концу изумительной пьесы — в программке она значилась как «Весенняя песня» Мендельсона — Элизабет открыла глаза и сразу же встретилась взглядом с человеком, который стоял в проходе и внимательно смотрел на нее — это был он, тот самый!

А он всматривался в ее прекрасный профиль и не верил своим глазам. Неужели это она, его маленькая загорелая подружка, дева прерий? Эта девушка с прекрасным, благородным, умным лицом, с безупречными манерами? Она выглядела как светлый ангел, заброшенный в разношерстную компанию посетителей воскресной школы и городских гуляк. Шум, клацанье, топот толпы

были от нее так далеко. Она была полностью поглощена сладкими звуками. Она взглянула на него, и ее лицо озарила улыбка, словно солнечный луч, проникший сквозь темные тучи. Ее глаза сказали: «Вот и вы, наконец-то!», а уста произнесли: «Как я рада вас видеть!»

— О, как же я надеялся, что вам ничто не грозило! — сказал он, обретя дар речи.

И в это мгновение она забыла все три года учебы, свой успех дебютантки и снова стала той девушкой, какой была, когда он впервые увидел ее. Она с благоговением глядела в лицо, которое так долго видела в мечтах.

Оркестр заиграл снова, и они сидели молча, слушая музыку. Но их души говорили друг с другом, как будто не было этих прошедших лет, они устремлялись друг к другу по мосту, построенному музыкой.

— Теперь я знаю, — произнесла Элизабет, глаза ее сияли. — Теперь я знаю, что все это значит. А вы? О, как я хотела бы, чтобы и вы тоже узнали.

— Узнал что? — растерянно переспросил он.

— Узнали, как Господь укрывает нас. Узнали, каким другом может быть Иисус Христос.

— А вы все та же, — сказал он радостно. — Вы совсем не изменились, вы все такая же. Вас не

смогли испортить.

— Так вы узнали? — спросила она мягко. Она с интересом и надеждой смотрела ему в глаза. Это было то, что ей так нужно, то, о чем она все это время молилась.

Он не отвел взгляда. Не желал. Больше всего на свете ему хотелось ответить так, чтобы ей понравилось.

— Кое-что узнал, наверное, — сказал он нерешительно. — Но не так много, как следовало бы. Вы мне поможете?

— Он сам поможет вам. Вы обретете Его, если будете желать этого всей душой, — серьезно ответила она. — Так сказано в Его Книге.

И снова зазвучала музыка — грустная, ищущая, нежная. Говорила ли она о небесах, о душах, о чем-то большем, чем эти две души?

Он наклонился к ней и тихо произнес слова, которые, казалось, диктовала сама музыка, да и голос его сливался с мелодией:

— Я очень постараюсь, если вы поможете мне.

Ответом была улыбка, в которой читался чистый восторг.

В финальные звуки анданте одной из симфоний Бетховена ворвался громкий голос Лиззи:

— Бесс! Бесс! Бесси! Эй, Бесси! Ма говорит, что

нам надо двигать к трамваям, если мы хотим захватить сиденья. Концерт скоро кончится, там будет такая давка! Пошли! И ба говорит, если хочешь, возьми с собой своего друга.

Эти последние слова сопровождались кивком в сторону молодого человека, который с удивлением повернулся посмотреть, кто это там говорит.

Одного взгляда на пышное платье из органди, шляпку в розах и розового зонтика — сколько б все это ни стоило — было достаточно: Джордж Бенедикт сразу понял, что представляет собой Лиззи.

— Может быть, вы предупредите и позволите мне доставить вас домой чуть позже? — негромко спросил он. — Толпа огромная, а у меня автомобиль.

Она с благодарностью кивнула. Ей надо было так много ему сказать! Она перегнулась через сиденье и четко и ясно произнесла, сопровождая свои слова улыбкой, принятой на Риттенхаус-сквер, — Лиззи чуть побаивалась этой улыбки:

— Я вернусь немного позже. Скажи бабушке, что я встретила старого друга, которого давно не видела. Думаю, что приеду одновременно с вами.

Они подождали, пока Лиззи передала все это

бабушке и тете, которые неохотно кивнули. Тетя Нэн насупилась: Элизабет вполне могла бы привести с собой своего друга и познакомить его с Лиззи. Она что, считает, что Лиззи для него недостаточно хороша?

Он завернул ее в большой мягкий плед, лежавший в автомобиле, усадил рядом с собой, и она почувствовала, что все те длинные трудные дни, миновавшие с их расставания, забыты, их смыло волной радости. Разве может сравниться внимание и интерес всех молодых людей, которых она встречала в свете, с этим нежным, этим совершенным вниманием? Она совершенно забыла о той леди, как будто никогда о ней и не знала. И больше всего ей хотелось сейчас поделиться с ее другом рассказом о другом, Небесном Друге.

Он не прерывал ее, а лишь смотрел на ее такое серьезное, такое вдохновенное лицо в лунном свете, ибо луна уже взошла, венчая своей короной всю красоту ночи. Искусственный блеск и шум Уиллоу-Гроув растаял позади, они ехали к городу в ночной тишине, и сердце молодого человека пело, пело, пело: «Я нашел ее! Она в безопасности!»

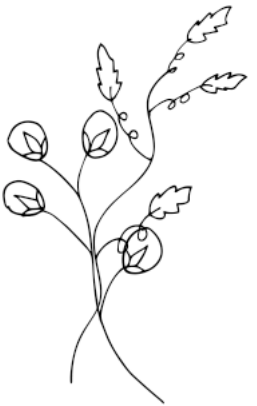
— Я все время молился за вас, — произнес он, когда она умолкла. Они как раз подъезжали к Флора-стрит. Уличные мальчишки все еще бегали

по мостовой, потому что ночь была теплой, они помчались за автомобилем, притормозившим у дверей. — Он надежно укрыл вас, и я возблагодарю Его в молитве. Я очень хочу видеть вас. Могу я посетить вас завтра?

— Да, — сказала она просто, в глазах ее светилась огромная радость.

Тут как раз от угла, от трамвайной остановки, подошли все Брэйди. Они в ожидании топтались у входа: сейчас бы как раз и затеять процедуру знакомства, но молодым людям явно было не до этого. Он приподнял шляпу и, словно благословляя Элизабет, произнес: «Доброй ночи». Девушка повернулась и вошла в скромный маленький дом к своим недоумевающим родственникам, и в глазах ее был свет, в походке — радость, а в снах, посетивших ее в эту ночь, — счастье.

Глава 16. Опять в одиночестве



— Ну-ка, посмотрим, что там пишут про нашу Бесси, — объявила наутро бабушка Брэйди, пристраивая на нос очки и закидывая одну плотную ногу на другую. — Всегда читаю светскую колонку, — пояснила она Элизабет.

Элизабет улыбнулась, а бабушка принялась зачитывать вслух:

«Мистер Джордж Трескотт Бенедикт и

его мать, миссис Винсент Бенедикт, вернулись домой после продолжительного тура по Европе. Здоровье миссис Бенедикт в значительной мере улучшилось. Говорят, они намерены провести лето в их загородном имении в Виссахиконхайтс».

— Ой! — прервала ее Лиззи со ртом, полным жареной картошки. — Это тот, который был помолвлен с мисс Как-Ее-Там Лоринг. Неужели не помните? Даже карточка в газете была, и его, и ее, а потом она в одночасье бросила его ради какого-то герцога или что-то в этом роде, и этот бедняга должен был уехать. Мне об этом Мэйми рассказывала. Ее сестра работает в универмаге и знает мисс Лоринг. Говорит, она ужасно красивая и Джордж Бенедикт был от нее без ума. Совсем помешался. Мэйми говорит, мисс Лоринг — как же ее звали? — а, Джеральдина, вот, Джеральдина Лоринг покупала у нее кружево. Слышала, как та говорит, это, мол, для платья на конный праздник. В газете было фото с праздника, так она прямо вся в кружевах, я сама видела. Стоило целое состояние. Не помню, почем за ярд. Но что-то у нее там с герцогом не заладилось, замуж за

него она так и не вышла. А на фото она правила четверкой лошадей. Неужели не помнишь, ба? Сидит вся такая в коляске, в руках поводья, кнут, элегантная фигура. Думаю, герцог оказался недостаточно богатый. Она так ни за кого и не вышла, не удивлюсь, если она опять возьмется за Джорджа Бенедикта. Он-то был так к ней привязан!

Лиззи продолжала что-то болтать, бабушка дальше зачитывала светские новости, но Элизабет ничего не слышала. Она вдруг вся закаменела. Казалось, жизнь ушла из нее навсегда. Леди! Ну как она могла забыть о леди? Джеральдина Лоринг! Надо же было, чтобы это оказалась она! Джеральдина Лоринг была из самой именитой семьи, занимала в обществе особое место. Хороша как картинка, но ее лицу, на взгляд Элизабет, не хватало доброты и ума. И она отдала свое сердце тому, чья судьба была в руках этой куклы! Впрочем, она слышала, что семья мисс Лоринг очень знатная и мать ее тоже дама очаровательная. Может, она неверно о ней судит. Ну конечно, неверно, потому что он бы не полюбил недостойную женщину.

Элизабет вернулась домой в подавленном настроении. Она сразу же прошла к бабушке Бэйли и, после того как прочитала ей все письма и вы-

полнила привычные обязанности, сказала:

— Бабушка, должна вам сообщить, что сегодня ко мне должен зайти один человек.

— Мужчина? — встрепенулась мадам Бэйли: уж она-то выберет, когда время придет, того, кого надо. — Что за мужчина?

— Я встретила его в Монтане, — ответила Элизабет, раздумывая, как много она может рассказать.

— Мужчина из Монтаны? Кошмар! — воскликнула теперь уже крайне встревоженная бабушка. — Но не тот ужасный тип, от которого ты бежала?

— О нет! — улыбнулась Элизабет. — Этот человек был очень добр ко мне, и он мне очень нравится.

Только этого не хватало! Необходимы срочные меры.

— Элизабет, — сказала мадам Бэйли строго. — Мне не по душе визиты твоих друзей из Монтаны. Ты должна каким-то образом отказать ему. Это приведет к большим осложнениям. Ты, кажется, не понимаешь своего положения в обществе. Нет ничего плохого в том, чтобы быть вежливой и милой со своими родственниками, хотя порой мне кажется, что ты слишком с ними мила. Можешь

посылать им подарочки, это уж куда лучше, чем самой к ним ездить. Но некто из ниоткуда, со стороны! Это невозможно. Я этого не допущу.

— Но, бабушка…

— Не прерывай меня, Элизабет. Я должна сказать еще кое-что. Сегодня утром я разговаривала с людьми из пароходной компании. Они готовы предоставить нам каюты на «Германии» в эту субботу, и я решила их взять. Я уже им телеграфировала, и сегодня мы уезжаем в Нью-Йорк. У меня есть в Нью-Йорке дела. Мы на несколько дней остановимся в «Уолдорфе», у тебя будет возможность узнать Нью-Йорк получше. Еще не очень жарко для прогулок, некоторые наши друзья тоже остановятся в «Уолдорфе», а Крэйги отплывают в субботу вместе с нами. Так что у тебя в путешествии будет молодая компания.

Сердце у Элизабет упало — она даже не представляла, что оно может так падать. Она страшно побледнела. Наблюдательная бабушка подумала, что поступила правильно, быстро найдя решение. Мужчину из Монтаны ни в коем случае допускать в дом нельзя, уж об этом она позаботится, отдав тайком от Элизабет соответствующие указания.

Девушка побрела в свою комнату. Вдруг она

вспомнила, что вчера вечером так и не дала ему своего адреса, не рассказала о своих обстоятельствах. Поразмыслив, она пришла к не самому приятному решению, что, возможно, даже сейчас, в этот трудный момент, Господь уберегает ее от какой-то еще большей беды. Мистер Джордж Бенедикт принадлежит Джеральдине Лоринг. Он сам сказал ей об этом еще там, в Монтане. И с ее стороны будет неправильно возобновлять их знакомство. Сердце с огромной болью подсказывало ей, что не стоит мечтать о дружбе, которой не суждено длиться.

Печальная, она села за письмо.

«Дорогой друг!» — написала она на простом, без герба, листе: она не хотела, чтобы он знал, как изменились ее обстоятельства. Пусть она останется для него простой девушкой из Монтаны.

> «Моя бабушка заболела, и ради ее здоровья мы должны уехать. К сожалению, мы уезжаем сегодня. Не знаю, сколько продлится наше путешествие. Мне очень жаль, что нам не удастся встретиться, но я посылаю вам книжечку, которая помогла мне познать Иисуса Христа. Надеюсь, она поможет и вам. Она называется „Мой

лучший друг“. Я не забуду молиться за вас и о том, чтобы вы нашли к Нему дорогу. Он так важен для меня! Я должна поблагодарить вас, хотя никаких слов не хватит, чтобы выразить мою вам благодарность за вашу доброту. Это Господь послал мне вас, я уверена. Ваш всегда благодарный друг, Элизабет».

И все, ни даты, ни обратного адреса. Он принадлежит другой, лучше не оставлять ему шанса найти ее, если он вдруг пожелает. Пусть лучше будет так.

Она отправила записку и книжку на его адрес на Уолнат-стрит, написала бабушке Брэйди о том, что надолго уезжает с бабушкой Бэйли, и отдала себя в руки провидения, как послушный, но отчаявшийся ребенок.

И вечером нью-йоркский поезд увозил в своем купе мадам Бэйли, ее внучку, ее горничную и ее собаку: они отправлялись в Европу. О чем сообщалось в колонке светских новостей, несколькими днями позже прочитанной бабушкой Брэйди, а также Джорджем Бенедиктом, но он не придал никакого значения этому известию.

Получив ее письмо, он был так же взволнован,

как и увидев, что маленькая смуглая девушка на маленькой коричневой лошадке исчезает за маленькой коричневой железнодорожной станцией в прериях. Он вызвал свой автомобиль и помчался на Флора-стрит, но в волнении вчерашнего вечера не обратил внимания, ни в каком именно квартале находился дом, ни какой у него номер. Он полагал, что знает, как его найти, но в ярком свете дня все дома во всех трех кварталах были похожи, и он ни за что не мог бы вспомнить, сворачивали они направо или налево. Он проехал и в ту, и в другую сторону, но не заметил никого, кто был бы похож на мельком виденных им в Уиллоу-Гроув людей.

Не мог он и спросить, где она живет, потому что не знал ее полного имени. Ничего, кроме Элизабет, а родные называли ее просто Бесси. Не будет же он ходить из дома в дом, спрашивая про девушку по имени Бесси! Они решат, что он полный идиот, да он таковой и есть, если даже не узнал, как ее зовут. Ну как он мог, только найдя, позволить ей снова ускользнуть?

Наконец его осенило. Он спросил уличных ребятишек, знают ли они девушку по имени Элизабет или Бесси, которая здесь живет, но они дружно качали головами, хотя один и сообщил,

что «здесь живет Лиззи Смит». Но это ни о чем ему не сказало, и он отправился домой терпеливо ждать ее возвращения. Она же когда-нибудь вернется? Она не сказала, что вернется, но и не сказала, что не вернется. Один раз он уже нашел ее, найдет и снова. А еще он станет молиться. Она обрела покой в молитве, обретет и он. И узнает, в чем ее секрет. Подружится с ее «лучшим другом». Он усердно изучил маленькую книжечку, а потом узнал, кто ее написал, — тот самый пастор, который своими искренними молитвами наставил Элизабет на путь. Но сей факт нашему молодому человеку был неведом.

Шли дни. Наступила суббота. Элизабет стояла на палубе «Германии» и с тяжелым сердцем наблюдала, как удаляются родные берега. И снова исчезает вдали Джордж Бенедикт.

Из глаз Элизабет катились слезы, и она с тоской подумала, что вот опять она убегает от него, и теперь не по своей воле. Ее увозят. Но, может, так-то оно и лучше.

И ей ни разу не пришло в голову, что, если бы она сказала бабушке, кем был этот друг из Монтаны, где он жил в Филадельфии, все было бы по-другому.

С самого начала вояжа бабушка Бэйли чувство-

вала себя все хуже, и, достигнув другого берега, они в поисках выздоровления принялись переезжать с места на место. Воды в Карлсбаде ей не помогли, так что они отправились на юг Франции в надежде на климат. С каждым переездом старая дама становилась слабее и сварливее. В конце концов она прекратила сопротивление и сдалась, приняв на себя роль инвалида. Поэтому Элизабет не отходила от нее ни на шаг. Мадам Бэйли требовала, чтобы ей постоянно читали, а ни один голос не успокаивал ее так, как голос Элизабет.

Постепенно Элизабет начала самостоятельно выбирать книги для чтения, против чего бабушка не возражала, и время от времени читала страницу-другую из книги, в которой говорилось о ее Лучшем Друге. Поначалу потому, что эта книга была написана ее дорогим пастором, но в конце концов потому, что написанное стало проникать в ее душу, и она даже разрешала Элизабет говорить на эту тему. Но лишь через три месяца их пребывания вдали от дома, когда с каждым днем она становилась все слабее, бабушка позволила Элизабет зачитывать отрывки из Библии.

Девушка выбрала четырнадцатую главу Евангелия от Иоанна, и вновь и вновь, когда бабушкой в очередной раз овладевало беспокойство, пере-

читывала слова «Да не смущается сердце ваше…», пока эта эгоистичная душа, всю жизнь занятая тем, чтобы угождать требованиям света и потакать своим собственным прихотям, не успокоилась и не почувствовала, что, наверное, верит в Господа и готова принять его приглашение. «Верь в меня…»

Как-то раз Элизабет читала псалмы, а бабушка лежала тихо-тихо, и девушке показалось, что она заснула. Элизабет замолчала, с тяжелым сердцем думая о том, что будет, если бабушка не поправится. И вдруг старая леди открыла глаза.

— Элизабет, — сказала она тем же повелительным тоном, каким говорила, когда была здорова. — Ты хорошая девочка. Я рада, что ты ко мне приехала. Без тебя я не смогла бы умереть так, как полагается. Раньше я о таких вещах не задумывалась, а стоило бы. Это дом Отца моего. Он мой Отец, Элизабет.

И она снова уснула. Элизабет на цыпочках вышла, оставив с бабушкой сиделку. А через какое-то время из бабушкиной комнаты появилась Мари, вся в слезах, и сказала, что мадам скончалась.

Элизабет привыкла к смертям. Напугана она не была, но она вновь осталась совсем одна перед

целым миром, да к тому же в чужой стране. На этот раз у нее были и деньги, и помощники, все приготовления прошли довольно гладко, но, когда они завершились, Элизабет поняла, что опасается того, что ждет ее в стране родной. Что ей делать потом, когда тело бабушки предадут земле? Она не сможет жить в огромном доме на Риттенхауз-сквер, не сможет она чувствовать себя хорошо и на Флора-стрит. О, конечно, Отец Небесный укроет ее. Ей не нужно строить самой никаких планов: у Него найдется для нее план. Дома земные — это ведь Его дома тоже, как и чертоги небесные.

Эта мысль поддерживала ее и на всем печальном пути домой, и в тот день, когда тело бабушки было предано земле на семейном участке Бэйли, а она вернулась одна в пустой дом. Только после похорон она отправилась повидать бабушку Брэйди. Она не звала ее на похороны: ей казалось неуместным присутствие враждебно настроенной бабушки Брэйди на похоронах бабушки Бэйли. Она считала, что бабушке Бэйли это не понравилось бы.

На Флора-стрит она отправилась в экипаже: слишком велика была усталость, чтобы идти пешком или ехать трамваем. В пути она пере-

бирала имена тех, с кем хотела бы повидаться. Одним из первых известий, встретивших ее на родной земле, было известие о том, что мисс Лоринг через несколько дней выходит замуж. Это известие поразило ее как громом, и всю дорогу она старалась приспособиться к этой мысли. Не помогла ей и первая фраза, сказанная бабушкой Брэйди с мрачным видом:

— Этот твой знакомый в автомобиле все лето колесил по нашей улице, иногда по два раза на день. Мне его даже жалко стало. Если б он так не задирал нос, он бы меня узнал и я бы с ним поговорила. Ясно как божий день, тебя искал. Он что, не знает, где ты живешь?

— Боюсь, не знает, — печально ответила Элизабет. — Бабушка, не хочешь ли переехать ко мне на Риттенхауз-сквер?

— Я? На Риттенхауз-сквер? Силы небесные, детка, конечно нет. Вот мой дом. Я прожила в нем всю жизнь и теперь, в мои-то годы, не собираюсь ничего менять. Если хочешь сделать для меня что-то хорошее, когда у тебя завелись деньги, то вот что тебе скажу: мне всю жизнь хотелось жить в доме с белыми мраморными ступеньками. Вот этого мне всегда хотелось. На соседней улице как раз есть такой дом, и он не очень дорогой. Там

для всех нас хватит места, и для Лиззи тоже, когда она выйдет замуж. И гостиная там большая. А ты пошлешь ей розы, да?

— Хорошо, бабушка. Будет тебе этот дом, — со вздохом облегчения произнесла Элизабет и вскоре засобиралась обратно. Через несколько дней она подумает, как все устроить, спешки не было. Она была рада, что бабушка Брэйди отказалась переехать к ней: без нее будет проще.

Она вернулась на Риттенхауз-сквер, и дом показался ей таким большим и пустым, что она была рада услышать телефонный звонок. Звонила жена пастора, пригласила на скромный ужин.

Это было единственное место во всем огромном городе, где она могла не чувствовать своего одиночества. Здесь не придерживались никаких формальностей, никаких церемоний, здесь жили друзья. И это было хорошо. Доктор скажет ей какие-то правильные слова, поможет ей. Как хорошо, что они ее позвали.

Глава 17. Последний побег и последняя погоня

— Джордж, — сказала миссис Винсент Бенедикт, — я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал.

— Конечно, мама, все, что в моих силах.

— Ах, от тебя требуется всего лишь сопроводить меня сегодня вечером на ужин. Мне позвонила жена пастора, очень просила нас прийти. Особен-

но настаивала, чтобы ты тоже был. Сказала, ты ей очень нужен. Что-то там связанное с благотворительностью, говорит, будет очень признательна тебе, если придешь. У нее будет какая-то ее молодая подруга, пребывающая в печали, и она надеется, что ты сумеешь ее развеселить. Ну не хмурься! Обещаю, на этой неделе больше ни разу тебя не побеспокою. Я знаю, что ты терпеть не можешь ни ужины, ни молодых особ, но здесь особый случай. Девушка только что прибыла из Европы и вчера похоронила бабушку. На всем свете у нее нет ни одной родной души, и жена пастора позвала ее на скромный ужин. Она, конечно же, не выходит в свет: у нее траур. А доктор тебе нравится.

— Доктор мне нравится, верно, — сказал, хмурясь, Джордж. — Но я лучше пообщаюсь с ним наедине, чем в присутствии очередной девушки, которую мне опять подсовывают. Устал я от этого. И вот уж не думал, что супруга пастора на такое способна: как-то это не по-христиански.

— Ну, Джордж, — строго одернула его мать. — Ты оскорбляешь одновременно и эту девушку, и наших друзей. Супруге пастора и в голову такое прийти не может. Эта девушка, похоже, весьма необычна: очень религиозная, и супруга пастора

полагает, что ты как раз тот человек, который мог бы как-то скрасить ее печаль. Она несколько раз извинялась, что просит тебя прийти. Так что придется тебе идти.

— Хорошо, и кто этот образец добродетели? Я ее знаю? Что ж, действительно придется идти.

— Некая мисс Бэйли, — облегченно вздохнув, сказала его матушка. — Внучка миссис Меррилл Уилтон Бэйли. Ты ее встречал? Я — нет.

— Никогда о ней не слыхал, — буркнул Джордж. — И был бы рад оставаться в неведении.

— Джордж!

— Хорошо, ма, пойдем. Буду вести себя хорошо. Чем она занимается? Танцует, играет в бридж и поет?

— Понятия не имею, — засмеялась миссис Бенедикт.

— Конечно, она занята именно этим, раз образец добродетели — все они такие. Буду готов через полчаса. Чем раньше отправимся туда — тем раньше освободимся.

Миссис Бенедикт тяжело вздохнула. Ну почему Джордж никак не найдет себе подходящую девушку из хорошей семьи и не угомонится? Но он был таким странным, таким беспокойным. Она

за него волновалась. Волновалась с того самого времени, когда они вместе после ее тяжелой болезни отправились в Европу. Временами он казался таким грустным, бродил с отсутствующим видом. Если бы эта мисс Бэйли оказалась столь же хороша, как о ней говорят! Если бы Джордж обратил на нее внимание!

Когда он вошел в гостиную, Элизабет сидела в глубоком кресле у камина. Он не ожидал никого встретить здесь: он слышал какие-то голоса наверху и полагал, что это мисс Бэйли разговаривает с хозяйкой дома. Его мать задержалась в холле — слуга помогал ей раздеться, поэтому он вошел в гостиную один. Она шевельнулась, подняла глаза и увидела его.

— Элизабет! — воскликнул он и, бросившись вперед, схватил ее руку. — Я снова вас нашел! Как вы сюда попали?

Но она не успела ответить, потому что в этот момент в гостиную вошли дамы, а Джордж и Элизабет стояли молча и лишь улыбались друг другу.

— О, так вы уже знакомы? — воскликнула хозяйка. — Как хорошо! Я знала, что вы будете рады встрече. Элизабет, детка, а ты не говорила, что знаешь Джорджа!

Джордж Бенедикт забеспокоился, что вот-вот явится эта мисс Бэйли, но, к его радости, она не пришла, а когда они перешли в столовую, оказалось, что за столом для нее место не предусмотрено. Так что она, видно, предпочла остаться дома. Он мгновенно забыл о ней, тем более что Элизабет усадили рядом с ним. Его мать, сидя напротив, наблюдала, как его лицо светилось уже забытой радостью, когда она передавал девушке оливки: он явно не замечал никого больше.

Для Элизабет это был восхитительный вечер. Они без умолку болтали друг с другом, и под влиянием этого, такого знакомого разговора она забыла и о «леди», и обо всех смущавших ее вопросах. Она наслаждалась миром, любовью и радостью.

И только в конце вечера, когда гости собрались расходиться, миссис Бенедикт обратилась к Элизабет как к мисс Бэйли. До сего момента ее сыну и в голову не приходило, что пресловутая мисс Бэйли весь вечер была рядом с ним. Он удивленно повернулся к ней, глянул ей в глаза и увидел в них понимающую улыбку: определенно, она была способна читать его мысли.

От дома пастора до дома Элизабет было лишь площадь перейти, и миссис Бенедикт с сыном

проводили ее до дверей. У него не было возможности поговорить с ней наедине, однако, прощаясь, он произнес: «Я увижу вас завтра утром?»

В ответ на этот вопрос Элизабет сказала только «Спокойной ночи» и вошла в дом.

— Джордж, ты уже раньше встречал ее? — осведомилась мать.

— Да, — коротко ответил он, и чтобы предотвратить дальнейшие расспросы, поспешно добавил: — Мы когда-то уже встречались. Она очень красивая.

А поскольку мама боялась сказать что-то лишнее, она лишь кивнула. Впервые за долгое время Джордж назвал девушку красивой.

Элизабет прошла в свою комнату и заперлась. В голове у нее не было ни одной мысли, сердце пело от счастья. И все же где-то там, в глубине, таилась мысль о леди, прекрасной леди, за которую они вместе молились в прериях. И, словно напоминание об этом, она увидела лежавший возле ее туалетного столика клочок газеты. Наверное, его уронила Мари, когда приходила зажигать лампы. Это был всего лишь оторванный от газеты уголок и место ему было в мусорной корзине, однако взгляд Элизабет выхватил набранный крупным шрифтом заголовок: «Мисс Джеральдина Ло-

ринг сочетается тщательно подготовленным браком»: подробности отсутствовали, поскольку остальной текст был оторван. Но и этого было достаточно, чтобы напомнить ей о ее долге.

Она преклонила колени возле кровати и взмолилась: «О, Отец мой, укрой меня, спрячь меня! Я в беде, укрой меня!» Вновь и вновь повторяла она эти слова, пока на душе у нее не стало спокойнее и она смогла думать.

Она села и принялась размышлять.

Этот человек, которого она любила всем сердцем, через несколько дней женится. На свадьбе будет весь свет. Он обещан другой, не ей. Однако он — ее друг и придет ее повидать. Но, придя, он взглянет на нее своими ясными глазами и увидит, что она любит его. И это будет ужасно!

И вот еще что. Она явственно слышала радость в его голосе, когда он воскликнул «Элизабет!». Она видела его глаза. Он сам в опасности. Она знала это, она не могла скрыть это от себя. Она должна помочь ему быть честным с женщиной, с которой он обручен и на которой теперь должен жениться.

Она должна уехать, должна бежать. И сейчас. Значит, ей суждено все время от кого-то убегать. Она отправится в горы, туда, где все началось.

Теперь она не боялась того человека. Культура и образование сделали свое дело. А вера придала ей твердости. Она может вернутся, под защитой своих денег и, выбрав в качестве компаньонки надежную немолодую женщину, обеспечить таким образом свою безопасность. Но она не может остаться до утра, чтобы встретиться в Джорджем Бенедиктом, и не в состоянии лицезреть Джеральдину Лоринг в день ее свадьбы. Ее присутствие на свадьбе не обязательно — траур по бабушке спасет ее от появления на публике. Но все равно она будет здесь, в городе. И она этого не вынесет.

Ее адвокаты все организуют. Купят тот дом, о котором мечтает бабушка Брэйди, выделят денег, чтобы она, Элизабет, могла построить церковь. Она вернется назад и будет учить одинокие души обитателей гор и прерий учению Христа, ведь Он хотел, чтобы все люди были подобны Ему. А еще она установит на могилах отца, матери и братьев надгробные камни со словами, которые будут нести надежду всем забредшим в эти края путникам. Да, этим она и объяснит обществу свой отъезд — как если бы она нуждалась в оправданиях: она едет установить памятник на могиле отца. Но настоящим памятником ему будет по-

строенная ею церковь, все равно, где именно. Она так решила.

Это был беспокойный вечер. Призвали Мари, чтобы она упаковала все необходимое для срочной поездки. Позвонила по телефону: ей ответил сердитый заспанный оператор. Но Элизабет все-таки выяснила, во сколько отходит первый поезд на Чикаго, и только после этого легла спать.

Рано утром Джордж Бенедикт уже заказывал у флориста цветы, и когда их принесли, лично доставил их к дверям Элизабет.

Он не ожидал, что она встанет так рано, но ему было приятно доставить их самому. Цветы отнесут в ее комнату, и, проснувшись, она сразу увидит, что он помнит о ней. Он улыбался, звоня в дверь.

На пороге возник старый дворецкий. Выглядел он так, будто не спал всю ночь. Он безучастно выслушал сообщение: «Для мисс Бэйли, с пожеланиями доброго утра от мистера Бенедикта», затем лицо его приняло умоляющее выражение.

— Простите, мистер Бенедикт, — сказал он с таким видом, будто во всем происходящем была его личная вина, — но она уехала. Мисс Элизабет скорая на решения и, когда она прошлым вечером вернулась домой, решила первым же

поездом ехать в Чикаго. Она уехала на станцию всего десять минут назад. Они опаздывали, поэтому сильно спешили. Полагаю, экипаж вернется с минуты на минуту.

— Уехала? — переспросил Джордж Бенедикт, стоя на крыльце и напряженно вглядываясь в улицу, как будто взгляд мог ее вернуть. — Уехала? В Чикаго, говорите?

— Да, сэр. Она уехала в Чикаго. Оттуда поедет дальше, но сейчас села на чикагский поезд. Она отправилась ставить памятник сыну мадам, Джону. Отцу мисс Элизабет. Сказала, что должна ехать срочно.

— Во сколько уходит поезд? — спросил молодой человек. У него оставалась искорка надежды — как тогда, когда он предпринял сверхчеловеческие усилия, пытаясь нагнать в прериях скакавшую во весь опор девушку: он кричал ей, а она не останавливалась.

— В девять пятьдесят, сэр, — ответил дворецкий. Хорошо бы этот молодой человек нагнал ее. Ей нужен кто-то. Дворецкий часто горевал о том, что эта чудесная юная дева, чистый бриллиант, совершенно одинока, нет у нее ни близкого друга, ни возлюбленного.

— В девять пятьдесят? — переспросил он, глядя

на часы. Не успеет! — С вокзала на Броуд-стрит?

— Да, сэр.

Успел бы, если б был на машине? Может быть — и то если поезд опаздывает. Оставался, правда, шанс перехватить поезд на Западном вокзале, но он был без автомобиля! В отчаянии он вновь обратился к дворецкому.

— Позвоните! — взмолился он. — Если возможно, остановите ее, пусть она не садится на поезд, а я постараюсь ее догнать. Я должен ее видеть! Это очень важно!

И он помчался вниз по ступеням, лихорадочно просчитывая варианты. Как туда добраться? Единственная возможность — на трамвае, но трамвай идет слишком долго. И все же он помчался в сторону Честнат-стрит, твердя молитву: «О Отец мой, помоги мне! Помоги! Сохрани ее для меня».

По Уолнат-стрит на бешеной скорости мчался и отчаянно гудел красный автомобиль, но разве мог какой-то автомобиль остановить Джорджа Бенедикта? Его бы непременно сбили, если бы не схвативший и поваливший его на землю полицейский. Машина резко затормозила и знакомый голос прокричал: «Господи, Джордж, это ты? Что ты делаешь? Я тебя чуть не задавил! Куда ты так

спешишь? Запрыгивай, мигом домчу!»

Молодой человек запрыгнул на сиденье и крикнул:

— На Западный вокзал, к чикагскому поезду! Поспеши! Поезд отходит с Бонд-стрит в девять пятьдесят. Гони, Билли, буду твоим должником навеки!

Они неслись на полной скорости к Западному вокзалу, не думая ни о том, действительно ли им стоит стремиться именно к этой станции, ни обращая внимания на правила и вопящих им вслед полицейским.

Джордж Бенедикт выпрыгнул из машины на ходу и почти снова чуть не угодил под колеса. Он ворвался на станцию, промчался мимо контролера, сидевшего в будке у подножия лестницы, и поспешил наверх, перескакивая через три ступеньки. Охранник заорал: «Быстрей! Поезд только тронулся!», чья-то дружеская рука втянула его на площадку последнего вагона.

С минуту он был не в состоянии ясно мыслить. Ему казалось, что он должен на той же скорости промчаться по всей длине поезда, а то она опять ускользнет от него. Чтобы прийти в себя, он присел на свободное сиденье. Ну да, он уже в поезде! Он успел!

Но возникал следующий вопрос: а в поезде ли она? Или она нашла еще какой-то способ убежать от него? Старик-дворецкий мог до нее дозвониться, хотя он сомневался, что ее можно было бы остановить. Уж он-то знал, какой у нее решительный характер, и начал подозревать, что и в этой ее попытке сбежать от него, и в прежних попытках была какая-то причина… Мысль была отрезвляющая, но что тогда значил тот ее взгляд, та улыбка, которая, словно солнце, озарила его душу?

Однако сейчас было не до вопросов. Он не остановится, пока не найдет ее. И тогда ей придется объяснить все без утайки. Он больше не перенесет разлуки, если только не поймет, в чем суть дела. Он встал и на все еще дрожащих ногах отправился на поиски Элизабет.

И вдруг понял, что по-прежнему держит в руках букет! Цветы поломались, растрепались, но он держался за них, как за последнюю надежду. Он грустно улыбнулся, шагая по проходу с этим цветочным подношением. Да, это было совсем не похоже на тот утренний визит, который он планировал, и не так он намеревался преподнести цветы, но разве он не старался как мог? И наконец в самом дальнем от хвоста поезда вагоне он

увидел ее. Она сидела, ссутулившись, и грустно смотрела на проносящийся мимо пейзаж.

— Элизабет!

Он стоял в дверях купе, она повернулась к нему, словно пробудившись от глубокого сна, ее лицо озарилось счастьем. Она прижала руки к груди и улыбнулась.

— Я принес вам цветы, — мрачно сообщил он. — Хотя сомневаюсь, что от них что-то осталось, но все же это цветы. Надеюсь, вы их примете.

— Ох! — выдохнула Элизабет и взяла коробку с бедными растрепанными розами с такой осторожностью, словно это был чудом спасшийся от опасности младенец. Она бережно вынула букет из изломанной коробки так, будто собиралась его вылечить. Он наблюдал за ней и изумлялся: разве достойны увядающие цветы такой нежности?

Наконец он заговорил, прерывая ее немой диалог с розами.

— Почему вы убегаете от меня? — потребовал он ответа.

— А что вам с того, что я убегаю? — Она глянула на него с любовью — но и с упрямством.

— Неужели вы не понимаете, что я люблю вас? — спросил он чуть ли не гневно, усаживаясь рядом с ней. — Уже дважды меня отрывали от

вас, или вас от меня, не знаю, неужели не понятно, что я больше не выдержу? Отвечайте, прошу вас, — потребовал он тихо, но решительно.

— Этого я и боялась, — она опустила глаза и побледнела.

— Но почему, чего вы боялись? Почему убегали? Неужели я вам совсем безразличен? Ответьте. Если вы не можете полюбить меня, тогда понятно, но я должен все знать, и немедленно.

— Я люблю вас так же, как вы любите меня, — сдалась она. — Но…

— Что — но?

— Но вы ведь женитесь на днях, — сказала она, подняв на него полный отчаяния взгляд.

Он в удивлении смотрел на нее.

— Кто, я? Вот это для меня новость, самая занимательная новость, которую я когда-либо слышал! И когда же это произойдет? Хорошо бы сегодня. Давайте сегодня, хорошо? Давайте остановим этот богом благословенный поезд, вернемся к доктору, уж он сделает так, чтобы мы больше никогда не расставались. Элизабет, посмотрите на меня!

Но Элизабет смотрела в пол полными слез глазами.

— Ваша леди, — заговорила она, пытаясь спра-

виться с рыданиями. Как же она устала, и как прекрасно было это его предложение…

— Какая леди? Кроме вас, Элизабет, у меня нет никакой леди, и никогда не было. Неужели вы этого не поняли? Я понял давно. То, что было до встречи с вами, оказалось лишь наваждением, глупостью. Я отправился в прерии, чтобы избавиться от этого наваждения, и забыл о нем навсегда. После того как я увидел вас, она для меня уже ничего не значила.

— Но… Говорят… И в газете было, я сама видела. Вы не можете ее сейчас оставить, это был бы бесчестием.

— Черт побери! — возопил молодой человек. — В газете! Какая леди?

— Лоринг, Джеральдина Лоринг! Я читала, что к свадьбе все готово и что она выходит за вас замуж.

Он расхохотался, но мгновенно умолк, когда увидел, что лицо ее вновь исказилось болью.

— Простите, дорогая, — сказал он с нежностью. — Да, между мисс Лоринг и мной был легкий флирт, но я был одним из многих, с кем она флиртовала. Мою матушку это очень расстраивало, и, как вы знаете, чтобы избавиться от всего этого, я и отправился на Запад. Я знал, что

она принесет мне только несчастье, что она и не подумает измениться. И я счастлив и благодарен Господу, что уберег меня от нее. Она выходит замуж за моего дальнего родственника, тоже Бенедикта, и слава богу, не я на ней женюсь. На всем белом свете есть только одна женщина, на которой я хочу, мечтаю жениться, и она здесь, рядом со мной.

Поезд набирал ход. Скоро кондуктор дойдет и до их. Молодой человек наклонился и взял ее маленькую руку в перчатке. Элизабет почувствовала, что невероятная надежда, соблазнявшая ее все эти три года, сбылась и превратилась в прекрасную действительность. Теперь она принадлежит ему. Навеки. Ей уже нет нужды убегать.

Появился кондуктор, и им пришлось снова столкнуться с реальным миром. Молодой человек вынул свою карточку, перемолвился парой слов с кондуктором, упомянув имя своего дядюшки, который, так уж совпало, оказался начальником дороги, объяснил ситуацию. Видите ли, обстоятельства переменились, и молодой леди необходимо срочно вернуться домой. Он успел вскочить на поезд на Западном вокзале — догнал на автомобиле, вот как был, без багажа и денег. Не

будет ли кондуктор так добр отпустить их, чтобы они могли вернуться в город самым коротким из возможных путей?

Кондуктор хмурился и бранился, на все лады распекал тех, «кто сами не знают, чего хотят» и «пытаются повернуть Землю вспять», потом посмотрел на Элизабет, и она улыбнулась. И вдруг на угрюмую кондукторскую физиономию вернулась улыбка, о существовании которой он и сам много лет как забыл, и он отпустил их с Богом.

Они пересаживались с трамвая на трамвай, пока не нашли гараж, откуда помчались назад.

Церемониться эти двое, встретившиеся в диких прериях, не стали. Они сразу же отправились к миссис Бенедикт за благословением, а от нее — к священнику. И уже через неделю в просторной каменной церкви состоялась скромная церемония, во время которой Элизабет Бэйли и Джордж Бенедикт были связаны священными узами брака.

На бракосочетании присутствовали миссис Бенедикт и несколько близких друзей семьи, а также бабушка Брэйди, тетя Нэн и Лиззи.

В качестве свадебного подарка Лиззи преподнесла дюжину хлебных тарелок из десятицентового магазина. Они были расписаны ангелочками

и розами и позолоты тоже хватало. И все же Лиззи была разочарована: ни тебе выставки свадебных подарков, никакой торжественности. Простое белое платье да фата. Лиззи было невдомек, что фата передавалась в семье Бэйли из поколения в поколение и платье тоже было фамильное. Бабушка Бэйли в свое время отдала его внучке, добавив, чтобы, когда придет срок, она венчалась именно в нем. Прекрасная, нежная, шла она по проходу к своему суженому, улыбнувшись по дороге бабушке Брэйди, и душа бабушки Брэйди наполнилась триумфом. Вот, Элизабет и среди своих утонченных друзей не стесняется того, что она тоже из Брэйди. А Лиззи всю дорогу домой ворчала по поводу церемонии, отсутствия подружек невесты и даже намека на пышность.

В колонке светских сплетен написали, что молодые мистер и миссис Бенедикт отправились в свадебное путешествие на Запад, бабушка Брэйди с гордостью прочитала об этом вслух за завтраком. Лиззи презрительно прокомментировала:

— Ишь ты, «на ней было трикотиновое темно-синее платье и простая темная шляпка». Ну ни капли вкуса! Господи! Да если б у меня были такие деньжищи, уж я бы всем показала! Во всяком случае, хорошо, что они поехали частным

вагоном. Так что хоть какой-то класс у нее есть, но будь я на ее месте, я бы ехала в первом классе, чтобы все видели, какой у меня красавец-муж. А на него приятно посмотреть, на этого Джорджа Бенедикта! Когда они идут, на них все оборачиваются, а они шествуют, будто никого и не видят. Ну что за нелепость? Нет, вот мне было б стыдно быть такой нелепой!

— Хватит, Лиззи, ты не должна так говорить! — оборвала ее бабушка. — После всех денег, что она дала тебе на твою свадьбу! Тысячу долларов на личные расходы, да еще постельное белье. Ты считаешь ее дурочкой, потому что она не выпендривается, как ты. Только она вовсе не дурочка. Голова у нее дай бог каждому, и в жизни она добьется больше, чем ты. Она всегда была к нам добра, всегда о нас заботилась, хотя никаких для того причин у нее нет. Мы-то не сильно участвовали в ее жизни. И посмотри, как она со всеми нами мила, совсем нос не задирает. Так что, Лиззи, постыдилась бы!

— Ну и ладно, — Лиззи передернула плечиками. — Ну и пусть она делает так, а у меня все по-другому. И слава богу, что я сообразила настоять на своем, когда она предложила мне приданое. Спрашивает, как лучше — чтобы она

сама мне все купила или дала денег, чтобы я выбрала, а я такая: «О, кузина Бесси, ну зачем тебе беспокоиться! Если тебе без разницы, я возьму деньги», а она знай себе улыбается и говорит, мол, все в порядке, она и предполагала, что я лучше знаю, что мне надо. Так что, когда вчера я пришла на станцию ее проводить, она выдала мне чековую книжку. И — ой, совсем забыла! Она сказала, что там внутри записка. У меня времени не было сразу посмотреть, в кино опаздывала, она так и лежит у меня в кармане пальто. Наверняка что-нибудь такое религиозное. Сейчас достану! Вечно она за меня молится, не то чтобы она об этом твердит постоянно, но вот это прямо чувствуется и ужасно действует на нервы. Словно постоянно у Господа под присмотром. Даже настроение портится, повеселиться не дает, как будто все, что ни сделаешь, — все против Библии!

Лиззи выскочила в переднюю и вернулась, неся пальто и роясь в карманах.

— А, вот оно! Ма, хочешь посмотреть на цифры? Ты когда-нибудь видела целую тысячу долларов на банковском счету, а?

Миссис Брэйди надела очки и потянулась за книжкой, а матушка Лиззи встала у нее за спиной, чтобы получше разглядеть волшебные цифры.

Из книжки к ногам Лиззи выпал маленький белый листок, но Лиззи на него даже не глянула: все ее внимание поглотила новенькая чековая книжка.

Честь открытия принадлежала бабушке Брэйди:

— Но, Лиззи! Здесь не одна тысяча, здесь пять тысяч! Может, она ошиблась?

Лиззи схватила книжку и уставилась в нее с раскрытым от удивления ртом.

— Ну-ка дай мне! — потребовала мать Лиззи, протягивая руку к книжке.

— А где записка, может, там все объясняется? — спросила взволнованная бабушка.

Лиззи подняла записку, которая тут же выскользнула из ее трясущейся руки и снова спланировала на пол. Наконец Лиззи развернула листок и начала читать:

> «Дорогая Лиззи! Здесь пять тысяч на обстановку дома, и если ты все еще хочешь приобрести то маленькое бунгало на Пайке, обратись к моему адвокату – я оставила ему соответствующее распоряжение. Это мой свадебный подарок, так что можешь купить мебель сразу, не до-

жидаясь, пока Дэн получит повышение. Желаю тебе счастья, твоя любящая кузина Элизабет».

— Вот! — объявила бабушка Брэйди, с удовлетворением откидываясь на спинку стула. — А что я говорила?

— Боже! — сказала мать Лиззи. — Дай мне глянуть на записку! Только подумать: дает все эти деньги, хотя совсем даже и не обязана!

На лице Лиззи была написана чистая радость, смывшая искусственную «светскую» надменность. Она пустилась в пляс.

— Ой, господи! Теперь мы можем купить и фонограф, и пианино, и «форд», как хочет Дэн — который как лимузин! Ну не чудеса ли? Что теперь девчонки в магазине скажут!

— Гм-м-м. Лучше уж купи стиральную машину и электрический утюг, — пробормотала практичная бабушка Брэйди.

— А я вот скажу, что это ужасно глупо с ее стороны доверить тебе такую кучу денег! — неодобрительно произнесла мать Лиззи, все-таки не без гордости наблюдая, как дочь второпях надевает шляпу и пальто, чтобы побежать и рассказать обо всем Дэну.

— Доработаю в магазине до конца недели, чтобы их не подводить, — Лиззи вернулась с порога и просунула голову в кухню, — и ни днем больше. У меня полно дел. Ну не здорово ли? Буду в этом магазине настоящей леди! Ой, все девчонкам расскажу!

А в это время новобрачные мчались в своем частном вагоне на Запад, не отвлекаясь на проплывающие за окном пейзажи, поскольку рассказывали друг другу все, что произошло с ними за эти три года.

И вот в одно ясное утро они сошли с поезда в Мальте и огляделись.

Светило солнце, на фоне ясного неба стояла маленькая коричневая станция, похожая на картинку, которая долго провисела на стене в закоулках чьей-то памяти, и вот теперь с нее стряхнули пыль, и она снова засияла.

Они купили пару лошадей и в сопровождении всего необходимого для устройства бивака отправились в свадебное путешествие по дороге, на которой они впервые встретились. Элизабет показала мужу, где она пряталась от тех людей, и он стиснул ее в объятиях и возблагодарил Господа за ее чудесное спасение.

Было замечательно снова оказаться в тех же

местах. В прерии не изменилось ничего, но сами они изменились до такой степени, что встреченные ими на пути совсем их не узнавали.

Они расположились на обед в том же самом каньоне и вспоминали всякие мелочи, которые тогда говорили и делали, и Элизабет смеялась над своим былым невежеством, когда муж припоминал вопросы, которые она ему тогда задавала.

И на каждом шагу их чудесного путешествия он говорил ей, как она хороша — как была хороша тогда и как прекрасна сейчас.

Они нигде надолго не задерживались, пока не добрались до старого ранчо, хозяйка которого когда-то пыталась уговорить ее остаться.

Элизабет сохранила в душе теплое чувство к этой женщине, которая хотела по-матерински защитить ее, и сейчас жаждала рассказать, что ее путешествие завершилось безопасно и как добр был к ней Господь все эти годы. И еще они хотели вознаградить этих добрых людей за гостеприимство. И вот ранним вечером — совсем как тогда, много лет назад, — они подъехали к старому бревенчатому дому. Но никто не вышел встретить их на пороге, дом казался необитаемым, пока Бенедикт не заметил в окне спальни колеблющийся свет свечи. Он спешился и постучал.

После некоторого ожидания дверь отворилась, на пороге возник старик. Высоко над головой он держал свечу. Он выглядел изнуренным, усталым, да и все вокруг было таким же безрадостным. Он вглядывался во тьму и было понятно, что никого из них он не узнает.

— Ничем не могу вам помочь, путники, — сказал он усталым голосом. — Если среди вас есть женщина, то лучше вам доехать до следующего ранчо. Моя жена больна. Очень больна. А кроме меня здесь больше никого нет, чтобы за ней ухаживать. Дом-то в беспорядке, она уже шесть недель, как болеет.

Элизабет соскочила с коня и подошла к порогу.

— О, она больна? Как жаль. Могу ли я что-нибудь для нее сделать? Она была так добра ко мне несколько лет назад…

Старик, моргая, вгляделся в нее, увидел ее красоту, изящество, обеспокоенность на ее лице, отметил про себя, что одета она по-другому, как из другого мира — и покачал головой:

— Вы, наверное, ошибаетесь, леди. Не помню, чтобы я вас раньше видел…

— Но я помню вас, — сердечно сказала она, входя в комнату. — Вы не проводите меня к ней?

— Ну хорошо, леди, если вы так хотите. Она

вот тут, на постели, и вряд ли уже поднимется. Доктор говорит, что ей ничего не поможет, разве только операция, но у нас нет денег на операцию. До больницы в Чикаго, куда он хочет ее послать, далеко, а нам с Марией никак разлучаться нельзя. Мы много лет уже…

Но Элизабет не дослушала. Она проскользнула в старую спальню, которую так хорошо помнила, и встала на колени у кровати, вглядываясь в бледное лицо женщины с тощей подушкой под головой.

— Вы помните меня? — спросила она. — Я та самая девушка, которую вы когда-то уговаривали остаться с вами. Я останавливалась у вас вместе с молодым человеком, которого встретила в прериях. Вы рассказывали мне о том, чего я не знала, вы были так добры ко мне, хотели, чтобы я осталась с вами. Помните меня? Я Элизабет.

Женщина протянула исхудалую руку и дотронулась до прекрасного юного лица, едва видневшегося в свете свечи.

— Да, помню, — сказала она, оживившись. — Помню. Ты была такая милая, я так за тебя беспокоилась. Хотела оставить тебя здесь, но ты не осталась. А он был такой симпатичный, этот молодой человек, но я за тебя боялась… Нико-

гда не знаешь, чего от них ждать… Никогда не знаешь…

— Но он оказался хороший, матушка, — в голосе Элизабет зазвучала радость. — Он позаботился обо мне, помог добраться до моих родных, а теперь я вышла за него замуж. Я хочу, чтобы вы на него посмотрели. Джордж, иди сюда!

Старая женщина приподнялась на подушке и посмотрела на возникшего на пороге молодого человека:

— Неужели? Он твой муж? Ну разве это не чудо?! Ох, как я рада! Я так волновалась…

Они сидели у постели больной, разговаривали. Элизабет вкратце рассказала обо всем, что с ней происходило, и о том, что они отправились в свадебное путешествие по следам того своего приключения, а старик и женщина рассказали, как она заболела и что доктор из Мальты сказал, будто есть в Чикаго один великий врач, он может сделать так, что она поправится, но у них нет на это денег, разве только ферму продадут, да никто ее покупать не хочет.

— Ой, да у нас есть деньги! — радостно объявила Элизабет. — И теперь наша очередь помочь вам, как вы помогли нам, когда мы были в беде. Как скоро вы можете ехать? Я представлю вас как

своих отца и маму. Мы же можем отправить их обоих, да, Джордж?

В эту ночь все улеглись поздно, потому что сначала долго обсуждали план, затем Элизабет и Джордж достали свои припасы и приготовили хороший ужин для хозяев, потому в последнее время они питались в основном кукурузной кашей.

А когда все уснули, старая женщина все равно долго лежала без сна и молилась и благодарила Господа за то, что он ниспослал им двух ангелов.

Наутро Джордж Бенедикт и один из сопровождавших их работников лагеря отправились в Мальту, связались с чикагским врачом и с больницей, и к их возвращению на ранчо все было готово к немедленной отправке обоих стариков. Джордж даже договорился об автомобиле, чтобы доставить их на станцию, и о том, что местный врач будет при них пару дней.

Тем временем Элизабет пересмотрела вещи старой женщины, которые та могла бы взять с собой, и, поскольку все они были старыми и грубыми, опустошила свой собственный багаж.

Старая женщина с благоговением гладила украшенное лентами и вышивкой белье:

— Ох, детка, ну разве ж я могу надеть такую

красоту на свои старые кости? Это ведь как ангельские одеяния…

И она прикоснулась узловатым пальцем к изящной вышивке и к розовому шелковому бантику.

Но Элизабет и слушать не хотела. Если на то пошло, белье для путешествия она покупала самое простое и практичное. Замечательно, что оно так нравится ее старому другу, но для той, что поддержала ее в беде и старалась помочь ей и избавить от опасности, ничего не жалко.

За время болезни женщина очень похудела и без труда смогла надеть одно из простых платьев девушки — темно-синее с белым воротничком, и темную шляпку к нему, еще Элизабет отдала ей юбку цвета хаки, коричневый капор и свитер, а также ночную рубашку. Она взяла с собой в путешествие не так много вещей и вполне могла пополнить запас в первом же городе на пути, и, в конце концов, для чего нужны деньги, как не для того, чтобы одеть нуждающихся и накормить голодных? Она радовалась тому, что могла помочь этой женщине из прерий.

Так что на третий день, одетая в платье Элизабет, она отправилась в путь в сопровождении своего старика, также переодетого в более годные

для Востока вещи Джорджа Бенедикта. При них был чемодан со сменой одежды и туалетные принадлежности с серебряными монограммами, способные удовлетворить взыскательный вкус любой снобствующей сиделки, а также роскошное шелковое кимоно Элизабет. Стариков усадили в нанятый Бенедиктом автомобиль и в должное время доставили к поезду на Чикаго. Прежде чем продолжить свое паломничество, молодая пара разослала телеграммы: на чикагском вокзале их также встретит автомобиль и медсестра, и присмотр за ними будет самый тщательный.

Благодарности и благословения стариков сопровождали их на всем пути, словно прекрасная музыка.

Они задержались возле маленького старого школьного здания, где впервые побывали на собрании Общества христианских усилий. Элизабет с незабытым страхом глядела на дорогу, по которой тогда проскакали ее преследователи, и подвела своего коня ближе к коню мужа. Они возвращались по своим собственным следам — Элизабет прекрасно все помнила.

В эту ночь они разбили лагерь в том укрытии, где Бенедикт впервые встретился с девушкой, и

здесь, под звездами, которые казались такими близкими, они преклонили колени и вознесли благодарственную молитву Господу за то, что он вел их по предназначенному пути.

Они добрались до одинокой хижины в горах, которая уже начала разрушаться, и Бенедикт, глядя на тонкие черты лица любимой жены, вспомнил об увиденном им когда-то белом цветке, росшем на краю угольной шахты: несмотря на всю царившую вокруг черноту, на нем не было ни пятнышка.

Они посетили могилы, и здесь, среди всей дикости и запустения, она рассказала ему о том, о чем не рассказывала раньше, — о своем детстве, и познакомила его со всеми своими родными. Она вспоминала о них только хорошее, только то, за что она их любила. Они решили установить здесь простые белые камни и выбить на них слова из книги, которую оба любили. На камне мамы должно быть начертано «Придите ко Мне, все труждающиеся и обременённые, и Я успокою вас» [4].

В этом путешествии они запланировали то, что потом в должное время и воплотили. Хижина

---

[4] Сноски: 4
Евангелие от Матфея 11:28.

превратилась в простой симпатичный дом с садом и виноградником, с гаражом для небольшой надежной машины. Неподалеку, на склоне холма, была сложена из местного камня церковь с окнами, сквозь которые весело светило солнце, и с колокольней — звон ее колоколов раздавался по всей округе.

Поначалу казалось, что это совершенно непрактично — строить церковь так далеко от ближайшего городка, но Элизабет сказала, что она располагается как раз в центре всего района и видна из всех поселений в этой долине. Более того, она будет стоять на главном пересекающем эти края пути. Она мечтала, чтобы здесь появилось место, которое послужит прибежищем всем, кто искал добра.

А потом они нашли двух миссионеров, которые могли бы жить в новом доме и пользоваться маленьким надежным автомобилем. Это они звонили в колокола, возносили молитвы и играли в маленькой церкви на органе и пианино.

Над алтарем был прекрасный витраж, изображавший Доброго Пастыря, Христа, над которым было начертано: «И помни весь путь, которым вел тебя Господь, Бог твой, по пустыне вот уже сорок лет, чтобы смирить тебя, чтобы испытать

тебя и узнать, что в сердце твоем, будешь ли хранить заповеди Его или нет» [5].

Под витражом было написано:

«„Во время бед укроет меня в шатре Своем; в тайне скинии Своей укроет меня“. В память о том, как укрывал Он, — Джордж и Элизабет Бенедикт».

А в прекрасном доме в Филадельфии, в одной из дальних комнат, куда не имели доступа посторонние, на стене было выбито: «Да не смущается сердце ваше».

[5] Сноски: 5
Второзаконие, Глава 8.